

Юлия

Бурбовская

**КОГДА ЗАЗВЕНИТ
КАПЕЛЬ**

18+

Юлия Бурбовская

Когда зазвонит капель

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67163717

SelfPub; 2022

Аннотация

Даша – обычная студентка, она учится, дружит и живет как тысячи других студентов. Но стоило ей влюбиться, как все идет наперекосяк. В ее жизни одно за другим происходят жуткие события. Сможет ли Даша узнать настоящую причину своих несчастий и противостоять темным силам?

Юлия Бурбовская

Когда зазвенит капель

Пролог

Воздух над плитой трепетал жарким маревом. Тонкой струйкой Тома выливала на тяжелую чугунную сковородку блинное тесто. Оно растекалось по ребристому дну в клеточку, вздувалось и лопалось крошечными пузырьками, да так и застывало – дырочками. Поставив одну сковородку на раскаленную конфорку, Тома бралась за вторую и быстрым движением переворачивала на ней подрумяненный с одной стороны тонкий блин.

Из коридора в кухню влетел бумажный самолетик. Он будто задумался на секунду, а потом медленно спланировал на стол. Тома тут же подхватила его и запустила обратно, но не рассчитала и он врезался прямо в лоб вбежавшему следом мальчишке.

– Ой! – в притворном ужасе Тома ахнула и закрыла руками рот, но тут же звонко рассмеялась, сбрызнула смехом мальчишку, обняла его двумя руками.

– Мама, я кушать хочу! Скоро блины?

– Блины-то скоро, только давай папу сначала дождемся! Уж поди вернуться должен. Обещал по пути в погреб спуститься, варенья принести. Вишневого!

– Фу, не хочу вишневое, оно приторное...

– Ну, хозяин – барин. Не нравится – не ешь. Сметана есть еще.

Тома выключила одну конфорку. Налила на вторую последние капли теста. Его было так мало, что оно не растеклось, а застыло нелепой кляксой.

– Ой, этот маленький мне, ладно, мама?

– Тебе, Тошенька, тебе, – она улыбнулась и потрепала сына по густым черным волосам. Прав был Леон, не шло ему русское имя, да Тома настояща.

– А папа когда вернется? – мальчик прижался носом к оконному стеклу, разглядывая редких прохожих во дворе. Одни смешно прыгали через черные проталины, боясь замочить ноги в мартовском талом снегу, другие, в блестящих резиновых галошах, шагали размашисто и быстро.

Тома сняла со сковороды последний блин-кляксу, укутала дымящуюся стопку линялым вафельным полотенцем и повернулась к мальчику.

– Он обещал вернуться к обеду, сын. Пойдем пока, почитаем.

Она потянулась вверх, подцепила пальцем шпингалет и отворила створки форточки, покрытые растрескавшейся краской, впустила дрожащий, дерзкий весенний воздух, птичий нестройный гомон, собачий лай и чьи-то голоса. Весна. За окном кипела жизнь, а внутри у Тома заворочалось противное что-то – как будто маленький жучок царапал нутро острыми коготками.

Где же Леон? Она еще несколько минут всматривалась в лица, ища среди них одно, любимое, потом обняла за плечи сына и увела в комнату.

Леон не пришел и через час. Остыли блины, Антошка все больше хныкал и просил есть, и Тома налила налила на кухне две кружки дымящегося чая, накормила и сына, и сама через силу съела один блин, не ощущая ни вкуса, ни запаха.

После обеда Тома ждала. Она спотыкалась взглядом о застывшую в циферблате стрелку часов, приглушила радио, чтобы лучше было слышно, не хлопнет ли дверь в подъезде, время от времени подходила к окну и смотрела в синеющий в сумерках двор. Чтобы занять себя чем-то, стала мыть посуду, но руки дрожали и ее любимая вазочка с золотой каемочкой, что подарил Леон, раскололась на две части. Плохо.

Тогда она велела сыну никому не открывать дверь – у папы есть ключ, заплела в косу длинные темные волосы, надела резиновые сапоги и новое серое пальто с большим песцовым воротником, и вышла на улицу. Ее черные, по-лисьи узкие глаза, искали мужа в каждом движении, за каждым поворотом. Эх, говорила же она Леону, нужно было гараж ближе покупать! Но того разве переубедишь? На сто рублей дешевле, а что далече – так это ничего, ходить полезно. Она шла быстро, временами переходя на бег, останавливалась, когда в боку начинало колоть, и снова широко и размахисто крушила тонкую пленку льда, затянувшую лужи в вечеру.

Гараж закрыт. Грязный снег вокруг изрыт, истоптан мно-

жеством ног и колес, словно днем здесь происходило что-то, но Тома никак не могла понять, что. Она зачем-то подергала крепкий амбарный замок на дверях, заглянула в щель. Темно. Тихо, только где-то коротко взлаивала сторожевая собака. Огляделась – вокруг ни души, все двери заперты. Решила обойти вокруг вокруг – вдруг Леон где-то у соседей. Их гараж последний в боксе и слева разросшийся сиреневый куст, летом превращающийся в отхожее место. Тома заглянула туда. Ветки поломаны, снег утоптан, много, много разных следов и под самым кустом проталина с чернеющим в темноте пятном. Она наклонилась, потрогала пятно руками. Кровь?

В висках застучало молоточками. Как она попала домой, Тома не помнила. Трясущимися руками открывала дверь, уронила ключи, попала в замочную скважину со второго этажа. В коридоре бледный как призрак, укутанный в одеяло, стоял Антошка.

– Мама, где папа?

– Он скоро придет, сынок. – Она зарылась лицом в это одеяло, сжала руками худенькие плечики, вдыхала теплый, родной запах от волос, кожи, запах безмятежности и счастья. – Иди спать, – сказала она, но не разжала рук. – Иди. Я сейчас, к тете Вале схожу позвонить и вернусь.

Телефонов в подъезде было два: у пенсионерки Валентины, что жила прямо напротив, да еще на пятом этаже у Палыча. Тетя Валя привыкла к частым визитам соседей, не отказывала никому. Тома вдавила круглую кнопку звонка. По-

стояла немного, разглядывая обитую черной клеенкой дверь, местами порванную, с торчащим из дыр пожелтевшим от старости поролоном. Спустя минуту за дверью послышались шаркающие шаги, звякнула цепочка.

– Теть Валь, здарсьте! Можно позвонить? Очень срочно!

– Вам всем всегда срочно... Ну проходи, коли так...

Дверь открылась полностью, пропуская Тому в крошечный узкий коридор, окутывая запахами кислой капусты и затхлости. На тумбочке у зеркала, накрытой белой кружевной салфеткой, стоял телефон и табуретка – для соседей. Тома опустилась на табуретку, сняла трубку, покрутила диск.

– Алло! – голос подруги на том конце веселый, живой.

– Свет, это я, Тома. Мой там не у вас? Не видели его?

– О, Томочка, объявилась! Нет, не захаживал твой. Ща, погоди... Мишань! Ты Левку Чапчавадзе видел седня? – крикнула Светка куда-то в сторону.

– Нет, грит, не видал. А что, пропал что ль?

– Пропал... как с утра ушел, так до сих пор нету...

– Вот паршивец!

– Ладно, давай, увидимся как-нибудь.

И, не дождавшись ответа, повесила трубку. Где же он? Может, к матери зашел да не предупредил? Набрала свекрови, но и там он не появлялся не только сегодня, но и целую неделю, выслушала тираду, что совсем совести у молодежи нет, забыли старушку, не заходят, не помогают. Свекровь, чистокровная грузинка, всегда говорила много, быстро, сло-

ва сыпались как горох из стручка, так что Тома даже не всегда ее понимала.

В растерянности Тома достала из кармана висевшей на стене пучеглазой плетеной совы телефонный справочник, полистала его. Скорая – вызовов не было. Травмпункт, хирургия: не поступал. Морг. Нет такого.

Что делать? Куда бежать?

Тома бросила в комнату дежурное: “Теть Валь, спасибо!”, вернулась домой. Антошка не дождался ее, уснул. Тома погладила темные волосы, прижалась губами к дрожащим ресницам и вышла из комнаты в кухню. Там она долго всматривалась в незашторенное окно, уже не пытаясь разглядеть Леона в чернильной темноте, потом села за стол, уронила голову на руки и глаз наконец полились душившие ее целый день слезы. Горькие, как полынь.

Ее разбудил гимн по радио. Она вздрогнула, покрутила затекшей шеей и поняла, что так и проспала всю ночь – сидя за столом. Кинулась в спальню в надежде – никого. Разбудила Антошку в школу, в тягостном молчании собралась на завод. На столе оставила записку – вдруг муж вернется?

У ворот школы она постояла с минуту, провожая взглядом Антошку, пока еще могла различить среди спешащих школьников его подпрыгивающий ранец на спине и синюю вязаную шапочку.

На заводе на проходной влилась в поток, там ее выцепила технолог:

– Томка, ты чего такая смурная? На тебе ж лица нет!

– Левку не видела моего? Пропал он. Ночевать не пришел, – ответила вместо приветствия.

– Не, не видала. Да ты брось переживать, поди запил с кем-нибудь в гараже!

– Нет его в гараже. Да и не пьет он вовсе.

– Ой, все они не пьют до поры, до времени. А как схлестнутся с дружбанами – так пиши пропало. Я тебе говорю: забухал твой милый. Не бойсь, пропьется и вернется.

Тома передернула плечами и пошла к своему месту. Через час в дверях цеха появилась старшая смены и, перекрикивая гул конвейера, позвала:

– Томка! Поди-ка сюды! Тут к тебе товарищ, из милиции.

Томе показалось, что сердце ее, словно лопнувшее яйцо, стекло по ребрам куда-то вниз и теперь противно стучало в животе. На деревянных ногах она вышла на проходную. Там стоял мужчина в форме и что-то писал карандашом в блокноте. Он поднял на нее внимательные серые глаза и спросил:

– Товарищ Чапчавадзе Тамара Петровна? Младший лейтенант Ерохин.

Слова не слушались, застряли в горле. Тома молча кивнула, прикрыла ладошкой рот.

– Чапчавадзе Леон Давидович – знаете такого?

Она снова кивнула и выдавила:

– Муж... Это мой муж... Что с ним?

– Все вопросы потом. Пожалуйста, пройдемте со мной,

вам необходимо проехать в отделение для дачи показаний.

– Показаний? Каких показаний? Что с Леоном?! Он ранен?!

– Нет, он не ранен. Пожалуйста, пройдемте.

Тома беспомощно оглянулась на старшую смены. Та, выкатив и без того круглые глазищи, мелко и часто закивала.

– Иди, иди, Томочка, иди... Да стой, куда раздетая! – она кинулась в раздевалку и тут же вернулась, неся на вытянутых руках Томино пальто, – вот, накинь, простудишься же!

УАЗик тряс и подпрыгивал на каждой выбоине. Дома за окном слились в одну серо-желтую массу, Тома их не различала, не понимала, куда они едут, зачем. Зачем? Что с Леоном? Что случилось? Мысли не думались, они пухли, теснились в голове, грозя взорвать ее.

В маленькой комнате без окон тусклая желтая лампочка. Она выхватывала светлый кружок над столом с двумя стульями, пряча в сумраке пустые углы. За столом усатый мужчина поднял на нее красные от усталости глаза. Показал рукой на стул:

– Присаживайтесь.

Протянул ей стопку черно-белых фотографий. Прикусывая губу, Тома взяла в руки несколько снимков. Девчонка... красивая... Вот она серьезная, с астрами, с бантом и в галстук, наверное первого сентября. Тут домашнее фото, смеётся чему-то, беззаботный взгляд устремлен вдаль. А вот цветная фотография, студийная. Она на ней неестествен-

но прямая, глаза голубые смотрят внимательно. А тут снова черно-белые фото, непонятно что на них. Какие палки, ветки, бесформенный кулек.

Сердце затрепыхалось. Следующий снимок – это и не кулек вовсе... Одеядло. А в одеядле – она. Глаза закрыты, на виске черно. Но даже мертвая – прекрасна. Еще снимок немного издалека – гаражи какие-то.

Нет, не какие-то. Их гараж. Их! Томы и Леона!

В голове будто маленький взрыв. В горле – колючий ком. Тома положила снимки на стол, подняла глаза с неммым вопросом.

– Вы знали эту девочку?

Молча покачала головой: нет.

– Ваш муж, Тамара Петровна, обвиняется в убийстве несовершеннолетней гражданки Сомовой Алевтины. Сейчас он находится в камере предварительного заключения, возбуждено уголовное дело. В ваших интересах отвечать на вопросы как можно более полно и говорить правду, и ничего кроме правды.

– Не правда... Он не мог... Он не такой... Мы даже не знали ее...

Комната качнулась, поплыла. Лампочка эта, она издевается, палит прямо в глаза, слепит. Тома закрыла лицо руками. Неправда. Это все неправда, не по настоящему. Сейчас она откроет глаза и все будет по-прежнему.

– Вам должно быть известно, – в голосе следователя за-

звенели стальные колокольчики, – что уклонение от дачи показаний карается законом. – он швырнул на стол папку с записками, которую держал в руках.

– Скажите... Я могу его увидеть? Поговорить...

– Не положено! Итак, где был ваш муж вчера утром?

Потом были вопросы, много, они повторялись, следовательно сердился, нервно курил и мерил шагами комнатушку. Тома сжималась на стуле, билась в истерике, как зверь в капкане, кричала, спорила. Бесполезно. Все бесполезно.

Дорога домой оглушала. Вокруг кипела, бурлила, торжествовала жизнь. Спешили люди, гудели машины, хлопали сизыми крыльями голуби. Но Тома не видела этой жизни. Она шла, ослепленная слезами, непонятно зачем, непонятно куда.

Дни потянулись тоскливые, серые. Допросы, дознания. А Антошке-то что сказать? Ночами выла, закусывала мокрый угол подушки, зажимала холодное одеяло ногами. Только и дали разок с Леоном свидеться. Лицо у него осунувшееся, изможденное, под глазами желтые круги. И нос кривой стал, как будто кто специально его на сторону своротил. Только и повторял ей шепотом: “Не я это, Томочка, не я, не верь им!”

А она и не верила. Да только сколько ни трепыхайся, кричи, не кричи: махину эту не остановить. Уже и дату суда назначили. И судью, Невскую Веру Васильевну, и народных заседателей.

А у Тома в сердце росла и крепла сначала обида, а потом

злость. Чудовищная бессильная злоба пожирала ее изнутри, не давала дышать и думать.

Когда ее в очередной раз не пустили на свидание с Леоном, она уткнулась лбом в серую шершавую стену и тихо сдавленно прошептала:

– Как же. Я. Вас. Всех. Ненавижу!

А когда стала известна дата судебного заседания, Тома решила на последний, отчаянный шаг. Бегом, бегом к Светке, она знает.

Вихрем взлетела по ступенькам, пальцем кнопку звонка вдавила, к холодной исписанной стене привалилась. Дверь отворилась и на порог вышла женщина, ладная, гладкая, на руках краснощекий младенец. Отняла она Томкин палец от кнопки звонка, затащила внутрь.

– Рассказывай.

– Ох, Светка, помоги. Сил моих больше нету. Ведь не виноватый он! Где эта бабка живет?

– На кой тебе? Чего удумала?

– Ничего не удумала, скажи только! Может хоть она средство какое знает...

– Может и знает. Да только берет она дорого, как бы не пожалеть тебе потом, – по красивому Светкиному лицу будто тучка пробежала.

– Да деньги есть у меня, немного.

– На кой ей твои деньги? Она сама тебе цену назначит, уж не знаю, что запросит. А живет она в Черемошниках, у

самой речки. Дом некрашенный, будто в землю врос. Спроси бабушку Маланью, ее все знают там.

Ночью Тома спотыкалась о тугие, свитые из ветра канаты и бежала к Маланье. Зачем? Она и сама еще толком не знала. Бежала, спотыкалась, ноги оскальзывались на подернутых ледком лужицах. Ветер крутил, сек по лицу. Наконец темное, гладкое полотно реки, черный домик, вросший в землю по самые окошки. В одном окошке свет горит и дверь не заперта.

Тома пару раз нерешительно стукнула и толкнула толстую, обитую по краям войлоком, дверь. Дохнуло теплом. Тома шагнула через порог и попала сразу в кухню. Под толчком тусклая лампочка, в печке трещат дрова. Бабушка Маланья сидела на табуретке широко расставив ноги, чистила над ведром картошку. Белые волосы, скрученные в пучок, цветастый халат, лицо, хоть и в морщинах, но не страшное совсем. И чего ее боятся люди? Та сверкнула глазами, усмехнулась.

– 3-3-здрасьте... – выдавила Тома, оглядывая кухню. Какие-то ведра, на полках баночки, по стенам луковые косы, у печки на полу стопкой березовые поленья сложены, занавески на окнах красные, в белый горох. Пахло травами.

– Что смотришь? Ищешь крысиных хвостов да вороньих перьев? Думаешь, колдунья я, как в сказках сказывают? Не бойсь, не кусаюсь. Сказывай, как звать тебя, зачем пришла?

– Дело есть. А зовут меня Томой.

– Хорошее ль дело, али недоброе что замыслила?

Тома выпрямилась, подбородок вздернула:

– Обидели нас сильно. Отомстить хочу.

– Злость, месть – для бесов честь. Не дело это.

– А то, что мужа моего ни за что в тюрьму посадят – дело?

То, что сын без отца останется – дело?

– Ах вон ты какая. Ни за что говоришь... Ну садись вон, посмотрим.

Тома шагнула ближе к столу, опустилась на стул, провела пальцем по нарисованным цветам. В нос ударил запах старой клеенки.

Маланья поднялась, убрала ведро с очистками, зачерпнула ковшиком воды из фляги, плеснула в кастрюльку с картошкой и поставила ее на печку. Потом ушла в комнатушку за цветастой занавеской и вернулась с толстой красной свечой и замусоленной колодой карт в руках.

– Смелая ты. Значит так. Сама я ничего делать не стану, не люблю это мне. Но могу силою с тобой поделиться, в аккурат хватит и порчу навести, и наказать, кого надобно тебе. Но ответ тебе держать придется: взамен отдашь мне молодость и красоту свою. Старая я уже, а пожить еще хочется на белом свете. – сказала, как припечатала. – Согласна?

– Зачем мне красота без Леона? Они не мужа у меня отняли, а всю жизнь, понимаешь?! Всю, всю жизнь сломали!

– Ох, дура ты, девка! А как же сын твой? О нем не подумала? – спросила Маланья и глазищами будто черную дыру

в душе прожгла.

– Придумаю что-нибудь. Бабушка вырастит, ежели что.

– Ох, беда мне с тобой! Бабушка...

Чиркнула спичкой. Серный шарик зашипел и словно нехотя разгорелся. Маланья медлит. Вот уже черная спичечная головка склонилась, сейчас упадет. Наконец пламя лизнуло короткий фитиль и разгорелось быстро, жарко. Свеча затрещала. Маланья поплюнула пальцы, разложила карты, долго смотрела на них, перекладывала, качала головой, шамкала одними губами. Цветные картинки на них кивали и кланялись Томе.

Воздух отчего сделался густым, плотным и вязким, как кисель. Во рту у Тома пересохло, язык не слушался. В голове было мелькнуло: “Бежать!”, но ноги стали ватными, приросли к стулу. Она почувствовала себя мухой в огромной, липкой паутине.

– Руки дай! – скомандовала Маланья так, что Тома не посмела перечить. – Да не бойсь, давай живее!

Тома протянула враз похолодевшие ладони. Старуха схватила их цепко, как паук.

– Отныне повелеваю вкусить тебе, дитя мое, истинного ведовского могущества! Наполняйся, аки сосуд, не добром, и не злом, не теплом и не холодом, а страданием и мудростью, силою, ни человеку, ни зверю, ни времени, неподвластною! Прими благословение мое отомстить, а потом вернуться и умереть, дабы не нести тяжкий вдовий крест!

Внезапный жар обжег руки, сердце стиснуло, будто охваченное ревушим пламенем. Тома сидела, ни жива, ни мертва, охваченная злым, беспредельным горем. Жажда мести выжгла внутри все дотла, отравила душу. Обессиленная, Тома отняла от Маланьи руки, уронила голову. Отдышалась.

– Иди теперь, исполни, что задумала. – Маланья дунула и погасила свечу. Лицо ее разгладилось, глаза заблестели огоньками.

Тома поднялась через силу, держась за стену двинулась к выходу. Обернулась, кивнула Маланье. Потом взгляд ее скользнул в зеркало в резной раме. Вздрыгнула. Смотрела Тома в зеркало и не узнавала себя: кожа сморщилась, как печеное яблоко, стала тонкой, как пергамент, волосы поредели, побелели, спина сгорбилась. Злые слезы застлали глаза: вот она, цена ведовской силы.

Ветер играет кружевной занавеской на приоткрытом окне. Яркое солнце лижет стекла, отчего они вспыхивают факелами, окрашивая потрескавшиеся от старости стены в теплый желтый цвет. С улицы доносится музыка – в парке сегодня праздник, а в зале заседаний не до веселья.

Прикрыв глаза, толи от боли, толи усталости, мужчина сидит за решеткой. Ссутулил спину. Судорожный вздох сотряс его крепкое тело и он открыл красные воспаленные глаза и медленно, словно через силу, обвел глазами людей в зале. Взгляд пустой, равнодушный, будто огонь погас и очаг вы-

студило, скользнул по Томе – не признал любимой в безобразной старухе. “Леон, я здесь! – хотелось закричать ей, – это я, я, Леонушка! Неужели ты не узнаешь свою Томку?”

– Тишина в зале! Ти-ши-на!!! – судья до побелевших костяшек пальцев сжала в руке молоточек.

– Обвиняемый Чапчаввадзе Леон Давидович совершил преступления против жизни, здоровья и достоинства личности, а именно убийство несовершеннолетней с отягчающими обстоятельствами. Обвиняемый признается виновным по статье 102 УК РСФСР и приговаривается к наказанию в виде смертной казни. Именем Советского Союза, решение суда окончательное и обжалованию не подлежит. Уведите подсудимого!

Голос судьи разрывал барабанные перепонки, отпечатывался в мозге, слышался Томе снова и снова. Стиснуло сердце от боли, в груди жар разгорелся, ладони теплом и силой налились.

– Тварь!!! Паскуда поганая! Ты еще пожалеешь об этом! Пожалеешь! – Тома вскочила со своего места в зале и бросилась к судье. – Умоешься кровавыми слезами! Будь ты проклята! Проклята! И ты, и все твои ублюдки! – закричала она неистово. Руки уже будто кипятком ошпарило, а с пальцев мелкие, как горошинки, искорки посыпались. Сбросила их Тома на стол судье. Вспыхнули вмиг бумаги, задымились, пожухли. Встрепенулось жадное пламя, заплясало, будет теперь вечно погибельной порчей дозвлет над судьей, непод-

властное ни чарам, ни времени.

Суета поднялась, суматоха, крик.

Охранники подскочили, скрутили Томе руки и увели, кто-то сбил огонь.

– Будь ты проклята!!! – долго еще этот голос будет резать на куски по живому...

Глава 1

Огромные свинцовые тучи укутали небо, университет и деревья как ватное одеяло. Они навалились на прохожих, словно вся тяжесть мирового океана, оплакивая дождем бабье лето. Тонкие, голые ветви деревьев чуть подрагивали от порывов холодного ветра. Но закрытые окна не пропускали не по-сентябрьски колючий воздух и в аудитории было тепло и светло. Около сотни голов склонились над партами. Почти тишина. Только время от времени ее разрезал голос профессора:

– ... Таким образом, наибольшее распространение в цифровых устройствах получили RS-триггеры с двумя установочными входами, D-триггер и T-триггер. Рассмотрим функциональные возможности каждого из них... Орлова!

Слова прорывались в сознание как сквозь вату. Даша, пепельная блондинка с серыми живыми глазами под круто изогнутыми бровями, с тонкой изящной талией, с трудом разлепила глаза и подняла отяжелевшую голову.

– Орлова, опять спишь! Смотри у меня, не видать тебе

зачета, как своих ушей!

– Нет-нет, Павел Николаевич, я не сплю!

В аудиторию ворвался неясный гул из коридора и спас Дашу от излишнего внимания.

– Так, мы опять не успеваем, – тучный лысеющий профессор уже потерял к ней интерес и произнес, вытирая доску, – ну что же, закончим на следующем занятии. Постарайтесь не опаздывать. И запомните, что в первую очередь я буду оценивать ваши знания, полученные на лекциях, а за посещаемость я буду ставить дополнительные баллы!

– Фу, блин, – Даша потерла лицо руками, прогоняя остатки сна, – дашь списать?

– Это как попросишь! – засмеялся Сашка, сосед по парте, – Ты всю пару проспала!

Сашка балагур и весельчак, ему все дается легко, а девочки тают как липкое мороженое, от одного взгляда его насмешливых карих глаз. А она была симпатичной, но не красавицей, умной, но не крутой. Она была едкой, колкой, слишком напряженной.

– Ну Саааш, – Даша капризно надула губы, – ну пожалуйста. Ты же знаешь, я всю ночь доклад готовила! И я без тебя не справлюсь...

– Ладно уж. К Любке пойдешь? Я с ней встречаюсь в библиотеке, вот там и перепишешь.

Любка! Любава. Её школьная подруга. Красавица, каких поискать. Высокая, прямая, а волосы сладкой патокой по

плечам. Где-то внутри у Даши заворочалось противное что-то, но она заставила себя затоптать ревность и улыбнуться:

– Идем!

Сложила в сумку тетрадь и ручку, пальто свое старое натянула и вышла вслед за Сашкой в хмурый промозглый день. Ледяной ветер моментально выдул все тепло из-под тонкого сукна, добрался до костей, разметал волосы.

Зябко кутаясь, бежали к остановке. Мимо памятника Кирову, что всегда укажет путь – вниз по лестнице. Ступенек на ней – не сосчитать. Людской поток течет, как живая река. Томск – город юности и студенчества. Город мечты, надежд и любви, по-осеннему рыжий, вихрастый. Он умеет пьянить головы, но дорого берет. В нем романтика деревянного кружева, покосившихся старых домов.

Вдали заискрили провода – подкатил рогатый троллейбус. Толпа студентов внесла их в широкие двери, смяла, прижала друг к другу. Они в центре, и Даша подбородком уперлась ему в грудь.

От Сашки пахло чем-то необычным, несладким. Он был чуть старше Даши, всего на три года. Приехал из глуши покорять большой Томск. Там, в своем селе, закончил техникум, да вовремя понял, что деревня связывает крылья за спиной. На первый курс его взяли даже без экзаменов. Она... она его любит. Давно. Целую вечность – с первого курса. А он? Он загорел, все лето проводил на улице. В деревне ведь как – от зари до зари работа не кончается. Красивый он. Здесь, в

Томске, живет учебный год у тетки, ходит вечерами в качалку. Не курит и любит жизнь. Они говорили с Дашей обо всём подряд: о новой курсовой и передовых технологиях, о планах на будущее и террористах. Им легко вдвоем, интересно.

До библиотеки мединститута ехать недалеко совсем. Старая и приземистая, она нахохлилась как голубь и манила желтым светом окошек.

Внутри тепло. Пахло пылью, книгами и кофе из автоматов. В читальном зале ждала их Любава. Десять лет они с Дашей не разлей вода. Всегда вместе, всегда рядом. За одной партой сидели, хихикали, мальчишек обсуждали. Казалось, так будет всегда. Только после школы разошлись их пути. Даша пошла в политех, а Любава в медицинский. Она в этом вся: умная, добрая, правильная. Спасать, помогать, ходить даже на лекции в снежно-белом халате. Всегда и во всем первая. А Даша... Ну что Даша. Как поступила кое-как, так и учится через пень-колоду.

Любава увидела их, замахала, обрадовалась:

– Саша, ты пришел! Привет, Даш!

– Привет, солнце! – он одарил ее совсем не дружеским поцелуем.

Ребята сели за стол, весело обмениваясь новостями и лишь под строгим взглядом библиотекаря притихли, смутившись.

– Саш, конспект.., – шепотом напомнила Даша. Тот закатил глаза в притворном возмущении и протянул тетрадку че-

рез стол.

Села писать. Только бы не смотреть на этих голубков. Даша опустила веки, чтобы не видеть их, этих чертовых манящих глаз, и облизнула враз пересохшие губы. Карандаш легко поржал по бумаге – почерк у Сашки на редкость понятный.

Не вытерпела, подняла глаза. Люба о чем-то засмеялась, а он пожал плечом, шумно выдохнул ей в волосы. Взял её за руку. Одно едва заметное движение и их щеки соприкоснулись.

Не смотреть. Не мучиться. Не думать. Дашка снова взялась за карандаш, воткнула его в бумагу. Сломался. Черт! Поискала в сумке точилку, покрутила в ней огрызок. Отвела взгляд от графитовых закорючек. Сашка перехватил его, улыбнулся открыто, обезоруживающе. Красивый. О Господи, какой же красивый... Ласковый. Не с ней только.

Потянуло кислым. Запах проникал в сознание исподволь, исподтишка вторгаясь в мысли. Дашу передернуло. Внутри что-то екнуло, заставляя оборачиваться по сторонам. Ничего.

Запах усиливался, противно щекотал ноздри. Даша обернулась еще раз и вздрогнула. За соседним столом сидела женщина. Безобразно грязная, она беззвучно шамкала одними губами и пристально смотрела на Дашу. Лицо ее раскалили глубокие, как два оврага, морщины, протянувшиеся от крыльев носа к уголкам рта, цветастый платок на голове съ-

хал набок, обнажая длинные седые волосы, которые беспорядочными клочьями висели вниз, даже не висели, а слегка шевелились, будто колышимые невидимым ветром. Под темными провалами глазниц холодные жесткие глаза впились в самое Дашино сердце. Цепко, глубоко. Даша подспудно ощутила тревогу, будто скоро все изменится.

Не поворачиваясь, она прошептала одними губами:

– Люююб... Люба, кто это?

– Где? – вскинула голову подруга. Даша перехватила ее взгляд, чтобы показать, но когда обернулась снова, за столом никого не увидела.

– Вот тут... женщина сидела... грязная такая...

– Ушла может? Я не вижу никого.

– Нет, так быстро она не могла уйти. Показалось, наверное...

– Даш, ты себя хорошо чувствуешь? У тебя щеки красные. Ну-ка, дай лоб, – Любава поднялась со своего места и легко прикоснулась губами к пылающему Дашиному лбу, обдав сладкой волной духов.

– Да ты горишь! Ты заболела! Саш, пойдем проводим ее домой!

Даша поставила локти на стол, обхватила голову руками, потеряла виски.

– Не, не надо, ребят. Я сама дойду.

– Точно дойдешь? Может, такси вызвать тебе?

– Не надо. Дойду, правда.

– Ну смотри. Напиши мне потом, как домой придешь.

– Напишу, – Даша попыталась улыбнуться, но вышло вымученно: голова разрывалась на части от накатившей боли, – спасибо, Саш. Возьми.

Даша протянула тетрадь. Черт с ним, с конспектом. Потом как-нибудь. Все равно сейчас сил нет дописывать.

Вышла на улицу. Снова троллейбус. Пока ждала, пошел дождь, мелкий. Села у окна, лбом к стеклу. По нему разводы от дождя, как акварель гениального творца. Или это от слез поплыла картинка?

Ревность... Что за глупое слово. Ревнуют своё к чужому. А он не её. И хватит уже думать об этом. Любава его достойна.

Утерла слезы, не хватало еще, чтобы мама видела. Переход через пустырь, направо, еще дальше, дворами – домой. Дом у реки, старая хрущевка. Их с матерью квартира на первом этаже.

Клацнул дверной замок о вспоровшие его нутро ключи. Тишина дома. Даша прикрыла за собой тихонько скрипнувшую дверь, нашарила рукой на стене выключатель в жирном грязном пятне. Сняла промокшие ботинки, повесила в узком коридорчике пальто. Два шага – и вот она уже стояла в арочном проеме проходной комнаты.

Там на пухлом разложенном диване спала мать. Комната напоминала островок советского уюта. Вдоль длинной стены старая полированная стенка, в ней за стеклянными дверца-

ми – хрусталь. В углу у окна телевизор. И нигде ни пылинки. Даша на цыпочках прокралась мимо в свою спальню, повесила сумку на стул.

В ее комнате все по-другому. Еще пять лет назад она стену над кроватью залепила постерами из журналов. Напротив шкафа, рядом стол с компьютером. Мама с отпускных купила его с рук. Кругом стопками были навалены диски, учебники, тетради, в бархатном мешочке висели наушники. «Да у тебя черт ногу сломит!» – все время ругалась мама. А из окна вид на речку. Летом гладь воды не разглядеть, она зашторена зеленым занавесом, а сейчас деревья почти сбросили свой желтый наряд и сквозь кружево веток проглядывает серое полотно Томи.

Даша в темноте прошла на кухню. Она могла бы ходить по дому с закрытыми глазами. В этой квартире, где она выросла, где бегала босиком, с распущенными косами, куда возвращалась из школы, здесь годами ничего не менялось.

Это так непонятно и понятно одновременно. Почему-то из своего детства она почти не помнила папу. Лет до двенадцати. Очень отрывочно и несущественно. Помнила только поездки с ним на муковозе: он привозил муку на хлебозавод и всегда возвращался с обжигающим хлебом прямо из печи. И помнила, как он водил автобус, а Даша на капоте сидела и продавала билеты. А еще помнила, что он пил. Много и часто.

Когда Даше было двенадцать, отец повесился. Это был та-

кой удар, что ей тогда казалось, у нее вырвали сердце и облили его кислотой. Взрослые почему-то считают, что дети – не люди и ничего не понимают. А дети – это люди. Самые настоящие люди, только маленького роста.

Мать после этого вечно на работе. Сутки через трое мыла полы в хирургии. Платили копейки. Между сменами подрабатывала чтобы купить Даше сапоги к зиме.

Даша залила булькающей водой чайный пакетик, достала холодные макароны, высыпала их на политую маслом сковородку. Деликатесов у них отродясь не водилось.

Измерила температуру – нормальная. И щеки уже не горят, и голова почти не болит. Странный сегодня день. Достала телефон, написала Любаве. Хорошая она, беспокоится наверное...

Глава 2

До конца пары оставались считанные минуты. Любава стремительно писала и все равно едва поспевала за лектором: он не диктовал, а просто говорил, говорил, нудно и монотонно, так что многие студенты сложили головы на парты и нагло спали. Еще и сзади сидели две беспечные трещотки и тыкали ее карандашом в спину:

– Любка! Эй! ... Люба! Пссс!

– Ну че надо?

Любава нахмурилась и обернулась. Если не ответить, того и гляди вся спина в синяках будет. Белка и Стрелка, так уж прозвали этих неразлучных подружек, весело смотрели на

нее сверху вниз. Лекция их явно не заботила. Белка красила ногти лаком, смешно растопырив пальцы, а Стрелка держала в руках маленькое карманное зеркальце, перед которым она тщательно пудрила и без того идеально гладкую, словно фарфоровую кожу. “Потом ведь опять будут просить тетрадку отксерить” – мелькнуло в голове у Любавы.

– В клуб пойдешь? В “Октябре” сегодня девушкам вход по пятьдесят рублей!

“Октябрем” назывался низкопробный ночной клуб на проспекте Фрунзе, недалеко от университета, с убогим интерьером а-ля восьмидесятые, но и с ценами под стать тощим кошелькам студентов. Любава про себя называла его “тошнилровкой” за то, что многих перебравших гуляк выворачивало прямо там.

– Не. Мне на кафедре надо после пар, Роману Юричу черновик курсовой показать. А потом домой, дописывать.

– Роман Юрич то, Роман Юрич се. Да ты втрескалась в него, похоже, – насмешливо протянула Белка.

– Или он в нее. Посмотрим, посмотрим, если зачет автоматом поставит, значит точно втрескался! – хохотнула Стрелка

– Дуры, – беззлобно сказала Любава и отвернулась.

За этим разговором она пропустила последние слова преподавателя и досадливо поморщилась. Пойти что ли догнать доцента, спросить, не задал ли он чего? Да нет, неловко как-то. Ну да ладно, впереди еще куча дел. Дашке вот надо позво-

нить. Хоть бы она не разболелась там, а то и помочь реанимировать сломанный компьютер будет некому. А еще успеть на кафедру забежать к профессору.

Чтобы там ни воображали себе Белова и Стрелкова, а к профессору Роману Юрьевичу Любава и правда зачастила. Она восхищалась его острым пытливым умом, его пронизательностью, его беззаветной любовью к работе. Все свободное от лекций время он проводил в биологической лаборатории, где отчаянно пытался найти ту самую идеальную формулу, побеждающую раковые клетки. Несколько раз он и ее приглашал, еще на втором курсе в прошлом году. Тогда она просто в восхищении разглядывала стеклянные джунгли: бесчисленные колбы, стаканы, воронки, пипетки.

В этом году он обещал ей настоящую научную работу в лаборатории. Любава загорелась его идеями, грезила постичь секреты мастерства. И вот наконец первые практики! Но только почему-то никаких фонтанирующих открытий, никаких Архимедов, выпрыгивающих из ванн. Вместо этого простые и почти медитативные действия: надеть насадку на дозатор, набрать жидкость, вылить жидкость, снять насадку. И так из раза в раз. Но она понимала, что именно эта кропотливая сложная работа рано или поздно приведет ее к прорыву.

Студенты ручейками стекались по ступенькам аудиторного амфитеатра вниз, толпились в узких дверях, устраивали шуточные потасовки. Любава не спешила. Она достала из сумки расческу и маленькое зеркальце, придирчиво огля-

дела безупречное отражение, стянула резинку и распустила пышную гриву пшенично-русых волос, долго и тщательно расчесывала их. Она и правда была красива. Своими длинными волосами, нежной фарфоровой кожей, бусинкой родинки на левой щеке и ласковыми глазами она напоминала деву из славянской мифологии и побуждала в мужчинах первобытный инстинкт завоевателя.

Любава убрала расческу, вынула телефон и набрала Даше. Долгие длинные гудки. Она успела сложить тетрадку и ручку в сумку, поправить пуговичку на халате, поковырять ногтем краску на парте, прежде чем Даша ответила.

– Дашка, привет! Ты как чувствуешь себя? – не то, чтобы она очень волновалась, но спросить не помешает.

– Привет, дорогая, – это “дорогая” было у них позывным, обозначающим хорошее настроение, – да все нормально. Ты как, идешь гулять сегодня?

Люба в ответ облегченно рассмеялась:

– Ох, ну и хорошо! Ты меня вчера так напугала! Слушай, ты прикинь, что у меня вчера случилось?

– Что? Что случилось?

– Ой! Курсовую вчера писала, зашла на какой-то сайт, куда-то нажала и у меня что-то выскочило. Теперь синий экран и я ничего не могу сделать. Хорошо хоть черновик успела сохранить!

– Ох, горе ты луковое! Куда нажала? Что выскочило? Опять вирус какой-нибудь поймала? – выпалила Даша на том

конце.

– Даш, ну не сердись, я не знаю, как объяснить. Может, ты ко мне придешь? Ты же с лета не была у меня! Предки ремонт доделали, посмотришь как раз. Я тебя накормлю. Ну помоги, Даш!

– Ну ладно, уговорила. А Сашка что, ты с ним не встречаешься сегодня?

– Нет, он вчера говорил, что его тетя просила помочь с чем-то. Он не сможет, – тут Любава вздохнула. – У тебя кончились пары? Ты можешь ко мне на кафедру зайти? Мне надо показать черновик курсовой. А потом вместе пойдем, ладно?

Даша помолчала немного, а потом сказала:

– Договорились! – она кинула телефон в сумку и заспешила к выходу одной из последних.

Коридор жужжал, будто потревоженный улей. Студенты спешили вниз и вверх по лестницами, группами толпились у дверей, смеялись, толкались и громко разговаривали. Любава лавировала между ними как заяц, запутывающий след. Наконец кафедра за узорными металлическими дверями. Запыхавшись, она даже забыла постучаться, просто распахнула дверь, влетела и замерла на пороге. За ближним столом хмурился в экран монитора профессор Бекк.

– Роман Юрьевич, здравствуйте! Я принесла черновик курсовой, посмотрите?

– Чкалова! Уже?

– Ну.., – смутилась Любава. От раздачи тем едва ли прошла неделя. Но она всегда и везде была первой. Лучшая студентка на курсе, гордость кафедры. Профессор за живой, пытливый ум пророчил ей великое будущее, грандиозные открытия. “Если любовь голову не заморочит”, – любил добавлять он. – Да! Просто тема очень интересная!

Она шагнула поближе к столу, порылась в сумке и протянула профессору маленькую флешку с гравировкой на корпусе – подарок Сашки. С самого первого курса она томилась бессонными ночами, думала о нем все свободное от учебы время, злилась на подругу только за то, что это Даша, а не она учится с ним в одной группе. Она тогда прибежала к Даше в политех, а там ребята столпились на крыльце, смеялись, болтали. И рядом с Дашей парень – коренастый, кареглазый, а улыбка у него такая, будто он обнимал ею весь мир. Взглянул на Любаву и все – она пропала. При одной только мысли о нем ладошки у нее стали влажными, а под ложечкой сладко засосало. “Надо было не в мед поступать, а в политехнический! – говорила Даша. – Сама знаешь, у Кирова рука еще не отвалилась!” Любава смеялась, отшучивалась, мол, на тебе и проверим. Старинная легенда гласит, что если из Томского Политеха выпустится хоть одна девственница, то у памятника Кирову, что напротив главного корпуса, отвалится рука. Парней в три раза больше, чем девушек.

С тех самых пор, как Даша познакомила ее со своим одноклассником Сашкой, Любава измучилась душой и телом.

Казалось, вся она превратилась в оголенный нерв. Любой звонок по телефону, любая встреча с ним, слово, жест – вызывали теперь смертельную муку. Даже во сне его образ не оставлял ее. Единственным спасением была учеба. Только так Любава могла перенестись в волнующий и прекрасный мир медицины. Ее захватывал водоворот бесконечных зубодробительных названий солей, кислот, ферментов, плазмидов и питательных сред.

Профессор воткнул флешку в компьютер, открыл документ и долго с задумчивым видом его читал, кивал головой, постукивал пальцами по столу, время от времени издавая междометия вроде “угу” или “ага”. Вдруг глаза его расширились, он как-то подобрался весь, приосанился.

– Так, а это что у вас тут такое? Я этого не давал на лекциях!

– Где? Что? – Любава обошла вокруг стола и заглянула в монитор. – А. Я вот и хотела как раз по поводу этого и спросить. Смотрите, почему во всех протоколах лечения сразу применяют химиотерапию? Почему бы нам сначала не определять, способна ли опухоль метастазировать и в зависимости от этого принимать решение, применять химиотерапию или нет? Я предлагаю провести проспективное исследование для двух групп пациентов. После установления диагноза им необходимо выделить ДНК опухоли и по маркерам генов индукции стволового состояния клеток определить способность опухоли к метастазированию. Ну и в зависимости от

этого принимать решение. Это позволит не подвергать пациентов лишний раз токсическому воздействию цитостатиков.

Роман Юрьевич молчал несколько секунд. Он задумчиво смотрел в монитор, тер подбородок пальцами и видимо о чем-то думал.

– Мда. Я предполагал, что вы девушка умная. Но это... Это просто гениально! И это настолько гениально, насколько же и очевидно! И почему я сам до этого не додумался? Прекрасная работа! Продолжайте. Насчет практической части не переживайте. Я договорюсь с Оксаной Анатольевной, она нам предоставит биоматериал для исследования. Вы без проблем сможете приходить ко мне в лабораторию для проведения анализов.

– О, Роман Юрьевич, это так здорово! Можно мне прийти в понедельник? Можно? Можно? – живо отозвалась Любава.

– Конечно, – улыбнулся профессор.

Тут у него зазвонил телефон и он ответил. Несколько секунд слушал молча, а потом будто грозовая туча пробежала по его лицу, он вскочил из-за стола, с грохотом отодвинув стул и выбежал в коридор. Едва только за ним закрылась дверь, Любава закрыла документ, вытащила свою флешку и вышла следом.

В коридоре ее уже ждала Даша.

Глава 3

Она проснулась, открыла глаза и взглянула в окно, пытаясь понять, сколько сейчас времени, – но по серому сен-

тябрьскому полумраку за окном невозможно было догадаться, утро сейчас или вторая половина дня. Какое-то время она лежала без движения, прислушиваясь – в квартире было тихо. Никто не разбудил ее, и несколько мгновений она боролась с искушением закрыть глаза и заснуть снова, но потом все-таки заставила себя встать, дотянуться до телефона и посмотреть на часы.

Прospала!

Даша подскочила с кровати и на одной ноге, на ходу натягивая юбку, поскакала в ванную.

Только умывшись, она сообразила, что мама уже куда-то ушла и не разбудила ее. Значит, ей не показалось – квартира была пуста. Черт, неужели так сложно было разбудить? Ведь знает же мама, что ей к первой паре. Теперь придется бегом бежать на автобус и даже накраситься некогда.

Мест в автобусе было полно, но она не садилась: потрескавшийся кожезаменитель на сиденьях грозил порвать последние колготки. Даша впервые опаздывала на пары, поэтому поминутно доставала из кармана пальто телефон с фотографией Сашки на главном экране, умоляя время не бежать так быстро. Черт! Автобус как назло тащился улиткой мимо престижных дорогих бутиков. Она побывала в каждом из них, вдыхала ароматы духов и рисовала на руке дразнящими пробниками помад, смотрела на платья и воображала себя в них, стараясь не замечать насмешливых взглядов продавцов, которые уже по одной только ее трикотажной кофточке

безошибочно определяли, что она здесь ничего не купит, а значит, нечего и тратить на нее время. В такие минуты она в сотый раз думала, что учеба в университете – главный ее козырь. Лишь бы только избежать унылого прозябания, как у матери! Придет и ее время.

Небо на улице прояснилось, обещая теплый погожий день. “Надо будет погулять после пар с ребятами”, – пронеслось в голове у Даши, пока она бежала по пустому коридору. Стук ее каблучков гулким эхом разносился в тишине, но это ее мало заботило. А вот то, что ее сейчас ждет выговор за опоздание, расстраивало куда больше.

Дверь в аудиторию противно заскрипела, когда Даша просунула в проем голову:

– Извините, можно?

– Орлова? Почему опаздываем? Проходите, садитесь.

Стараясь двигаться как можно тише, Даша под ехидные смешки однокурсников прошла к последней свободной парте и села. Место рядом с Сашкой сегодня было уже занято старостой.

– Привет, детка. Тут такое дело. На, выбирай тему, – повернулся к ней долговязый Эдик, сидевший впереди.

– Что еще? – шепотом спросила Даша, еще не успев как следует отдышаться после быстрой ходьбы.

– Темы курсовых, детка. У нас курсач по схемотехнике! Ты не знала что ли, м? Давай, включайся. Режим “стальные яйца”, ну!

Только этого еще не хватало! Даша взяла из рук Эдика пухлую замызганную методичку и принялась вчитываться. Наверное, если читать китайские иероглифы – и то было бы больше понятно.

– ... и не пытайтесь скачать работу из Интернета, все буду проверять системой “Антиплагиат”. У вас должен быть минимум теории и весомая практическая часть со всеми расчетами. Последний срок сдачи двадцатого декабря и это будет вашим допуском к экзаменам. Позже на кафедре я повешу расписание дополнительных консультаций, если что-то будет непонятно, можете приходите. Вам все ясно?

Даше показалось, что на последних словах преподаватель посмотрел в ее сторону. Знает ведь, у кого рыльце в пушку. Она обреченно слушала эту тираду, понимая, что сама она не напишет ничего.

Оставшиеся пары прошли как всегда. Еще не успел людской поток подхватить ее и вынести в широкий коридор, как зажужжал, заворочался в сумке телефон. С трудом отыскала его между тетрадок, посмотрела на экран и улыбнулась. Смахнула “Ответить”.

– Дашка, привет! – это Люба, – ты как чувствуешь себя?

– Привет, дорогая, – это “дорогая” было у них позывным, обозначающим хорошее настроение, – да все нормально. Ты как, идешь гулять сегодня?

Люба в ответ рассмеялась и словно ее сбрызнула смехом:

– Ох, ну и хорошо! Ты меня вчера так напугала! Слушай,

ты прикинь, что у меня вчера случилось?

– Что? Что случилось?

– Ой! Курсовую вчера писала, зашла на какой-то сайт, куда-то нажала и у меня что-то выскочило. Теперь синий экран и я ничего не могу сделать.

– Ох, горе ты луковое! Куда нажала? Что выскочило? Опять вирус какой-нибудь поймала? – выпалила Даша.

– Даш, ну не сердись, я не знаю, как объяснить. Может, ты ко мне придешь? Ты же с лета не была у меня! Предки ремонт доделали, посмотришь как раз. Я тебя накормлю. Ну помоги, Даш!

– Ну ладно, уговорила. А Сашка что, ты с ним не встречаешься сегодня?

– Нет, он вчера говорил, что его тетя просила помочь с чем-то. Он не сможет, – тут Даша обвела аудиторию взглядом и действительно увидела, что Сашки уже и след простыл. – У тебя кончились пары? Ты можешь ко мне на кафедру зайти? Мне надо показать черновик курсовой. А потом вместе пойдем, ладно?

Даша помолчала немного, а потом сказала:

– Договорились! – она кинула телефон в сумку и заспешила к выходу одной из последних.

Спустя пятнадцать минут она поднималась по сумрачной бетонной лестнице, затопленной студентами в белых халатах. Подстроилась под их шаг. Размеренный топот однородной толпы привел ее на кафедру за узорными металлически-

ми ставнями. Сквозь приоткрытую дверь аудитории Даша увидела Любаву. Ей не было слышно слов, она видела только ее сердитого собеседника – седеющего худощавого мужчину. Внезапно у него зазвонил телефон и он, на ходу отвечая, выскочил в коридор.

– Как сдохли?! Вы что там, охренели? – он затормозил прямо перед Дашей, видимо потрясенный словами невидимого собеседника. – Точно делали, все как я сказал? Я рассчитал дозу!

Даша во все глаза смотрела на него. Внезапно он умолк и повисла тишина, непривычно тяжелая. За эти мгновения, что он молчал, Даша рассмотрела его полностью, вплоть до красных ниточек-сосудов у него на носу.

– Так, сегодня же купить новых крыс. Этих в холодильник. Я завтра утром заеду.

Тут из аудитории вылетела возбужденная Люба и, подхватив Дашу под локоть, потащила к выходу.

– До свидания, Роман Юрьевич! – на ходу бросила она.

Через полчаса они стояли у подъезда старой сталинки – двор с аркой. Пока Люба искала в сумке ключи от домофона, Даша легко прикоснулась пальцами к узорным трещинкам на штукатурке. Старый дом, очень старый. Такой пафосный с улицы и такой обездоленный – со двора. Любиным родителям квартира досталась по наследству – то ли дед был нечист на руку, то ли занимал высокий пост.

Третий этаж, без лифта. Высокие лестницы, широкие и

длинные площадки. В подъезде – эркеры и подоконники в цветах. Кованые витые балясины, широкие, отполированные десятилетиями перила... А дверь в квартиру – новая, тяжелая.

Люба клацнула ключами, потянула на себя дверь, танцующей походкой прошла в прихожую, на ходу скидывая туфли.

– Вау! Офигеть, Люб! Ты же говорила, что только в твоей комнате ремонт будет?

– Да мы так сначала и хотели. А потом у нас проводка заискрилась, папа сказал, что надо целиком менять. Ну вот предки и взяли кредит. Рабочих нанимали, все быстро сделали. Так что, пока ты у своей бабки в деревне на крыше сарая загорала, у нас тут пыль до потолка стояла.

Даша растерянно вертела головой посреди огромной, с высокими потолками и лепниной, гостиной. Такая уютная раньше, она теперь стала как будто чужой. Любава провела ее по квартире, показывая светлые обновленные комнаты.

– Ну пойдем теперь ко мне, посмотришь! Руки вымой только. Надеюсь, воду горячую дали, а то уже два как авария какая-то.

Любава зашумела водой в ванной, Даша двинулась за ней следом. Она тщательно вымыла руки, сходила за оставленной в коридоре сумкой, и села наконец за компьютерный стол у подруги в комнате. На любое действие компьютер реагировал синим экраном с бесчисленными желтыми строчками букв.

– Сдох родимый, – сказала Люба каким-то торжествующим тоном, словно радуясь чему-то. – Если ты не справишься, придется в сервисный центр везти. Хорошо, что у меня есть ты! – засмеялась она. – Ну ты посмотри пока, а я пойду соображу нам поесть.

Даша воткнула в системник флешку, которую всегда носила с собой. Пока с флешки загружались нужные файлы, она оглядела обновленную комнату. Детские фотообои с Белоснежкой со стены исчезли, их заменила матовая белая поверхность и модная модульная картина с ирисами. Мебель тоже теперь другая – вместо уютной детской с плавными изгибами минималистская икеевская кровать и шкаф-купе с зеркальными дверями. Такая мебель никогда Даше не нравилась – как будто поставили металлический каркас, а про отделку забыли. На кровати спала Люська – старая одноухая и лохматая кошка. Даша встала, подошла к ней и почесала белый галстучек на шее. От прикосновения Люська выгнулась дугой, перевернулась на спину и громко замурлыкала. В этот момент телефон зазвонил неожиданно, оглушил внезапно громкой музыкой. Даша вздрогнула, непонимающе оглянулась, увидела светящийся в сумке экран, встрепенулась:

– Мам, привет!

– Даша, ты где? Почему не дома еще? – мама говорила резко, раздраженно.

– Мам, я у Любы. У нее компьютер сломался, я попробую помочь.

– Сколько раз я тебя просила после учебы сразу ехать домой?!

Даша вдруг явственно представила, как мамины брови сходятся, она покусывает уголки губ, чтобы не сказать лишнего.

– Мам, ну сколько можно?! Мне девятнадцать лет уже! Могу я уже как-то сама решать, как мне проводить свое время?

– Даша! Я сказала быстро домой! – в голосе мамы слышался упрек и еще что-то. Как будто беспомощность.

– Мам, ну пожалуйста, давай не будем ругаться. Я даю честное слово, что я у Любы, здесь больше никого нет. Мы разберемся с компьютером и я сразу поеду домой.

Какое-то время мама не говорила ничего, и слышно было только ее дыхание – так отчетливо, словно она сидела рядом с ней. Потом она сказала:

– Ну конечно, малыш.

– Я позвоню тебе попозже, как закончу, ладно?

Какое-то время Даша была занята компьютером, а Люба хлопотала на кухне. Хлопнула входная дверь – пришли ее родители с младшим братом. Мать – чопорная красавица с жутким именем: Стелла Альбертовна, и несложный шумный отец, Даша называла его дядя Боря, под завязку набитый глуповатыми шутками. Брату Ленке было шестнадцать. Он еще учился в школе, но особым рвением к учебе не отличался. Они сразу прошли на кухню выгружать продукты

– большие пластиковые пакеты, белые и хрустящие, словно накануне шумного домашнего праздника.

Через пару минут Ленька помахал Даше в дверной проем:

– Привет! – сказал этот беспечный тощий мальчик, в жизни у которого не было проблем горше сломанной игровой приставки. – Пошли обедать с нами.

Даше внезапно подумалось, что она выглядела посреди этой светлой, элегантной кухни напуганным птенцом, выпавшим из гнезда. Они и раньше часто бывала у них в гостях, сидела с ними за одним столом, слушала дяди Борины зычные похохатывания, улыбалась вежливо Стелле Альбертовне.

Аппетита не было. Она с сожалением посмотрела на кусочек отбивной на вилке, положила его обратно в тарелку и отодвинула тарелку в сторону. Видно было, что она думает, как начать, и чтобы оттянуть этот момент, Даша сделала движение, чтобы встать и убрать со стола. Любава жестом остановила ее и спросила:

– Даш, что не так?

– Я пойду, пожалуй, меня мама ждет. Беспокоится, звонила уже.

– Ну ты доешь хотя бы!

– Нет, спасибо, я пойду. Люб, я тебе все настроила, если что – звони.

Дома в нос ударил кислый запах перегара. Мать сидела

за столом, уронив голову на руки, и спала. На липкой грязной клеенке стояла почти пустая бутылка водки и зверски вскрытая банка шпрот.

– Мааам! Мам! – Даша потрясла мать за плечо. Та промычала что-то невнятное и повернула голову, по-детски подложив ладонь под щеку. Из приоткрытого рта вытекла перламутровая ниточка слюны.

Глава 4

Пальцы врача сбивчиво и замысловато танцевали по клавиатуре. Тишину в кабинете нарушало только щелканье клавиш и сдвоенное дыхание. За окном раскидистый куст мерно покачивал ветками с одним-единственным сухим листом. Он дрожал, но упрямо продолжал держаться за эту ветку.

“Прямо как я”, – подумала Марина Анатольевна. Она улыбалась, наблюдая, но за этой гримасой не было улыбки. Это была привычная уже маска, которую она надевала каждое утро и снимала только ночью, ложась спать.

Она прикрыла глаза. Когда это случилось? Она силилась вспомнить, уловить момент, когда ее жизнь стала такой. Не получается, нет.

Одно за другим она перебирала воспоминания. Доставала их бережно, словно боясь, что память, как прохудившийся мешок, рассыпет их песком, потеряет навсегда.

Вот самое первое – яркое, прыткое, как солнечный зайчик. Ей шесть лет. Она бежит по лугу, смешно раскинув в стороны руки и высоко задирая колени. Косые солнечные

лучи отбрасывают длинные тени, а высокая трава путается, хватая за ноги. Она беспечна и беззаботна. Ее смех звенит колокольчиком и рассыпается в жарком мареве. Ему вторят родные голоса. За ней следом бежит сестра – они играют в салочки. Она оборачивается и на короткий миг видит на краю луга маму и бабушку. Мама, всегда чопорная и строгая, и сейчас смотрит на них, сдвинув брови к переносице. А бабушка стоит, сложив руки на белый передник и ее милый, заросший лучами-морщинками, рот смеется так же звонко и заразительно, как и она сама. Вот сестра делает отчаянный рывок, хватая ее за руку и сильно дергает. Они сталкиваются, падают и кубарем катятся, сминая буйную зелень. Сломанные травинки щекочут и покалывают сквозь тонкое летнее платье. Она смотрит сестре в лицо и смех толчками прорывается через сбившееся дыхание. Впереди у них целое лето, несчетное множество дней, наполненных запахами, светом и смехом. И счастьем.

Воспоминание задрожало и оборвалось, как пленка в диафильме. Но нет, вот следующий слайд. Ей одиннадцать. Сегодня великий день. Она в колючей синей юбке и тесной белой блузке, и бант торчком на голове. А на руке как пламя – пионерский галстук. И в животе щекотно. Еще вечером защекотало. И все утро. И вот сейчас особенно сильно. Только бы не забыть клятву! Только бы не опозориться! Пионервожатая чеканит каждое слово: “Идет! Смена! Поколений!..” Вот доходит очередь и до нее, ей повязывают галстук на шею,

и в глазах все расплывается от радости и бесконечного счастья. Теперь она пионер!

Теперь как будто что-то тихо щелкнуло и картинка опять сменилась. Ей семнадцать. Ночной воздух потрясающе чист и еще не отравлен выхлопными газами. Где-то поет соловей. Только что отгремел выпускной бал. Она идет с Ванькой за руку в предрассветной тишине, и сердце стучит через раз. Она и дышит едва-едва, только бы услышать его размеренный сердечный бег: от нее или наконец к ней? Глаза в глаза. Тихий шепот смешивается с горячим дыханием нового лета: “Люблю”, “Навсегда”. Счастье обрушивается на них и как океанская волна подминает под себя и тянет, тянет. У них еще нет ничего, но уже есть все. От этого воспоминания веет свободой и счастьем, и еще чем-то горько-сладким. Там она – прежняя...

Снова щелчок и новая картинка. Ей девятнадцать. Она много месяцев подряд исправно ходит в консультацию, закусив губу слушает приговоры врачей, чтобы потом за дверь дать волю слезам. Ее постоянно тошнит, кружится голова, пальцы стали похожи на толстые молочные сосиски. Любимое платье давно не застегивается и приходится носить Ванину рубашку. Она не читает газет и журналов, не вяжет, не шьет, обходит «Детский мир» по дуге. Страшно ли ей? Очень. Но упрямо верит, верит, что просто надо выдержать, отмучиться эти месяцы и с победой вернуться. И снова все будет по-прежнему, все будет хорошо. А пока Ванька рабо-

тает, но как-то без огня. Платят немного, и ладно. Выпивает иногда. Но ведь по праздникам простить можно. И вот он кричит, что его в гараже ждут друзья. Собутыльники. По ее щекам катятся злые слезы, она просит, нет умоляет не пить и остаться дома. Но нет. “Пусти!” – кричит еще любимый Ванька. “И так уйдешь?” – как последний козырь, она отваживается на безумство. Ложится у порога, бесстыдно выставив кверху тугой, как барабан, живот. Ванька крутит пальцем у виска, перешагивает и хлопает дверью.

Новая картинка. Ей двадцать. Явь накрывает ее, придавливает словно подушкой. «Люблю», «навсегда» уже нет. Она катит по щербатому асфальту новенькую польскую коляску, мама достала по бартеру. В коляске пижит сверток из розового клетчатого одеяла – дочка. Дашенька. Измучила ее криками по ночам как инквизитор в средневековой пыточной. На животе – уродливый, зеленый, мокнувший шрам. Нет, шрам не на животе. На душе он. Ванька выпивает все чаще. Его не смущает, что мама оставила хорошую работу, уехала в деревню и отписала ей и сестре квартиру. Он не стесняясь живет в тещиной двушке. От отчаяния она выливает почти полную бутылку “Пшеничной” в раковину. Тогда первая звонкая пощечина обжигает ей лицо, а Ванька уходит, хлопнув дверью.

– Ну вот, все готово. – чужой голос ввинтился иглой в сознание и картинка схлопнулась, возвращая в реальность. – Вот ваше направление, его нужно подписать у заведующей.

И вам нужно будет еще раз сдать анализы.

– Куда направление? – Марина Анатольевна не сбросила маску-улыбку, только пальцы с короткими, ровными полукружиями ногтей впились в ладони.

– На химиотерапию. В вашем случае без нее не обойтись. Оперировать нельзя, поздно уже. Откладывать тоже. Вы должны понимать, что на биопсии мы пустили кислород внутрь, и теперь опухоль растет очень быстро.

– И какой прогноз? – голос ее дрогнул и будто споткнулся, – На что я могу рассчитывать?

– Однозначно ответить сложно. Я не Господь Бог и не провидец. Давайте, вы пройдете назначенный курс капельниц, а потом посмотрим.

Врач ободряюще улыбнулась и подала ей пачку бумаг, распечатанных на принтере. Женщина ссутулилась, сгорбилась на стуле, в свои неполные сорок в этот миг превратившись в старушку. Она боялась. Боялась боли, боялась бессилия. Но больше всего она боялась признаться самой себе, что вся ее никчемная жизнь закончится вот так.

Дрожащими руками Марина Анатольевна взяла бумаги и неаккуратно запихала их в сумку. Проклятые руки, опять они ее выдали!

– Понятно. Спасибо. До свидания.

Она встала и направилась к выходу. У двери чуть задержалась, оглядываясь. Сколько таких несчастных принимает эта врач каждый день? Скольким она может подарить хотя

бы слабую надежду? Сколько боли ей приходится видеть?

– До свидания. Не переживайте, все будет хорошо!

Марина Анатольевна еще раз кинула взгляд на дрожащий лист за окном. Держится. Потом коротко кивнула и вышла.

У кабинета заведующей очередь из таких же, как она, несчастных. Марина Анатольевна присела на краешек стула и принялась тайком разглядывать их.

Вот дедушка, сухой и сморщенный, со впалыми глазницами и тонкими, в причудливых узорах синих вен, руками. Безучастный взгляд. Движения через силу. С ним рядом сын – уж очень похож! – он похлопал старика по руке, а когда дверь кабинета открылась, подскочил и нырнул внутрь.

А вот полная женщина в платочке. Бывает полнота красивая, когда женщина гладкая, как наливное яблочко, а у нее – какая-то уставшая и тусклая.

А вот совсем молодая женщина. Красивая, стройная, с точеными чертами лица. Что она-то здесь делает?

Люди не задерживались надолго в кабинете. Подошла ее очередь. И вот она взялась за дверную ручку, уже почти нажала ее, чтобы войти. Лишь на какую-то долю секунды замерла, остановилась. Почему? Трудно сказать. За этот месяц обследований, анализов, УЗИ, рентгенов чувства стали серыми, погасли. Люди много говорят о мужестве раковых больных. И она не отрицала это мужество. Ее и кололи, и резали, и светили насквозь, теперь собирались травить ядом. Но в этот момент она была бы искренне рада умереть.

В кабинете врач что-то торопливо дописывала в карточке.

– Давайте ваше направление. – заведующая посмотрела на Марину Анатольевну поверх очков. – Что вы время тянете? Вас таких, знаете сколько? – отчеканила она, в упор глядя на женщину.

Марина Анатольевна начала торопливо доставать из сумки бумажки и карточку. Как назло, руки ее не слушались и внутри все задрожало. Ворох бумаг высыпался на пол и последний листочек медленно, дразня и танцуя, опустился сверху. Она наклонилась, чтобы собрать и перед глазами все поплыло. Земля будто качнулась под ногами и Марина Анатольевна осела прямо на пол. Маска-улыбка исчезла.

– Ну-ну, милая, что же вы так переживаете? – тон заведующей моментально сменился с укоризненного на сочувствующий. Она поднялась из-за стола. Ласково приобняла Марину Анатольевну, помогла подняться и усадила на стул. Потом, не торопясь, налила воды и подала ей стакан.

– Посидите, выпейте воды. – с этими словами она споро собрала с пола все бумаги, уселась обратно за стол и принялась листать ежедневник. – Так, посмотрим... вообще-то запись у нас очень плотная...

Марина Анатольевна не ответила. Зубы стучали о край стакана, вода выплескивалась, слезы, длинные, невыплаканные, душили. Она держала их из последних сил.

– На понедельник, третье октября есть место, пойдете? Можете считать, что вам повезло. Обычно ждут дольше.

– Пойду конечно, – кивнула Марина.

– Ну вот и славно, – сказала врач, ставя печать на направлении, – госпитализация у нас бесплатная. С собой паспорт, полис, направление.

Марина Анатольевна вышла на крыльцо. Руки по-прежнему не слушались. Только с третьего раза она попала в молнию, застегнула куртку до самого горла, натянула шапку на уши. Дрожащими пальцами порылась в сумке, достала телефон. Набрала дочери.

Вот вечно до нее не дозвониться! То батарейка у нее сядет, то не слышит она, то с друзьями где-нибудь. Конечно, друзья важнее родной матери! С каждым длинным гудком раздражение росло, ширилось, и когда дочь наконец ответила, превратилось в огромной неуправляемый ком, сметающий все на своем пути.

– Мам, привет!

– Даша, ты где? Почему не дома еще? – не удержала раздражение внутри, оно выплеснулось ядом.

– Мам, я у Любы. У нее компьютер сломался, я попробую помочь.

– Сколько раз я тебя просила после учебы сразу ехать домой?! – В груди ее копится тяжесть, как будто каждая фраза дочери падает камнем на дно.

– Мам, ну сколько можно?! Мне девятнадцать лет уже! Могу я уже как-то сама решать, как мне проводить свое время?

– Даша! Я сказала быстро домой! – сейчас она заплачет, или закричит, или...

– Мам, ну пожалуйста, давай не будем ругаться. Я даю честное слово, что я у Любы, здесь больше никого нет. Мы разберемся с компьютером и я сразу поеду домой.

Какое-то время Марина не говорила ничего. Она сразу сникла, ссутулилась, сжалась вся. Щеки горели, будто ее сильно, наотмашь отхлестали. Потом она чуть слышно прошептала:

– Ну конечно, малыш.

Она пошла на автобусную остановку, нащупала в кармане полтинник на проезд, а в голове в такт шагам колыхалась, бились о черепную коробку множество вопросов. Это конец? Есть ли выход? Как жить дальше? Если она сляжет, то где им брать денег? Больничный? А потом что?

Мысли тяжелые, неповоротливые, тревожные, не думались, они пухли в голове, вытесняя из нее все.

Глава 5

Даша в растерянности обвела взглядом кухню. Что все это значит? Раньше мама и капли в рот не брала. От увиденного мысли разделились на те, что верили в невероятную картину перед глазами, и на несогласных. Даша вернулась в коридор, потихоньку открыла мамину сумку.

Бутылка воды, кошелек, аккуратно сложенный пакет перекочевали на комод. Следом она достала мятый шейный платок цвета индиго и пухлую, неряшливую тетрадь. Меди-

цинская карточка. А в ней в измятой мультифоре вложен какой-то листок. Расправила его.

#«Заключение УЗИ» – первое, что прочла Даша. Живот скрутило от странного предчувствия, и она проглотила строки одну за одной.

“... строение изменено за счёт диффузных изменений, ... эхогенность повышена, ... кровоток значительно усилен, сосуды расширены, ... контуры эндометрия нечеткие, не деформированы...” “И тут же заключение гистологии: “низкодифференцированная аденокарцинома эндометрия”.

Что все это значит, Даша пока не понимала. Вот бы сюда Любу! Та любой диагноз разложит по полочкам. Но Любы рядом не было, поэтому она пошла в комнату и включила компьютер. Переписала заключение в поисковую строку. Яндекс вывалил на нее огромное количество ссылок с историями, рецептами, статьями и мнениями.

Онкология. От прочитанного ее начало подташнивать. Нет, нет, нет. Это недоразумение. Даша просто не могла вместить в сознание, что беда подступила к их маленькой семье, словно черная тень, вьющаяся клубком, высасывающая силы своими вампирскими клыками. Этого не может быть. Все разрешится, уляжется.

Что сделать, каким богам молиться, чтобы вылечить маму? Только не сейчас... Завтра можно увидеть Любу, у нее связи, она поможет.

Даша сидела долго. Экран компьютера то гас, то трево-

жимый чуть заметным прикосновением к мышке, загорался снова. Мысли из головы улетучились и ее накрыло опустошение и оцепенение. Через час очнулась, будто кто-то ткнул ее в бок. На кухне застонала мама. “Надо подойти, – Даша сидела не шевелясь, – сколько сейчас времени?” Она взглянула на иконку часов 23:40. Даша медленно поднялась, шаркающей, старушачьей походкой вышла из комнаты и увидела маму.

Та, шатаясь, побрела в ванную, совмещенную с туалетом, а спустя пару минут вышла и не раздеваясь легла, практически упала, на свой диван. Даша подошла к маме и их взгляды встретились. В глазах этой всегда сильной, стойкой женщины, которая с неизменным упорством и жизнелюбием тащила на себе заботу о дочери, работу, любые бытовые проблемы, она увидела то же чувство, которое переполняло и ее, – беспомощный, бессильный страх перед тем, что уже случилось с ними, и перед тем, что обязательно еще произойдет.

Даша провела рукой маминой щеке, по спутанным ее волосам.

– Доченька... – прошептала мама, а потом закрыла глаза и забылась сном.

Даша посидела рядом еще немного, вспоминая, как им было хорошо раньше. Марина Анатольевна старалась печь разные вкусности и все выходные дни проводила на кухне. Даше не нравилось готовить, но она любила просто побыть в такие минуты рядом с мамой. Даша садилась за стол, наливала себе чай, а мама принималась за работу: ставила опару для

хлеба, раскатывала тесто для печенья и пирожков. И вскоре кухня наполнялась ароматом пекущейся сдобы и сладкими запахами корицы, сахара и гвоздики. Окно запотевало. Работая, она без умолку болтала.

Когда в последний раз они так сидели? Только сейчас Даша поняла, что прошло уже несколько месяцев с последнего раза. Мама не говорила ей, что заболела. И Даша даже не замечала этих маленьких перемен в ней: потухший взгляд и постоянная усталость, необъяснимые недомогания, которые она списывала то на погоду, то на несвежие продукты. А последние дни она вечно куда-то спешила и опаздывала. И собираясь по утрам на лекции, Даша торопливо клевала ее в щеку в коридоре возле двери, даже не обнимала.

Она через силы пошла на кухню и собрала мусор, намочила тряпку и с остервенением принялась стирать хлебные крошки с клеенки, вылила остатки водки в раковину. От мерзкого запаха тошнота снова подкатила к горлу и память услужливо подсунула воспоминания.

Ей было лет пять или шесть, когда мама забеременела. Со временем она округлилась, раздалась, живот стал большим, как тыква, она любила прижиматься к нему щекой и слушать, как внутри толкается маленький человечек. Мама словно светила в те дни и даже изнурительная работа не могла погасить радость в её глазах. Это было последнее их счастливое лето, наполненное солнцем, деревенскими запахами и тонким комариным звоном по вечерам. А потом ма-

ма родила братика. Но роды прошли тяжело и он умер на второй день. Даша его даже ни разу не видела. От нестерпимого горя мамино лицо осунулось и посерело, в волосах серебряными ручейками заискрилась седина, в глазах погасли огоньки. Несколько месяцев после этого в их доме стояла тревожная тишина, а потом отец поставил огромную, сорокалитровую флягу с длинной, витиеватой трубочкой на плиту. Из нее медленно, по капельке, вытекала мутная вонючая жидкость в стоящую на табуретке трехлитровую банку.

С того момента, как отец смастерил самогонный аппарат, их с мамой жизнь превратилась в кошмар. Дни сливались в одну бесконечную череду пьяного угара. И не было в этом угаре ни луча, ни просвета. Пока однажды отец не сел за руль пьяным и не вылетел в кювет на их старой двадцать первой “Волге”. Он чудом тогда остался жив и никого не покалечил на трассе. Только машина уже не подлежала ремонту. Ее отбуксировали в гараж, где она еще месяц немым покореженным скелетом напоминала о случившемся. А потом отец не пришел домой ночевать. Сначала они не слишком переживали – за много лет привыкли. На второй день мама обзвонила всех друзей и ни у кого его не было. А на третий пошла искать. Отца нашли в гараже повешенным.

Даша тряхнула головой, чтобы отбросить наваждение. Эта боль ее уже не кусала, она скрутилась клубком где-то глубоко внутри и лишь изредка царапала своими маленькими острыми коготками. Даша загнала воспоминание внутрь, зада-

вила его и принялась мыть посуду. Монотонная работа всегда успокаивала.

Только вымыв и вытерев все до блеска, она устало поплелась в ванную. Разделась, сложив одежду на стиральную машинку, залезла в ванну, задернула шторку и включила душ. Позволила горячим струям оставлять красные дорожки на коже, смывая всю усталость этого бесконечно длинного дня. Ванная уже наполнилась паром, а Даша все стояла, поливая себя водой.

Наконец она закрыла воду, отдернула шторку, шагнула на коврик и накрыла плечи большим полотенцем. В ушах звенело. От усталости что ли? Даша напряглась, промокнула уши полотенцем, но звон не проходил. Не хватало еще звуковых галлюцинаций. Она провела рукой по запотевшему зеркалу и завизжала от страха. Отпрянула назад, больно ударилась спиной о стиральную машину и сползла на пол. От удара бутылка с кондиционером закачалась и свалилась Даше на голову, следом упала ее одежда. Но Даша не обратила на это внимания. Потому что из зеркала на нее смотрела старуха. Та самая, которую она видела в библиотеке. Не двигаясь и не моргая, она как будто впечатала у нее в сознании:

– Это только начало...

Сердце противно стучало, желудок скрутило в узел. Дрожащей рукой она нащупала на полу ту самую бутылку с кондиционером и приготовилась ею разбить зеркало. Отбросила в сторону одежду и кое-как поднялась на ноги. В зеркале

снова отражалась Даша.

– Черт! Черт... у меня видно крыша уже протекает... , – прошептала она.

Звон в ушах прекратился. Даша подняла с пола упавшие вещи и вышла из ванной.

Спать не хотелось совершенно – она лежала на спине в своей тихой, темной спальне и чувствовала, как сердитые слезы холодными дорожками струятся по скулам вниз, затекая в уши.

До понедельника третьего октября в голове у Даши как пустая, белая страница: как она она ходила на лекции, как ждала этого дня – она ничего не помнила, ни одного звука, ни одного лица, ни одного жеста. Как будто были перерезаны все провода между ней и миром.

Эта пара недель для Даши стала временем откровений и понимания. Понимания того, что она хочет, чтобы мама выкарабкалась любой ценой и только ради нее и откровение, что ей не с кем даже поговорить об этом. Словно кусок мяса под острым ножом, ее жизнь распалась на две части. И если в части “до” все было просто и понятно, то в другой, которая “после” не было чувства защищенности. Она боялась остаться одна, чувствовала себя выпавшим из гнезда птенцом и совершенно не была готова жить без опоры. Хотя... Парадокс, знание того, что опоры нет, время от времени и становилось ею. И ей очень, очень, очень хотелось вывалить

все, что творилось у нее на душе. Не зеркалу.

Но она не решалась. В эти дни она поняла, какая на самом деле лежит пропасть между ней и ее одноклассниками, которым по сути нет никакого дела до ее душевного состояния. Дежурное “Как дела?”, сочувственные взгляды – это все не то, что ей было нужно. Она рассказала только Сашке и Любаве, как самым дорогим, самым близким. И еще Эдик вклеился со своим неизменным “детка”: “Ты только не унывай, детка, все будет хорошо!”

А мама сделалась капризной и плаксивой. Ее страх всегда был рядом, обращал внимание внутрь, требовал, чтобы его чувствовали. Она могла очнуться, только если что-либо вовне отвлекало ее. Она словно передала по наследству свою маску жизнерадостного веселья. Так что теперь пришла Дашина очередь надевать ее и улыбаться. Лгать в глаза, не веря в чудо, болтать какую-то ерунду, пытаться рассмешить, твердить о каких-то чудо-лекарствах и снова улыбаться. Потом она уходила в ванную, подолгу сидела там на полу, размазывала по лицу злые слезы бессилия, насыпала в ладошку желтые кружочки валерьянки и снова надевала проклятую маску.

Они приехали в НИИ онкологии задолго до восьми утра. В приемном никого не было и им пришлось сесть на белую металлическую скамейку, напоминающую огромные пчелиные соты. Тишина в отделении стояла жуткая, словно в ночном кошмаре. Даша держала маму за руку, как маленького

ребенка, словно боялась, что она сбежит в последний момент. Наконец откуда-то из темной глубины коридора к ним вышла статная высокая женщина с длинными светлыми волосами.

– Здравствуйте! – как-то немного поспешно произнесла Марина Анатольевна, поднимаясь ей навстречу. – Я записана на сегодня, – и протянула ей направление.

– Здравствуйте. Подождите в коридоре, я вас приглашу. – с этими словами женщина вынула из кармана ключ и отперла белую пластиковую дверь, зажгла в кабинете свет и скрылась внутри.

Спустя пять минут она их позвала.

– Присаживайтесь. Давайте ваше направление.

Марина Анатольевна снова протянула ей бумаги. Даша напряженно молчала. Врач вдумчиво листала бумаги и всячески делала вид, что там содержится вся нужная ей информация. Затем она сказала:

– Вам назначена комбинация из трех препаратов. Такая схема предпочтительнее по результатам, но переносимость их несколько хуже. Будьте готовы к общему ухудшению самочувствия.

На этом она взглянула на Дашу, словно ожидая ответа.

– Мы готовы. Да, мам?

Врач улыбнулась:

– Тогда снимите вашу обувь, вставайте на весы.

Пришла медсестра, позвала их в маленькую неприметную

каморку, которая оказалась гардеробом для пациентов. Она забрала из маминых рук верхнюю одежду и повесила ее на плечики, затем написала на бумажке фамилию и проткнула листочек дужкой вешалки. Заперев дверь, она произнесла ровным, будничным голосом:

– Идемте, я покажу вам вашу палату.

– А мне тоже можно пройти? – спросила Даша.

Несколько секунд медсестра переводила взгляд с Даши на маму и обратно, и сказала:

– Да, проходите, только ненадолго. В палате есть еще больные, постарайтесь им не мешать. Верхнюю одежду оставьте здесь и наденьте бахилы.

Они прошли по длинному больничному коридору, вдыхая запахи лекарств, хлорки и отчаяния. Наконец медсестра открыла белую пластиковую дверь в палату. Там было две кровати и на одной из них спала бледная худая женщина.

Следующий час прошел в суете. Сначала Марина Анатольевна возилась в тумбочке, раскладывая свои нехитрые пожитки, потом пришла санитарка и застелила кровать белоснежным бельем. Потом пришла та же самая медсестра и прикатила капельницу. Она долго рассматривала и щупала мамины вены, наконец приладила катетер-бабочку и пустила лекарство. Красные капельки эпирубицина наполнили канюлю и как маленькие храбрые солдаты потекли навстречу цели. Потом медсестра сказала, что Даше пора уходить.

Она вышла и Даша с мамой остались в палате почти одни.

Женщина на соседней кровати все еще спала. Даша наконец смогла подойти к маме, присесть на кровать, обхватить за шею и прижаться щекой к ее трикотажному халатику.

– Я не хочу, чтобы ты уходила, – сказала мама, свободной рукой проводя по Дашиным волосам.

– Мама, – начала Даша, но она перебила ее:

– Я знаю. Я просто не хочу, чтобы ты уходила.

Они посидели так немного, не говоря больше ни слова, – где-то включили телевизор, хлопали двери, слышны были голоса, а Даша обнимала маму обеими руками и думала о том, что сейчас сейчас придет медсестра – напомнить, что ей пора, а еще о том, что она сегодня не была на занятиях и неизвестно, сколько еще раз ей придется пропустить лекции, а еще о том, что ей нельзя сидеть здесь все время и придется разжать руки и уехать домой, и ночевать в одиночестве, снова. Но в этот раз не так, как обычно. Дверь хлопнула – заглянула медсестра. Мама слегка шевельнулась, как будто пытаясь высвободиться, и Даша на мгновение сжала ее еще крепче, но в ту же минуту ей стало неловко – и она отпустила руки и вышла в коридор.

На улице Даша вытащила из кармана телефон и поняла, что не так уж сильно она опоздала. И если поторопится, то еще может успеть ко второй паре.

В лицо бил ветер. Небо из несущихся чугунных плит, которые не сегодня-завтра грозили просыпаться снегом. От быстрого шага сбилось дыхание, неровными толчками оно

вырывалось изо рта, превращалось в пар, а потом таяло в воздухе. В боку закололо. Сердце колотилось то ли от быстрой ходьбы, то ли от мысли, что в течение ближайшего получаса она увидит Сашку. Может быть Сашка снова сядет рядом с ней на лекции; может он улыбнется ей своей широкой обезоруживающей улыбкой; может быть он посмотрит на нее тайком, украдкой, так, как она собиралась поглядывать на него.

Крыльцо корпуса в перерыв похоже на людской муравейник. Студенты шли неспешно парами, бежали по одному, сбивались в стайки по несколько человек и галдели, радуясь жизни. Вон он, Сашка, стоит с маленькой группкой ребят: Эдик, серьезный и все еще прыщавый староста Вовка, миниатюрная Элина и высокая, красивая как модель с обложки журнала, Марина.

– Какие лююююди! – протянул Эдик, раскрыл ей навстречу руки и заключил в объятия. – Ты почему опаздываешь, детка? За пропуск лабы по схемотехнике будешь писать объяснительную в деканате!

– Дашка, привееет! Как дела?

– Привет. Нормально.

Она посмотрела на долговязого, громкого Эдика, который всегда раздражал ее своими глупыми шутками, дурацкой манерой разговаривать и способностью немедленно и без остатка заполнить собой любое помещение и заглушить любую компанию, не обращая внимания на поднятые брови

и недовольные лица, и неожиданно для себя сказала:

– У меня мама в больнице. У нее рак. Сегодня ей начали химию.

Улыбки мгновенно стерлись с лиц ребят.

– Фигово, – уже без шуток произнес Эдик.

– Да. – подтвердила она.

– А знаешь, детка, может все еще будет хорошо. Ну, может лекарство поможет и твоя мама поправится... – прошептал Эдик.

Даша улыбнулась странной перекошенной улыбкой и ответила:

– Лекарство лишь поможет купить ей немного времени. И сколько именно, никто сказать не может.

– Тебе надо поговорить с Любой, – вставил Сашка, – она рассказывала мне о гении у них на кафедре. Он как раз и занимается разработкой нового лекарства против рака.

– Я поговорю. Спасибо, Саш.

Глава 6

Выходные принесли шокирующую новость: Дашина мама заболела. Конечно, заболела она не только что, а довольно давно, но подруга даже не замечала этих маленьких перемен в матери: погасший взгляд, усталость, странные недомогания, которым находились вроде бы логичные объяснения.

И как бы ни сочувствовала Любава лучшей подруге, как ни болело у нее сердце за Марину Анатольевну, которая с детства с радостью привечала ее в своем доме, поила чаем с

домашними плюшками и радовалась успехам, будто она была ей родная дочка, все же Любава не могла отделаться от мерзкой мысли, которая сейчас скользким червячком точила ей мозг. У Марины Анатольевны низко дифференцированная аденокарцинома эндометрия. Рак. А это значит, что у нее появился уникальный шанс проверить свою теорию в работе, а заодно и Роману Юрьевичу закрепить результаты исследований.

В понедельник сразу после пар Любава отправилась в биологическую лабораторию Бекка. Еще только надевая белоснежный халат и перчатки, она из-за двери услышала крики.

– Где эта сволочь? Я его убью! Прирежу! Башку оторву! – орал, то и дело срываясь на визг, профессор Роман Юрьевич. Щуплый, как и все холерики, крайне вспыльчивый, он в ярости бегал из угла в угол, брызгая слюной и трагически поднимая руки к небу. Притихшие сотрудники и студенты, как куры на завалинке, сидели рядком за своими столами, боясь неосторожным словом еще больше разозлить рассвирепевшего профессора.

Беда заключалась в том, что накануне Бекк в очередной раз изменил формулу и поручил одному из студентов сделать лабораторным крысам инъекции. Проследить за этим сам он успел: надо было бежать в учебный корпус читать лекцию потоку общей терапии. А потом он узнал, что все крысы сохли. Все до единой. И сегодня горе-медик в лабораторию не явился и на звонки не отвечал, видимо справедливо опа-

саясь кары небесной в лице сумасшедшего ученого.

Вообще в смерти подопытных животных не было ничего удивительного. Работа то давала результаты – Роман Юрьевич явно, как ему казалось, находил в действии нового препарата какой-то прогресс, то заходила в тупик: вся ловко построенная им схема неожиданно разваливалась из-за маленькой несостыковки. Концы терялись и приходилось начинать все заново.

– Нет, вы видели, а? – не мог успокоиться Бекк. – Он даже не запротоколировал время смерти! Просто уколол всех и свалил в закат! – Он остановился напротив Любавы. – Чкалова. Нам нужны добровольцы. – сказал он таким тоном, будто она могла вынуть из рукава с десяток раковых больных, согласных на любые эксперименты, лишь бы им дали призрачную надежду на выздоровление.

– Я... Эээ... Может, мне Оксане Анатольевне позвонить, пусть она спрашивает в отделении?

– Звони, – сказал он тоном, не терпящим возражений.

Любава подошла к столику, на котором стопками и в беспорядке были навалены учетные журналы, распечатки, бумаги, сдвинула все в сторону, чтобы увидеть лежащий под оргстеклом клочок тетрадного листа с телефонами врачей и заведующей отделения НИИ онкологии на Савиных, набрала номер.

И пока она разговаривала по телефону с заведующей, упрашивала, сулила золотые горы, то бишь стабильное улуч-

шение даже для безнадежных пациентов, в голове у нее зрел нехитрый план. Она не будет сейчас ничего говорить Бекку про Марину Анатольевну, она выждет время, когда Даша сама от отчаяния будет готова ухватиться за любую хрупкую соломинку. Вот тогда она даст подруге телефон Романа Юрьевича. Пусть Даша сама ему звонит и просит применить разработку, а и иначе это будет выглядеть конкретной подставой. Ну а тогда уж Любава не преминет воспользоваться случаем.

Она, конечно, понимала, что если план срывается и Даша позвонит Бекку, то он не станет делать ничего просто так. Такой уж характер. Интересно, какую цену он ей назначит? А может быть... Нет, об этом даже думать противно. Но все же в глубине души она надеялась, что подруга хоть на время переключит внимание профессора на себя и избавит ее от липких сальных взглядов похотливого старика. Лаборатория, наука, открытия – все это прекрасное частенько омрачалось излишним вниманием профессора к ней. То он нависал над ее столом слишком низко, то заглядывал в пробирки из-за спины и тяжело дышал прямо в ухо, то поправлял воротничок на халате. Бррр.

Время шло. Любава чуть ли не каждый день созванивалась с Дашей и была в курсе всех ее новостей: вот маме назначили стандартную схему лечения, вот такую комбинацию из трех препаратов, вот они поехали в НИИ на госпитали-

зацию, вот маме сделали капельницу, вот Даша навещала ее в больнице, возила бульоны, покупала витамины и искала в интернете чудодейственные рецепты из трав и бобровой струи.

Любава слушала, кивала и утешала как могла. В один из дней им повезло встретиться. Втроем: Любава, Дашка и Сашка. Так уж у них повелось с первого курса. Они сидели обнявшись в тесной общажной комнатухе, Даша изредка всхлипывала, а Сашка гладил ее по волосам и все шептал и шептал ей самые правильные, самые нужные слова. Любава смотрела на то как Сашка, – ее Сашка! – успокаивает подругу и ревность, что давно поселилась в ее груди, сосущая, как маленький алчный зверек, особенно больно вонзила свои острые зубки. Внутри кровоточило и саднило.

Любава написала ей на тетрадном листке: «Бекк Роман Юрьевич, кандидат медицинских наук» и номер.

– Вот. Возьми. Позвони ему, скажешь, что от меня, иначе он и разговаривать с тобой не станет.

– Это... Этот твой, новое светило медицины? И что, он правда может вылечить маму?

– Ну, светило, не светило, а я бы попробовала. Будь я на твоем месте, конечно.

Даша кивнула, спрятала листочек в карман сумки, неловко поднялась и, чмокнув их обоих на прощание, ушла.

Любава внутренне возликовала. Что ж, если Даша ему позвонит, то на какое-то время она покинет их любовный тре-

угольник. Лучшего момента, чтобы привязать к себе Сашку раз и навсегда, просто и не придумаешь.

Она прижалась губами и носом к теплой Сашкиной шее в том месте, где заканчивался ворот его шерстяного свитера, и изо всех сил вдохнула, и задержала дыхание, и закрыла глаза. Вот оно, ее место. Только ее. Именно здесь она должна быть, только здесь ей по-настоящему спокойно. Он притянул Любаву к себе и поцеловал – длинно, нежно, она почувствовала его пальцы, которые одновременно оказались всюду – у нее на бедрах, на шее, на ключицах... и все вокруг исчезло – как исчезало всегда, с первого дня, когда она утонула в его глазах.

Уже ночью дома Любава дождалась, когда погаснут полоски света, пробивающиеся из-под дверей родительской спальни и комнаты брата, и бесшумно открыла ящик письменного стола. Достала блестящий блистер с гормональными таблетками, выдавила одну. Маленькая пилюля на ладошке. Уже второй год эти таблетки были ее секретным оружием, палочкой-выручалочкой, о которой не знала даже мать. Если бы Стелла Альбертовна поняла, что Люба не просто за ручку с Сашкой гуляет, она бы визжала, как пожарная сигнализация.

Но сейчас пора сменить тактику. Пора применить самый жирный козырь, против которого у Сашки просто не найдется возражений: хоть и деревенский парень, а воспитание дай бог каждому. На аборт он ее не пошлет. А то, что беременность поставит под угрозу все ее честолюбивые планы –

не проблема вовсе, главное расписаться по-быстрому. А потом она найдет у Бекка в лаборатории, чем вытравить из тела нежеланного пассажира.

Люба засунула таблетку обратно в блистер, придавила фольгой и завернула упаковку в исписанный тетрадный листок. Потом, не включая света, на цыпочках прокралась на кухню и споткнулась о кошку.

– Люся, твою мать! Что ты тут сидишь?! – прошипела Любава сквозь зубы. Она засунула таблетки в бумажке в мусорное ведро. Поглубже, так чтобы никто не увидел их сверху. Потом присела на корточки, взяла на руки кошку и пошла в свою комнату. Вот теперь можно и спать.

Глава 7

Пришла зима, подкралась тихо. Две недели пряталась за промозглыми туманами, завывала октябрьскими ветрами, била в стекла безнадежностью. Но вдруг очистилось небо и оказалось – снег укрыл город искристым покрывалом. Сухие листья больше не стелились под ногами, они надежно укрыты плотным белым саваном. И ветер, ветер стал колючим и злым. Он уговорил прохожих разойтись по домам, заварить крепкий чай и сесть под желтым пятном настольной лампы с книгой. Ветер надолго надел на город белое пальто.

Марину Анатольевну отпустили домой через шесть дней. Шесть дней ничегонеделания, разглядывания потолочной плитки, просмотра телевизора, сна, тошноты и желания, чтобы время шло быстрее. Даша приходила к ней каждый день и

подолгу сидела на постели, поглаживая обессиленную руку. Мама выглядела конкретным трупом: кисти и стопы отекали, кожа потрескалась, губы постоянно были синие. Волосы сначала сбились в воронье гнездо, а через неделю посыпались как листья в сентябре. Своей шаркающей походкой и криво повязанным платочком она напоминала пациентов с деменцией. Даша носила в больницу отварную говядину и гранатовый сок в тяжелых стеклянных бутылках и с каждым днем тошнота понемногу отступала, возвращался аппетит и она чувствовала себя немного лучше.

Узел в животе у Даши немного ослаб. Отсрочка. Любава написала ей на тетрадном листке: «Бекк Роман Юрьевич, кандидат медицинских наук» и номер. Замирая от страха, Даша нажимала цифры на экране телефона. Длинные гудки. Наконец мужской голос ответил резко, раздраженно:

– Алло?

– Роман Юрьевич? Здравствуйте!

– Кто это?

– Меня зовут Даша., – она запнулась, – Орлова Дарья Ивановна. – тут она некстати подумала, как по-новому и удивительно красиво прозвучало ее имя. – Нам нужно с вами встретиться!

– Откуда у вас мой номер телефона? И почему это нам нужно встретиться? – напряжение в голосе мужчины росло и Даша в отчаянии закусил губу, не зная как убедить своего собеседника. Она почти крикнула:

– Это насчет вашей новой разработки! Вашего лекарства от рака! Пожалуйста, скажите, где вас можно найти? Я не займу много времени!

– Насчет моей разработки? Я не знаю вас, девушка, не знаю, откуда у вас мой телефон, но так уж и быть. Если это действительно так важно, то я обедаю каждый день в двенадцать в столовой медицинского университета, в главном корпусе. Можете найти меня там, поговорим. Другого времени у меня нет, извините.

– Спасибо! Я приду завтра!

Связь оборвалась, а Даша осталась сидеть неподвижно, глядя в одну точку.

Наутро Даша вымыла волосы и долго, до блеска их расчесывала. Подкрасила ресницы и глаза засияли, засветились хрупкой, призрачной надеждой. Покрутилась перед зеркалом и улыбнулась своему отражению: «Все будет хорошо! Профессор нам поможет!»

Столовую Даша нашла быстро – она не раз тут бывала с Любовай. Остановилась в нерешительности на пороге, ища глазами Романа Юрьевича и внезапно поняла, что не знает, как он выглядит. Тут она увидела за столиком у окна того самого мужчину, который месяц назад чуть не сбил ее с ног на кафедре. Он сидел и читал что-то в планшете. И, пожалуй, он был самым старым человеком здесь, среди множества шумных смеющихся студентов – под глазами пролегли темные круги, а рука с вилкой едва заметно дрожала.

«Это точно он», – подумала Даша. Холодок побежал у нее по спине, странное предчувствие распирало грудь. «Я смогу его уговорить. Обязательно смогу». Она медленно вздохнула и направилась прямо к нему и постаралась улыбнуться.

– Роман Юрьевич, здравствуйте! Это я вам вчера звонила.

Профессор поднял на нее недоуменный взгляд, а потом в его глазах мелькнуло что-то вроде узнавания. Даша села напротив, прямо не раздеваясь. Аккуратно пристроила сумку на коленях.

– Ну-с, юная леди, какое у вас ко мне дело?

Профессор внимательно оглядел Дашу и продолжил:

– Мне кажется, мы с вами где-то виделись, не так ли?

Даша торопливо закивала.

– Да, наверное. Я приходила как-то на кафедру к подруге. Чкалова Любава... Она учится у вас. А меня Даша зовут.

– Очень приятно, Даша. Мое имя, я полагаю, вам известно. Так что вас привело ко мне?

– У меня мама болеет..., – пока Даша собиралась с мыслями, ее прервал профессор:

– Так это не ко мне. Вам к врачу надо.

– Нет, вы не так поняли! Мы были у врача! Просто у нее рак, четвертой стадии. А Любава сказала, что вы можете... что у вас есть какое-то новое лекарство. Если это платно, мы можем заплатить. Купить это лекарство. Вы только скажите, сколько надо денег? – частила Даша, не замечая, как меняется лицо профессора от недоуменного до насмешливого.

– Денег? И много же у вас денег, Даша?

– Нет, не много... Но мы можем квартиру продать! Мы достанем, вы только скажите, сколько?

– Квартиру. А где же вы будете жить?

– Найдем съемную. Да это разве важно, главное же лекарство!

– А ваш папа сможет платить за жилье?

– Нет у меня папы..., – осеклась Даша.

– Так-так. А вы, Даша, работаете? Вы сами сможете платить за съем квартиры?

– Я учусь. Но я могу устроиться на работу, если будет нужно.

– Послушайте меня, Даша, очень внимательно. Я не знаю, как именно ваша мама заработала эту свою квартиру, которой вы так лихо распорядитесь, но думаю, она не обрадовалась бы, узнав, что после смерти ее дочь останется с голым задом на улице! – тон у него был шуточный, но глаза уже не улыбались. Он так и замер, держа на весу вилку с кусочком мяса.

– Смерти?! Но у вас же лекарство! Вы же ученый! Любава сказала...

– Да что знает эта твоя Любава! – воскликнул Роман Юрьевич и от возмущения перешел на “ты”.

– Мне не нужны твои деньги! И квартира не нужна. Я просто не могу дать тебе то, что ты просишь!

– Но почему?

Он внимательно посмотрел на свои не по-мужски красивые руки с длинными пальцами и аккуратными полукруглыми ногтями. Помолчал немного. Затем заговорил так, как обычно разговаривают с малым, несмышленным ребенком.

– Девочка моя. Пойми, это не лекарство, не средство, не панацея. Это всего лишь разработка. Причем, разработка не запатентованная, не опробованная. Ее эффективность не доказана. Да, мы получили хорошие результаты на крысах. Но в то же время, очень большой процент не выживших. Да и человек – это совсем другое! У нас нет добровольцев, понимаешь?! Поэтому нет и результатов...

Даша кивнула. Она боялась признаться самой себе, что эта хрупкая, призрачная надежда, может растаять в одночасье. Гораздо больше ей хотелось верить в то, что экспериментальная разработка без названия подарит ее маме то, в чем она так отчаянно нуждалась последние месяцы – билет в жизнь.

– Мы можем быть вашими добровольцами. Пожалуйста...

– Девочка, да как же ты не понимаешь. Это может быть опасно. Если организм твоей матери воспримет лекарство не так, это может стоить ей жизни!

– Ей все равно умирать... С вашей помощью или без нее, – тихо проговорила Даша, – пожалуйста...

Роман Юрьевич откинулся на спинку стула и долго молчал, погруженный в свои мысли. Можно было подумать, что он больше ничего не ответит и Даше придется уйти ни с чем,

как внезапно он произнес:

– Я сказал, что мне не нужны ваши деньги. Но тем не менее я ничего не делаю бесплатно. Мое время и услуги стоят дорого.

– Что же вы хотите? – вскинула голову Даша.

– Тебя.

– Меня? В каком смысле?

– Моя жена уже давно не вдохновляет. А ты молода и симпатична. То, что нужно, чтобы хорошенько взбодрить такого старика, как я. Решать тебе.

И он поднялся, шумно отодвинув стул, надел пальто и стремительно вышел из столовой. Даша осталась сидеть одна, переваривая услышанное.

Несколько секунд она сидела совершенно неподвижно, а потом вскочила и побежала следом, задевая плечом входящих студентов и на ходу бросая извинения. И в конце длинного, гулкого коридора догнала профессора:

– Роман Юрьевич, подождите! Роман Юрьевич!

Он остановился и всем корпусом повернулся к ней, так, что Даша едва не налетела на него.

– Роман Юрьевич, я... Я согласна!

Он улыбнулся какой-то странной перекошенной улыбкой и сказал:

– Что же, тогда не будем откладывать в долгий ящик. Сейчас самое удобное время. Пошли.

И он, не оборачиваясь, широко и размашисто зашагал,

словно не считал нужным убедиться, успевает ли Даша семенишь следом. Они вышли на улицу, на стоянку перед корпусом, и возле огромного черного Лендкрузера Роман Юрьевич выудил из кармана брюк брелок сигнализации и открыл машину.

– Посиди пока здесь.

Он достал телефон и кому-то позвонил, и еще несколько минут стоял на улице, видимо решая какие-то вопросы. Сквозь стекло Даше не было слышно, что он говорил. Она внезапно почувствовала себя маленькой рыбкой в аквариуме.

Когда они тронулись с места, пошел снег – белый, густой, празднично-новогодний, и от этого ощущение нереальности происходящего стало еще сильнее.

– Пристегнись, – коротко бросил профессор, крепко сжимая руками руль и глядя на дорогу.

Чтобы не оглядываться на остающийся позади корпус университета, Даша прислонилась лбом к прохладному стеклу, смотрела на проносящиеся мимо темные деревья и дома, и пыталась представить себе, что ждет там, куда они едут. Она сидела совершенно неподвижно, потому что только с застывшим телом ее не трясло. Профессор щелкнул зажигалкой и закурил. Салон немедленно наполнился едким дымом. От запаха Даша будто очнулась, с силой дернула кнопку стеклоподъемника, и пассажирское окошко опустилось до предела. Это было почти невежливо, и она почувствовала,

как он смотрит на нее, убрала палец с кнопки и оставила все, как есть.

Спустя минуту Роман Юрьевич припарковал машину у обочины и, ни слова не говоря, вышел и скрылся в здании под вывеской «Аптека».

Остаток пути прошел в такой же гнетущей тишине. Даша почти ничего не запомнила: ни района, ни голубого панельного дома, куда он ее привез; ни того, как они поднимались в лифте, как он возился с ключами, а отперев дверь, бросил их на полку к зеркалу; ни того, как он шумел водой в ванной, а она механически, как робот, снимала пальто и вешала на крючок у входа.

Он провел ее по длинному извилистому коридору – «Сколько же здесь комнат?» – промелькнула мысль, прежде чем он распахнул перед ней дверь маленькой спальни. Она стояла посреди комнаты в напряженной позе, будто кто-то заменил позвоночник металлическим стержнем. Сердце билось так сильно, что она почти ничего больше не чувствовала. Все мысли сжались в точку и пульсировали в едином ритме.

Роман Юрьевич подошел совсем близко. Так близко, что она отчетливо видела красные ниточки-сосуды у него на носу и мелкие бисеринки пота на лысине. Ей казалось, что воздух в комнате словно стал тяжелее и давил на нее. Он взял ее ладонь в руки и провел большим пальцем по костяшкам. Даша посмотрела на их соединенные руки.

– Ну что же ты? Боишься меня? – кажется, это были его первые слова за долгое время.

Даша отрицательно замотала головой.

– Не бойся. Порадуй старика и больно не будет.

Он наклонился к ее лицу и обхватил пальцами подбородок. От его ладони пахло мылом. Там, где прикасались его пальцы, кожу покалывало, как будто через него текло электричество.

– Роман Юрьевич, я... – Даша с трудом сглотнула, – я никогда не была раньше с мужчиной.

– Мать честная! Что ж ты раньше не сказала? – он отшатнулся от нее, словно обжегся. Помолчал немного, а потом сказал, – Если ты передумала, то можешь уйти. Тебе ни к чему дарить мне свою девственность.

– Но... Тогда ведь вы не поможете мне?

– Нет. Но я не хочу давить на тебя. Это решение ты должна принять сама.

Даша подняла на него темные глаза.

– Я остаюсь.

– Замечательно, – он положил руку ей на затылок, запустив теплые пальцы в волосы, – Ты боишься. Я вижу твой страх. Завораживающее зрелище.

В его глазах появилось какое-то новое выражение и от этого Даша напряглась еще больше. Она почти забыла как дышать.

– И мне хочется видеть твой страх снова и снова. – Он

отпустил ее, но не отстранился, погладил по подбородку, по шее, – Но я борюсь с этим.

Он положил ладони ей на талию, потом его пальцы заскользили по спине, нащупали застежку бюстгальтера, переместились вперед и стали расстегивать мелкие пуговики на блузке. Его лицо было совсем близко. От него пахло табаком и мятой. И он принялся ее целовать – жадно, настойчиво, будто хотел выпить. Руки его продолжали раздевать Дашу. Он справился наконец с блузкой и швырнул ее на пол, следом стянул юбку и черные, теплые колготки.

Оставшись перед ним в одном белье, Даша вдруг подумала, что трусы и бюстгальтер у нее из разных комплектов и не подходят друг к другу. Но профессор не обратил на это никакого внимания. Он отстранился от нее и быстро разделся сам. Даша зажмурилась. Еще никогда в жизни она не видела так близко обнаженного мужчину. И если лицо его выглядело старым, то тело было гладким и подтянутым. Он снова шагнул к Даше и быстро избавил ее от последней хрупкой защиты белья. Потом заставил сделать два шага назад так, что она уперлась ногами в кровать, надавил руками на плечи и ей пришлось лечь.

Она лежала, глядя в глянцевый натяжной потолок, в котором отражалась ее тоненькая фигурка и профессорская спина, пыталась проглотить комок страха, хотя горло не желало смыкаться, и чувствовала на себе его горячие руки и дыхание. Он с силой гладил ее, сжимал ладонями маленькую

грудь, а потом переместился ниже.

– Ну же, давай. Раздвинь ножки, я хочу видеть тебя всю. Если не будешь сопротивляться, больно не будет.

Даша судорожно вздохнула и позволила ему развести ноги в стороны. Она ожидала, что вот сейчас-то он и сделает то, к чему так стремятся все мужчины, но вместо он принялся ласкать ее языком.

«Боже, что он делает?! Господи, стыд-то какой!» – пронеслось в голове у Даши и она сжала ладонями покрывало на кровати. Одно дело видеть постельные сцены в кино и совсем другое – допустить к самому сокровенному чужого, едва знакомого мужчину. «Расслабься! Расслабься, черт побери, сама на это пошла!»

Профессор неумоимо работал языком. Мало-помалу напряжение отступило и Даша смогла расслабиться. Роман Юрьевич поднял голову и продолжил начатое пальцами, нежно и аккуратно запустил один внутрь. Даша прислушалась к своим ощущениям: боли не было. Было даже странно приятно. Он приподнялся на руках, заглянул Даше в лицо и хрипло спросил:

– Тебе нравится?

Даша ничего не ответила, только едва заметно кивнула.

– Тебе нравится. Я хочу, чтобы ты получила удовольствие от первого секса. Радуйся, что это случится не с неопытным мальчишкой, а со мной. Я знаю, что нравится женщинам.

И он снова опустился вниз. На этот раз ласкал ее быстро,

неистово. В какой-то момент она сдалась окончательно и у нее в животе рос, увеличивался, зрел комок тепла. Наконец он достиг небывалых размеров и взорвался, парализовал ноги, спину и всю ее волю. Даша не издала ни звука, она только судорожно дышала, пока оргазм не стих.

– Ты хорошая девочка. Теперь иди сюда.

Он притянул ее голову к животу, заставляя взять мягкий вялый член в рот. От запаха рот мгновенно наполнился слюной и к горлу подкатила тошнота. Она сглотнула, обхватила его рукой, закрыла глаза и пересилила себя. Он держал ее за голову крепко, не давая шанса отстраниться, двигался быстрыми толчками. Из глаз выступили слезы. Она вырвалась из его рук, сглотнула дурноту и задышала медленно, глубоко.

Профессор встал с кровати, пошарил в кармане брюк и выудил оттуда презерватив. «Экий джентльмен, – пронеслось в голове у Даши, – а я об этом даже не подумала»

Он снова подошел к ней, обхватил обеими руками и перевернул на живот и поднял на четвереньки. Задержался на доли секунды, провел пальцами по ягодицам, а затем приступил. Ее моментально наполнила боль, тягучая, ноющая. Брови сошлись на переносице и она прикусила палец, чтобы не застонать. Она чувствовала, как из нее струится стыд, заполняя собой все пространство комнаты. Она позволила ему делать все, что он хочет, хотя каждое его движение отзывалось болью. Пока Бекк иступленно впечатывался в нее, какая-то часть Даши отделилась от ее сознания, покинула спальню и

побрела по квартире. Из крана в ванной капало, на кухне гудел холодильник, на пафосных узорчатых обоях тихо тикали дизайнерские часы. Она заглянула в мельком увиденную гостиную, рассматривала массивный светлый диван и огромный плоский телевизор на стене. Стоя у окна, отколовшаяся часть Даши отодвинула прозрачную вуалевую занавеску, потрогала колючие массивные ветки стоявшего на подоконнике алоэ, и посмотрела на улицу. Снег все еще шел, наряжая грязные улицы в белые одежды. Проспект шумел, но стеклопакеты не пропускали звуков с улицы. Машины, сверкая разноцветными боками, сновали по нему, словно туча мошкеры в летний полдень. Время от времени отколовшаяся часть Даши задерживала дыхание, прислушивалась, чтобы понять, по-прежнему ли это происходит. Услышав глухой стук остова кровати, хлопки кожи по коже, она снова поворачивалась к окну и смотрела на падающие хлопья снега.

Наконец все закончилось. Профессор дернулся в последний раз и затих, лег на нее сверху и придавил всей своей тяжестью.

Потом он сполз с нее, больно шлепнул ладонью по заду: – Хорошая девочка! – и скрылся за дверью.

Она продолжала лежать, оглядываясь, прислушиваясь и поглядывая на дверь. Наконец он появился снова, улыбающийся, посвежевший и сказал:

– Ванная там. Чистое полотенце в шкафчике.

Даша встала и, едва переставляя ноги, ощущая в промеж-

ности мерзкую жгучую резь, пошла к двери, взялась за ручку и, прежде чем открыть ее, обернулась назад. На взбитой зефирной белизне покрывала алели две капельки крови.

Напряженная сосредоточенность, крепко державшая ее с того самого момента, как они отъехали от университета, слетела одним махом – как будто ее и не было. С облегчением Даша почувствовала, что с этого момента все – и протокол мамино лечения, и новое, не испробованное лекарство, – больше не ее забота; что она подпишет сейчас договор, пойдет домой, сядет на автобусное сиденье, закроет глаза, и все это перестанет существовать, а когда она откроет их в следующий раз, ее жизнь будет прежней, без страха за маму, без пропусков лекций, а весь этот нереальный кошмар останется так далеко, словно его и нет вовсе.

Глава 8

Вечер был колючим. Таким же колючим, как и Любин свитер, который она второпях натягивала поверх тонкого кружевного белья, серым и кусачим. Все не так складывалось этим вечером. Отец зло хлопал дверями и по мелочам ко всем цеплялся. Мать гремела посудой на кухне и огрызалась в ответ. Ленка заперся в комнате, врубил «Раммштайн» и отказывался сделать потише. И в довершение всего ее срочно вызвал в лабораторию Роман Юрьевич.

Любава шла и пинала перед собой пустую пластиковую бутылку. В голове все еще перекатывались возмущенные родительские голоса:

– Какая лаборатория, придумала тоже!

– Да о чем ты вообще думаешь, кто затевает опыты на ночь глядя? Вы что там делать собрались с этим профессором?

– Никуда ты не пойдешь, это опасно!

И любимое мамино:

– Вот будут свои дети, поймешь!

От очередного пинка бутылка подпрыгнула и улетела на дорогу. Любава убрала дурацкие волосинки, прилипшие у губам, и огляделась в поисках новой жертвы. Обычно спокойная, она и не подозревала, что может так злиться. Ситуацию спас бы любой маленький камушек. Главное твердый. Чтобы выдержать весь запас обиды и раздражения.

– Опаздываем!

Роман Юрьевич вынырнул слева из темноты, как черт из табакерки. Любава вздрогнула.

– Вы меня, Роман Юрьевич, так заикой сделаете! – буркнула она под нос, но профессор расслышал.

– Прощаю тебе твою грубость, – снисходительно ответил он. И уже совсем другим тоном спросил, – Что-то случилось?

Любава вздохнула и рассказала про инцидент с родителями. В другой день она бы удивилась собственной откровенности и накатывающим без повода слезам, но сейчас думала, что это просто сказывается усталость и недосып. Профессор слушал, не перебивал, закатывал глаза в нужных местах.

– Ну да, – сказал он, когда Любава замолчала, – так и бывает. Ради науки приходится жертвовать многим. Люди,

увлеченные работой часто имеют проблемы в семье. Не понимают их, не разделяют творческих порывов... Говорят, надо жить, как они живут, зачем что-то выдумывать, менять, дерзать! Но как можно просто жить, когда знаешь, что в твоих руках такие возможности! А вдруг именно ты, представь, Чкалова, ты изменишь мир и жизни многих людей! А ведь я нашел добровольца!

– Да?! – воскликнула Любава от неожиданности.

– Ну... вернее сказать, ты нашла, подружка твоя звонила, я с девушкой переговорил и именно поэтому я и потревожил тебя сегодня.

Они зашли в полутемный холл корпуса. Кое-где горел еще свет, группками расходились в разные стороны последние студенты и задержавшиеся преподаватели. Через минуту Роман Юрьевич загремел ключами и они осторожно вошли в темную лабораторию. Он нашарил рукой выключатель на стене и в помещении одна за другой, помаргивая, зажглись яркие лампы дневного света. Любава подумала, что ей почему-то как-то не по себе. Мама дома наверное сходит с ума. Но глядя на веселого, улыбающегося преподавателя, который уже торопливо снимал верхнюю одежду и мыл руки, она поняла, что беспокоиться не о чем. Давно она его таким не видела.

Через несколько минут посерьезневший и облаченный в белый защитный костюм, перчатки и шапочку Роман Юрьевич сел за стол.

– Вы должны понимать, что о сегодняшнем эксперименте ни в коем случае не должна знать ни одна живая душа. Потому что мы с вами нарушаем все мыслимые и немыслимые протоколы. По закону после успешных испытаний на животных я должен сделать запрос на апробацию действующего вещества на здоровых добровольцах. Это мы конечно сделаем, но в данном случае времени у нас нет. И сейчас мы вынуждены играть в рулетку соотношения пользы и риска.

– Конечно, я все понимаю, Роман Юрич! – пробубнила из-под маски Любава, лихорадочно вспоминая, кому успела разболтать.

Все шло по плану: надеть насадку на дозатор, набрать жидкость, вылить жидкость, снять насадку. Любава чуть дыша следила за точными медитативными движениями рук Романа Юрича. Через тридцать минут состав был готов. Профессор легко поднялся со своего места, передал Любаве емкости с жидкостью, стянул плотные латексные перчатки, бросил их на стол, нащупал в кармане пустую сигаретную пачку, смял ее, бросил в мусорную корзину и вышел за дверь.

Любава посмотрела на его неширокую спину, «Какой-то он сегодня подозрительно веселый. Чем же Даша его подкупила, как уговорила? Неужели он ... она... про него и раньше говорили, что он своих студенток трогал... Надо будет спросить у Даши при случае», достала из стеклянного шкафчика стеклянные флаконы, «Нет, нет, я не смогу, у меня язык

не повернется, если только она сама расскажет», надела на дозатор чистую насадку, «А фиг она мне что расскажет, она будет хранить свою тайну молча, чтобы об этом не узнала ни я, ни Сашка, ведь она все еще на что-то надеется! Как же это глупо и нелепо, ведь это я знаю его три года, я три года вижу его каждый день, я знаю, какое у него лицо, когда сердится, знаю, как заставить его улыбнуться, знаю, как он пыхтит и дышит во время секса, знаю каждый сантиметр его кожи!», набрала в дозатор темную, вонючую жидкость и сглотнула подступившую к горлу дурноту, «Это я, я, я буду его женой и Даша не посмеет, будь она мне хоть трижды подруга, помешать нам!», плотно укупирила флаконы пробками и убрала в холодильник.

У нее засосало под ложечкой от странного предчувствия, но она загнала ощущение поглубже внутрь, хотя оно и оттуда продолжало свербить. Тошнота не отступала, во рту противно скапливалась слюна и ее приходилось постоянно сглатывать. Когда вернулся Роман Юрьевич, Любава поспешила отпроситься домой, сославшись на плохое самочувствие. Но сразу уйти не получилось, какое-то обязательное время пришлось потратить на разговоры и прощание. Выйдя за дверь, Любава почти побежала домой, предчувствуя снова крики и упреки от матери.

Глава 9

«Как же так получилось?», – думала Даша, медленно поднимаясь по ступенькам подъезда, – «Почему в моей жизни

нет ни одного человека, с которым я на самом деле хотела бы поделиться, которому я могла бы рассказать то, что меня на самом деле волнует? Мама не поймет, она всегда говорила, что я должна думать об учебе, а любовь и чувства – это все глупости, и Любава, моя Любава, разве могу я сказать ей о своих чувствах, и все остальные, кто мне дорог, кого я люблю, с кем могла бы сейчас поговорить откровенно, да хотя бы просто переглянуться – они бы решили, что у меня поехала крыша, что все эти видения – это просто галлюцинации от переживаний. Я запрещаю себе думать о них – хотя бы на время, хотя бы до тех пор, пока не поправится мама, пока я не избавлюсь от видений, пока не будет можно будет вздохнуть свободно».

Даша вспорола дверной замок ключом, но дверь не поддавалась, не клацнул металл. Закрыто на задвижку. Она припирала к двери ухом, пытаясь уловить хоть что-то. Из квартиры доносился еле слышимый, но какой-то невыносимо знакомый, напоминающий что-то звук, и потому она нажала на кнопку звонка и убрала ключи в сумку. Звук стал громче, металлическая задвижка стукнула и дверь распахнулась навстречу Даше. На пороге стояла тетя Лена.

– Дашенька, здравствуй! А я зашла в гости к вам, мама-то твоя позвонила, что совсем плохая стала, да на больничном тяжело ей, все одна да одна, ты все время пропадаешь где-то, не дождешься тебя, а она в как сыч в квартире...

– Здравствуйте, тетя Лена, – перебил ее Даша.

Тетушка приобняла Дашу за плечо и широко, радостно улыбнулась – пожалуй, она никогда еще не видела на ее лице ни подобной радости, ни такого волнения. Она помнила ее как высокомерную, мрачноватую женщину, которая всегда говорила гораздо много слов и часто была недовольна. Особенная ирония заключалась в том, что ни она, ни мама никогда не были с ней близки. Тетя Лена всю жизнь строила карьеру, сумела сколотить приличное состояние, купила квартиру в центре, и никогда не была замужем. Мужчин она считала напрасной тратой времени и пустыми, никчемными созданиями.

В редкие дни да по праздникам приглашала мама ее в гости, а после смерти брата так и вовсе перестала звать. Что между ними произошло, мама никогда Даше не рассказывала, ни слова, она просто знала, что между ними было что-то не так. Она хотела бы знать, что осталось за кадром, сколько их еще – важных вещей и незначительных мелочей, которые случились много лет назад. Мало-помалу образ сердитой, недружелюбной женщины съезжился и превратился всего-навсего в одно из незначительных детских воспоминаний Даши. А сейчас она стояла на пороге их дома и улыбалась так, как будто и не было этих лет отчуждения.

Даша вошла в квартиру. Каждый раз, когда к ним кто-нибудь приходил, она терзалась от того, как тесно в их крошечном узком коридорчике, как уныло и неуютно в квартире. В комнате было темно – свет не включен и вечер наступал

по-зимнему рано, а синеватые всполохи экрана телевизора давали мало света. Мама лежала на своем диване, а рядом на столике стояли чашки с недопитым чаем и порезанный на кусочки магазинный торт. Да, давненько тетя не была в гостях, раз уж решила, что мама будет есть выпечку с пальмовым маслом.

– Дашенька, вскипяти-ка нам еще чаю, – по-хозяйски распорядилась тетя Лена и глазами, как на рога, подкинула Дашу, – да и сама с нами садись, попей, я вот тортика купила, вкусный очень, попробуй, вы же наверное таких не покупаете, он недешевый, а у вас, я знаю, денег нет.

– Сейчас, тетя Лен.

Даша наклонилась к маме, приобняла и поцеловала, потом пошла на кухню и набрала воды в чайник, думая о том, почему в детстве никогда не замечала этой тетушкиной особенности: говорить речитативом без остановки и подкидывать глазами. Когда чайник закипел, она взяла чистые чашки и свежие пакетики, отнесла все это в комнату, разлила кипяток по кружкам, подкатила кресло к столику и села. Глядя на торт, внезапно вспомнила, что с утра ничего не ела и отхватила ножом себе увесистый кусок.

– Ну рассказывай, как дела у тебя? Учишься? Ты ведь на кого у нас учишься, на программиста, кажется? Все по этим, компьютерам? – и снова глазами как на рога. – Надо было идти на экономический, закончила бы бухгалтером, сидела бы себе в тепле, дебет с кредитом сводила да зарплату хоро-

шую получала, как я.

Даша вздохнула, дотянулась до чашки с горячим чаем, отхлебнула.

– Нет. Не хочу я быть бухгалтером, мне моя специальность нравится, она интереснее.

– Интереснее! Да кто в наше время думает об интересе, Даша! О деньгах надо думать, о будущем!

Тетя воинственно потрясла чайной ложечкой, потом ковырнула торт, отправила кусочек в рот, облизала ложку. Даша рассматривала ее аккуратную стрижку и крупные, качающиеся серьги, жировой валик на животе, обтянутый синим платьем. Спорить бесполезно. Даша перевела взгляд на маму. До сих пор она молчала, а теперь задала свой извечный вопрос:

– Где ты была так долго?

– Я нашла способ тебя вылечить, мама. Есть новое лекарство.

– Как это – нашла, где нашла? Что за лекарство? – мамы брови сошлись на переносице, как всегда, когда она чего-нибудь не понимала.

– У Любы на кафедре один профессор занимается разработкой противоракового препарата. Я сумела договориться. Завтра утром нас ждут в клинике. Сейчас, подожди!

Она несколько поспешно поднялась со своего кресла и бросилась в коридор, к оставленной у зеркала сумки. Там, в глубине она нащупала мультифору с пачкой бумаг, распе-

чатанных на принтере. Кровь прилила к лицу, когда Даша вспомнила, как час назад Роман Юрьевич печатал, скреплял степлером, пытался что-то втолковать. Но главное было то, что они были, эти бумаги. Она прочла «Информированное добровольное согласие» два раза подряд, медленно, пытаясь понять каждое предложение, а потом, перегнув страницы во-круг скобы, сунула их под мышку и пошла обратно, в комнату. Когда она появилась в арке, тетя Лена и мама посмотрели на нее так, будто ждали каких-то особенных слов, будто оттого, что согласие было у нее в руках, она одна знала, что делать.

– Здесь нужно заполнить и подписать, мам. И завтра утром ехать в клинику.

– Ты так в этом уверена? Я что, буду подопытным кроликом?

– Мама, я каждый день, уходя из дома, думаю, что сегодня я может быть вижу тебя в последний раз. Нам определенно стоит попробовать. Другого шанса уже не будет.

– Сколько же это стоит?

– Нисколько. Бесплатно.

– Как так? – удивилась мама, – Она протянула руку и взяла согласие, аккуратно потрогала бумагу пальцами. – Разве бывает в нашей медицине еще что-то бесплатное?

– Марина, ты заслуживаешь жизни, – неожиданно вставила тетя Лена, – поэтому определенно стоит попробовать.

– Я так устала... Я каждый день проживаю через боль.

Вдруг мне станет хуже?

– Да, рак штука такая, – тетя улыбнулась, – порой нужна боль, чтобы прочувствовать жизнь. А ты отдохни. Поздно уже.

И она засобиралась домой. Пока она вылезала со своего насиженного кресла, бормоча что-то про то, что придется возвращаться домой затемно, Даша посмотрела в сторону окна – снаружи возле балконной двери, на уровне пятого этажа, на фоне звездного неба отчетливо темнела человеческая фигура.

– Что это за хрень?! Вы тоже ее видите? Или у меня одной крыша протекает?

Воздух делался плотнее и плотнее, и Даша уже прижималась к стене, чувствуя, как набегающий страх парализует волю и выжимает из головы обрывки мыслей.

– Ты о чем, Дашенька?

Она с трудом отвела взгляд от балконной двери и повернула голову к тете Лене. У той брови недоуменно взлетели вверх, да так и застыли.

– А... да показалось. Устала наверное, вот и мерещится всякое.

– Это все от нервов. Ну ладненько, я позвоню завтра.

– Значит, от нервов. До свидания, тетя Лена.

От нервов, значит. Докатилась, нервы уже не в порядке. Даша закрыла за теткой дверь и прислонилась спиной к двери. Она была прохладная, чуть шершавая. Постояла так

с минуту, дышала носом, медленно, приводя растрепанные мысли и чувства в порядок. Нужно вести себя как обычно, чтобы не дать маме ни малейшего повода догадаться, каким путем она заполучила завтрашний визит в клинику.

Потом нашла в себе силы и вернулась в комнату. Силуэта в окне больше не было. Мама уже успела уснуть: она была все еще очень слаба после химиотерапии. Платок на голове нелепо сполз, открывая одно ухо и закрывая половину щеки. Потом она вдруг завозилась, и попробовала было поудобнее устроить руку, но она только беспомощно скользила по одеялу, и после нескольких бесплодных попыток замерла, с рукой, безвольно повисшей с дивана вниз.

Даша подошла и поправила руку, чтобы она не затекла, прижалась губами к чуть прохладному лбу:

– Выкарабкайся, милая... Только не сдавайся!

Этот полный событиями день и вчерашняя бессонная ночь одновременно навалились на нее, и Даша вдруг поняла, что комната плывет перед глазами, потому что она устала, смертельно устала, и у нее было сил даже помыть посуду. Она разделась, свалив одежду неряшливой кучкой, и, не умываясь, уснула.

В этот раз она не проснулась мгновенно – бывают такие пробуждения, когда уши уже невозможно защитить от звуков, а глаза – от света, но она изо всех сил пыталась нырнуть обратно – не хотелось ничего слышать, не хотелось откры-

вать веки. Она сопротивлялась бы и дольше, если бы звуки вдруг не ворвались прямо в сон, разорвав его на части, – за стеной соседи сверлили стену перфоратором так, словно целились прямо ей в мозг, и тогда она открыла глаза и села в постели. Сквозь окно заглядывало тусклое бессолнечное зимнее утро, освещая пыльную, давно не убранную комнату.

Даша встала и поплелась в туалет. Дверь закрыта. Только тут она увидела, что мамина постель пуста – видимо соседи разбудили и ее. Тогда она повернула на кухню, открыла кран и набрала воды, и принялась ее пить – жадно, словно с похмелья. Голова болела. Пока еще не сильно, но неприятное ощущение, словно под кожу забрались маленькие металлические жучки и царапают изнутри своими лапками, мешало, свирбело, хотелось стряхнуть его, как встряхивают пыльный коврик. Она пошарила в аптечке, выпила парацетамол и прижалась лбом к прохладному оконному стеклу.

Двор как двор. Ленивое субботнее утро, пустота и тишина. Ни машин, ни людей. Соседский перфоратор умолк, нигде ни единого звука – ни шороха автомобильных шин, ни собачьего лая, даже вороны – и те притихли.

Зима в этот раз была особенно нарядная. Зиму она любила больше всего, особенно декабрь. В декабре можно закрыть сессию и поехать в деревню к бабушке, чистить большой лопатой дорожки, стряхивать у порога налипший снег, колоть звонкие дрова, топить печь и ждать Новый год и чудо. Настоящая зима – декабрь – только через месяц, но в Сиби-

ри снежно уже в конце октября.

Сегодня. Сегодня решающий день. Сейчас, этим тихим и пустынным утром ей было легко представить, что все не так уж плохо: достаточно дать тонкую соломинку, за которую можно ухватиться и она не порвется, не сломается, а вопреки всему вытащит их из болота безнадежности, и не пройдет и нескольких часов, как тревога и страх отступят, словно их никогда и не было, словно болезнь мамы – не более, чем эксперимент, испытание на прочность, и вот-вот вдруг вспыхнет яркий свет и из-за декораций выйдут люди и поздравят с успешным прохождением.

Позади послышались тихие шаркающие шаги.

– Дашенька, встала уже?

Она обернулась.

– Доброе утро, мам. Тебя тоже разбудили соседи?

– Нет, дочь, я давно не сплю. Я все думаю, может, нам не стоит ехать? – она поморщилась.

– Стоит, мам. Никаких сомнений. Роман Юрьевич – настоящее светило! Давай собираться.

Даша посмотрела на часы на микроволновке – времени оставалось не много, наспех умылась, мазнула ресницы тушью, пожарила яичницу и сварила кофе. И пока они быстро, почти не жуя, проглатывали яичницу, одевались и собирали вещи – все это время они молчали – словно два столетних старика, проживших бок о бок столько времени, что им уже совершенно нечего сказать друг другу. Это было настолько

непривычно, не похоже на них прежних – пожалуй столько тишины между ними не возникало ни разу, с тех пор, как умер Дашин отец – или Даша, или мама всегда заводили разговор о чем-нибудь малозначащем, о какой-нибудь ерунде, просто для того, чтобы показать, что они есть друг у друга.

На улице мороз обжег легкие. Снег тонко скрипел под ногами, а дыхание клубилось вокруг лиц маленькими облачками теплого пара. Кое-где брели редкие прохожие, подкатил полупустой автобус. Даша помогла маме войти, усадила на сиденье и смотрела в окно, как постепенно город оживает: открывались магазины, выползали на улицу выпавшиеся счастливики, заканчивались субботние пары у студентов.

Внутри клиники горел свет, желтый, домашний, по окнам бегали корявые тени медработников. Даша собралась, взяла маму под руку и они вошли.

Даша расстегнула куртку, и к ней тут же подошла медсестра, с видом смущенным и неприветливым, и сразу приступила к главному, поздороваться она позабыла.

– Вам кого, девушка? Для посещений еще рано, а больных мы в субботу не принимаем!

– Нам назначил Бекк Роман Юрьевич, сказал, чтобы мы пришли к одиннадцати часам, – вся Дашина решимость, которая переполняла ее накануне, лопнула, словно перекачанный воздушный шарик, исчезла без следа.

– Ничего не знаю, мне никто не говорил про вас. И его здесь нет. Ну посидите тут, подождите, может он скоро при-

дет.

И словно в ответ на ее слова входная дверь распахнулась, пропуская профессора внутрь. Он увидел Дашу и коротко и холодно кивнул ей, затем своей размашистой походкой направился в кабинет заведующей.

Мама недоуменно посмотрела на Дашу, словно ожидая от нее указаний или хотя бы объяснений, что делать дальше.

– Это он, – и она кивнула собственным словам, – подождем немного, наверное нас сейчас позовут.

Но прошло не меньше получаса, прежде, чем дверь кабинета заведующей открылась и высокая женщина, что принимала их в прошлый раз, позвала:

– Орлова, пойдете.

Даша смотрела, как снова она что-то внимательно читает и пишет в карте, как медсестра хлопотала рядом с мамой, как проводили ее в палату и бережно, как ребенка, уложили в кровать, как холодная острая игла прошла сквозь кожу, как горячий нож через масло, и слезы лились из ее глаз. Тугой узел, в который было завязано все ее существо, ослаб, и тогда она наконец выдохнула – словно все это время дышала только половиной легких.

Потом медсестра, ставившая капельницу, улыбнулась и как-то чересчур радостно произнесла:

– Ну, вот, отдыхайте. Вы у нас прям VIP-пациенты в номере люкс! – она со смешком обвела палату рукой: тут и правду была всего одна кровать, диванчик, телевизор и даже отдель-

ный санузел за тонкой дверью. – Вам, – она посмотрела Даше прямо в глаза, – Наталья Николаевна разрешила остаться на ночь. Уж не знаю, почему, обычно она никому не позволяет. Капельница долгая, на сутки, поэтому располагайтесь. Вот, правда, еды вам не положено, только больным. Но вы можете сходить в магазин, тут рядышком, если хотите. Если что, я буду на посту, это слева по коридору.

– Спасибо, спасибо вам огромное!

– Да мне-то не за что!

И она ушла. На какое-то время в палате наступила тишина, даже было слышно, как негромко и размеренно дышит мама и где-то капала вода. Даша села на диван и только сейчас внимательно огляделась. Да уж, Роман Юрьевич слово сдержал, хоть она и не просила какого-то особого к себе отношения, ей нужна была только надежда, которую могло дать его лекарство.

– Даша, ты ничего не хочешь мне рассказать?

– В смысле? – Дашино сердце забилося чаще, а во рту ментально стало сухо.

– Без смысла. Мне кажется, ты что-то скрываешь от меня. Какие у тебя отношения с этим доктором?

– Странный вопрос. Никаких у меня с ним отношений, это Любин научный руководитель, – лживые слова отвратительны на вкус, и она будто выплюнула их.

– Вопрос не странный, странно его к нам отношение. Что это за благотворительность такая? Новейшее лекарство, од-

номестная палата, тебе разрешили остаться! Что у тебя с ним?

– Ничего, мама! – Даша фальшиво улыбнулась, пытаюсь скрыть привкус желчи во рту. Еще немного и ее затошнит от собственного вранья.

– Тогда почему это все?

– Ему нужны добровольцы, я же говорила. Это может быть хорошим шансом, мама! – и снова улыбнулась. Она знала, что ложь вбивает клин между ними, который она никогда не может вытащить. Знала, и все равно лгала.

На какое-то время опять стало тихо, только в белую чашку умывальника капала вода, торопливо. Даша не смогла бы сейчас объяснить, только это было ей неприятно. Она встала, крепко завернула кран и снова уселась на диван, достала телефон, чтобы в нем спрятаться от необходимости лгать.

[10:36, 26.10.2019] «Ты где? Про тебя Рейзлин спрашивал, что с твоим курсачом» – сообщение от Сашки.

Сашка! За эти два дня она почти не вспоминала о нем. Воображение живо нарисовало, как Сашок склоняется над листком в клеточку, будто примеряясь начертить первую линию огрызком карандаша. На долю секунды поднимает взгляд на нее. Улыбается. А в глазах прыгают бесенята.

От этой картины Дашино сердце затрепетало, словно бабочка со сломанными крыльями. Она стряхнула оцепенение и быстро набрала ответ:

[11:46, 26.10.2019] «Я в больнице с мамой. Что он гово-

рил?»

[11:50, 26.10.2019] «Ты давай там, возвращайся. Харе пропускать, англичанка тоже тебя потеряла, раздала сегодня результаты коллоквиума. У тебя 19 из 100. А Рейзлин сказал, что в понедельник – крайний срок, когда надо принести черновик на проверку. Он будет на кафедре целый день»

[11:51, 26.10.2019] «Черт, черт, черт, я встряла!»

[11:52, 26.10.2019] «Да не, еще можно успеть все сдать до зачетной недели. Только, конечно, придется побегать»

[11:52, 26.10.2019] «А ты знаешь, где можно купить курсач?»

[11:54, 26.10.2019] «Купить? Не, не знаю. Но я могу спросить у Димыча, он вроде говорил, что платил кому-то. Только это стремная идея. Рейзлин раскусил его на раз-два, половину перечеркнул и все переделывать»

[11:54, 26.10.2019] «Блин, я не успею даже черновик до понедельника сделать. Помоги, а?»

[11:55, 26.10.2019] «Ой, не знаю. Что за тема у тебя? Ты хотя бы теорию накопипасти, тезисно, и покажи ему, а с расчетами, так уж и быть, помогу»

[11:56, 26.10.2019] «Да я не помню тему, не открывала даже еще. Но все равно, спасибо, Саш. Надеюсь, завтра маму отпустят и я сделаю. Только надо будет еще где-то распечатать с утра успеть»

[11:59, 26.10.2019] «Ну копи-центр с 8 работает, успеешь»

В это время дверь в палату открылась и санитарка, громыхая колесами на стыках плитки, вкатила тележку с тарелками.

– Обееед, – неожиданно низким голосом протянула она и поставила тарелки с каким-то супом и картошкой на тумбочку возле маминой кровати. Рядом приткнула стакан и накрыла его кусочком серого хлеба. «Как на поминках», – почему-то подумалось Даше. Санитарка развернулась и с таким же грохотом удалилась, не закрыв за собой дверь.

Даша встала, притворила дверь и подошла к маме.

– Я не буду есть, доченька. Меня тошнит опять, сильно.

– Mam, ну надо. Ты же так совсем без сил будешь!

– Я итак без сил. Давай ты съешь, чтоб добро не пропадало. Я не буду.

– Mam! Ешь, кому говорю!

– Строгая ты какая, – улыбнулась она, как будто через силу, – ты что, хочешь, чтобы меня вырвало? Ты бы мне лучше воды налила.

Даша беспомощно посмотрела на маму, потом поспешно налила воды из-под крана, потому что не догадалась купить бутилированной, поднесла кружку ко рту, и, приподняв мамину голову, напоила ее. Мама слегка сжала ее руку, как будто из последних сил и, откинувшись обратно на подушку, снова сказала:

– Ешь.

Больше Даша спорить не стала, взяла тарелку с жижей,

в которой плавали несколько кусочков картофеля и тертая морковка, молча стала есть.

«Даш, ну что ты. Договорилась с профессором? Что молчишь, не пишешь?» – это уже сообщение от Любы. В ушах у нее зашумело. Она и правда забыла поблагодарить подругу, ей было совершенно не до этого, да и она не особо представляла, что написать. Написать правду, какую плату профессор захотел за свои услуги? Нет, она будет и дальше притворяться, что все хорошо, хотя ей уже давно расхотелось улыбаться, притворяться, ломать комедию.

«Договорилась. Спасибо, дорогая! Мы с мамой уже в больнице, ей сейчас капают капельницу»

«Как быстро! Круто! Я же говорила, он не откажет!»

Дальше Даша отвечать не стала. Она разулась, поджала под себя ноги и прикрыла глаза. Время потянулось медленно, как смола, стекающая по нагретому солнцем стволу дерева, и тут же замирало. Каждая минута словно терла кожу наждачной бумагой. Еще раз вкатывалась та же самая тарка с тарелкой какой-то несъедобной каши – ужин. Пару раз в палату заглядывала медсестра – проверить, все ли в порядке. Даша кивала ей, поглядывала на маму и терпеливо ждала. Мама лежала не шевелясь, с закрытыми глазами, очень бледная и вся какая-то желтая, так что если бы не ее отчетливое неровное дыхание, можно было бы подумать, что она умерла.

Невыносимо длинный день сменился густыми сумерка-

ми, а потом таким же ленивым и тягучим вечером. Тишина. Только монотонное гудение лампы над дверью да редкие негромкие разговоры в коридоре. Когда за незашторенным окном полностью стемнело и небо стало черным и прозрачным, с рассыпанными по нему звездами, похожими на булабочные проколы в темно-синей бархатной бумаге, Даша, не раздеваясь, свернулась калачиком на диване и уснула.

Глава 10

Это был еще не совсем рассвет, просто небо из чернильно-черного стало синим и можно было разглядеть очертания предметов. Из-под двери пробивалась полоска желтого света. Кажется, что воздух густой и пыльный. Даша проснулась резко, будто кто-то ткнул ее в бок. Она попыталась пошевелиться и поняла, что левая рука, свисавшая с дивана, не слушается ее. Она резко села. Все тело ломило, а рука повисла безжизненной плетью. Тишина. Сколько времени она так просидела? Две минуты? Пятнадцать? Мало-помалу онемение сменилось покалыванием и Даша потрясла рукой, чтобы поскорее прогнать мерзкое ощущение. Наверное, гнетущая тишина вокруг, оглушительно звенящая у нее в ушах, подействовала так, что она встала и подошла к маминой кровати. Мама лежала неподвижно, лицо ее сделалось похожим на восковую куклу. Пальцы ее сжимали одеяло. Даша поправила белую простыню, сбившуюся в комок. Ни один мускул не дрогнул, не дернулись ресницы, не вздымалась грудь. Так тихо... «Она же не дышит!» – пронеслось в голове у Даши.

– Помогите! – крик сиплый, еле слышный, с трудом протиснулся через горло. – Кто-нибудь помогите!

Ни одного движения, звука, знака. Она распахнула дверь, выбежала в коридор. Тусклые лампочки не могли осветить все и в углах притаилась темнота. Никого. Она побежала налево, к посту медсестры, но стол был пуст. Дальше, дальше по коридору. Дверь в ординаторскую. Распахнула ее и крикнула:

– Помогите!

Спавшая на диванчике врач подняла голову и, щурясь из темноты, потерла ладонью лицо.

– Что? Что случилось?

– Моя мама! Она не дышит!

Врач моментально стряхнула дремоту, спустила ноги с дивана и сунула их в туфли, смяв задники, выбежала в коридор.

– Кто? Какая палата?

Мирно спящее отделение моментально заполнили бегающие люди в белых костюмах. Та самая санитарка, которая привозила им еду, обняла Дашу за плечи и силой вывела из палаты, усадила в коридоре:

– Нельзя, нельзя, ты только мешаешь. Дай им делать свою работу.

Она закоченела, застыла. Внутри все сжалось до такого противного состояния, когда сосет под ложечкой. Сколько времени прошло?

Наконец дверь открылась и из палаты вывезли каталку. На

ней явно лежала мама, хоть и они накрыли ее лицо простыней.

– Что? Что с ней, доктор? Зачем вы укрыли ее, ей же нечем дышать?! – Даша бросилась к ней, стянула простыню. Все те же закрытые глаза, лицо, похожее на восковую куклу.

– Пойдемте со мной, Дарья Ивановна, – врач взяла Дашу за руку и увела в ординаторскую.

Она зажгла свет и села за свой стол, потом посмотрела на Дашу. Она стояла в проходе, бессмысленно переминаясь с ноги на ногу. Так они глядели друг на друга несколько бесконечных мгновений, потом врач сказала:

– К сожалению, Дарья Ивановна, ваша мама не выдержала агрессивной терапии и скончалась ночью. Мы ничего не могли сделать. Когда вы позвали меня, она была уже мертва.

Даша не закричала, не завопила истошно, как в кино, не заламывала театрально руки, она только опустилась вниз по стене, безупречно прямая и напряженная, и замерла. И врач терпеливо ждала, пока Даша садилась прямо на пол, пока пыталась вдохнуть, пока плакала, не произнося ничего, и готова была плакать как можно дольше, лишь бы больше не слышать ничего, ни одного слова. Она позволила ей плакать минут десять или двадцать, потом накапала резко пахнувшей коричневой жидкости в мерный стаканчик, налила воды и, прижимая стакан к Дашиному рту, заставила выпить. Вода стекала по подбородку и зубы стучали об стекло.

– Она умерла от этого лекарства? – хватая воздух ртом,

наконец произнесла Даша.

– Мы никогда не можем знать наверняка, выиграем или проиграем эту битву. У кого-то организм сильнее и он побеждает, выигрывает сколько-то времени, а у других иммунитет становится все слабее и тогда поражение неизбежно. Да по большому счету, мы все однажды умрем от рака, только не каждый до этого доживет. Не умереть от рака нам поможет только то, что мы умрем от чего-то другого.

– Что за чушь вы несете?

– Это не чушь, это научно доказанный факт.

– Просто скажите: да или нет?!

– Я не знаю. Возможно покажет вскрытие. Вам нужно расписаться вот тут.

И она подняла Дашу под локоть, усадила на стул, вложила в ладонку ручку и терпеливо указывая, заставила подписать какие-то бумаги. От слез очертания предметов расплылись и Даша даже толком не видела, что подписывает.

– Извините, мне надо побыть одной. Можно я пойду?

– Да-да, конечно. Тело мы передадим в морг, потом позвоните туда, узнаете, когда можно будет забрать.

На выходе Дашу остановила санитарка и сунула ей в руки объемный синий пакет:

– Ваши вещи заберите.

Двери выплюнули ее в пустынный больничный двор. В бело-серой дали виднелись пустые тропинки, упиравшиеся в белесое небо макушки деревьев качались и скидывались на

ветру. Со своего места Даша различала только бесконечное яркое мельтешение на проспекте: машины, автобусы, троллейбусы спешили в обе стороны, дрожащие желтые огоньки фар, красные и зеленые – светофоров, вспышки, которые бьются, крутятся и мигают ртутной чехардой.

Даша накинула пальто на плечи. Рука застряла в рукаве. Чертыхаясь, дернула сильнее, вытолкала из рукава шапку и бросила ее в пакет к маминым вещам. Так и пошла, не застегиваясь, и без шапки. Частый мелкий снег ложился на растрепанные волосы и таял, забирался за воротник и тоненькими иголочками покалывал кожу, слепил глаза. Снег смешивался со слезами и превращал огни проспекта в цветные размытые пятна.

Даша пошла не в сторону автобусной остановки, а вниз по проспекту, мимо нарядных пафосных домов, мимо гудящих автомобилей, мимо набережной широкой, еще не одевшейся в белый панцирь, Томи. От холода и снега в голову приходили странные усталые мысли. Загребая ботинками снег, она вдруг думала, что, может быть не стоило ехать на эту капельницу. Вообще не стоило ей затевать весь этот цирк с новым лекарством. А стоило просто жить, столько, сколько отпущено. Эта мысль билась, кусала, росла и ширилась, пока не заполнила собой все сознание. Чувство вины огромной бетонной плитой легло ей на плечи, придавило, ссудулило спину.

Ей теперь хотелось идти хоть куда-нибудь, лишь бы не возвращаться домой. Куда-нибудь. Тупо идти, пока не кон-

чатся силы, или, может быть поехать в какую-нибудь деревню и пожить недельку, отключив телефон. Просто лежать и смотреть в потолок. Побывать в пустоте. В оторванном состоянии...

Но вместо этого ноги сами принесли ее к дому. Клацнул дверной замок о вспоровшие его нутро ключи. Даша прикрыла за собой тихонько скрипнувшую дверь, пошарила рукой по стене. Выключатель в масляном грязном пятне. Сняла ботинки, снег с которых немедленно стал таять и расплзаться маленькими лужицами, бухнула на пол сумку и пакет с мамиными вещами. От входной двери рукой подать до арки. В комнате шторы задернуты, ни звука. Только на кухне в тишине гудел холодильник.

Она не раздеваясь, обошла их маленькую квартирку, отмечая мелочи, которым раньше не придавала значения, а теперь они бросались в глаза, кричали: мамина неубранная постель на диване, рядом на журнальном столике молитвослов в потрепанном переплете, очки для чтения – «Очки забыли, – проскочила мысль, – надо было взять», в прозрачном пакетике таблетки от давления, железо, что-то еще, на кухне в раковине две тарелки, две кружки, две вилки.

На какое-то время Даша застыла в замешательстве посреди комнаты. В ушах нарастал свист и шум, виски начали пульсировать, в глазах плескались волны черноты. Мыслей больше не было, их вытеснила набегавшая волнами боль в голове. Морщась от каждого движения, Даша сняла одежду,

неряшливой кучей свалила в кресло и легла на диван. Оказывается, диван был жесткий, со старыми, скрипучими пружинами, часть которых, казалось, готова была прорвать истончившуюся от старости обшивку и вырваться наружу – это чувствовалось даже сквозь толстое одеяло, которое они давно подстилали для мягкости. На подушке осталась вмятина от маминой головы и белье хранило слабый, еле уловимый, родной запах.

Какое-то время она лежала неподвижно, не чувствуя ничего, кроме головной боли и невыносимого одиночества, потом глаза ее закрылись и она провалилась в тягучую дремоту без снов.

Она проснулась через несколько часов, лежала на спине и смотрела вверх, на потолок, выложенный узорчатыми пенопластовыми квадратиками плитки. И потолок, и пол, и диван под ней медленно качались и плыли по волнам. Неторопливо, словно огромный кит. Даша ощущала себя крошечной точкой, песчинкой, от которой ничего не зависит. Даже если закрыть глаза, это баюкающее движение продолжалось. Снаружи по-прежнему был день, сквозь зашторенное окошко солнечные лучи просовывали тонкие пальцы, выхватывали на полу тонкие полосы света.

Даше было холодно. Очень холодно. Нужно встать с дивана и надеть колючий свитер с высоким горлом, но ноги не слушались. Она натянула одеяло повыше, словно холод, мутивший ее, затаился где-то внутри, под кожей, в костях и по-

звоночнике, а это чертово одеяло почему-то совсем не грело. Тогда она огромным усилием откинула его в сторону, выпустив последние крохи тепла, и побрела на кухню. Набрала воды и включила чайник. Липкая слабость заполнила каждую клеточку ее тела, мышцы налились болью. Она вернулась в комнату, вытащила из маминого шкафа толстый махровый халат, затянула поясом покрепче, налила чай и, обхватив ладонками горячую кружку, забралась с ногами на стул.

Мысли тяжелые, тягучие колыхались в черепной коробке, оставляли одни вопросы без ответов. Что теперь делать? Она что, осталась одна? Как теперь жить? Как справиться со всеми проблемами, если она такая неприспособленная? Она даже квитанции за ЖКХ никогда сама не оплачивала, а теперь ей придется трепыхаться, словно рыбе в ведре. Достанет ли у нее сил стукнуть хвостом посильнее, чтобы подпрыгнуть и вернуться в привычное болотце? А деньги? Где их брать? Устраиваться куда-то работать? Но как тогда совмещать с учебой?

Она прижалась плечом к холодной бетонной стене, если бы можно было, легла бы прямо на пол, как собака, не боясь ни испачкаться, ни показаться смешной, потому что силы уходили по капельке, как зерно из дырявого мешка. Как было бы хорошо, если бы можно жизнь словно пленку диафильма отмотать назад, если бы можно было жить как раньше, только бы не заботиться о том, где взять денег, только бы не бояться наступления нового дня, только бы не видеть

по углам толи призрака, толи порождение ее воображения, от которого мороз по коже.

Даша допила чай. На какое-то время ей показалось, что стало легче и она пошла в коридор разбирать пакет с маминной одеждой. Нужно чем-то занять руки, иначе мысли, от которых пухла голова, сведут ее с ума.

Она стала выгружать из пакета вещи. Потертые сапоги в отдельном пакете, шапка, пуховик – «Пуховик надо повесить в шкаф, зачем он здесь. Вот здесь, рядом с шубой, которую она ни разу не надела, все берегла для лучших времен»; больничные тапочки – «Да, тапочки надо тоже убрать, не оставлять же»; теплые колготки, носки, юбка и трикотажная кофточка в катышках – «Сначала постираю, потом решу, что с этим делать»; расческа – «А мама ведь осталась там, когда ее забирать?»; чистое полотенце – «А куда звонить, чтобы похоронить? И как вообще это делается? А это платно? Ну конечно платно, даром только в мешок завернуть»; кружка и ложка – «И что, я должна сейчас на работу ей сообщить? И обзвонить всех знакомых, сказать куда и во сколько приходиться?». «А как я буду звонить, если я их даже не знаю никого? И они все будут приходить, сочувствовать и плакать, кто-то искренне, а кто-то фальшиво, обнимать и брать за руку. А я буду плакать в ответ. Ерунда какая, я буду улыбаться, черт возьми, они не увидят моей слабости, я не буду слушать их лживые соболезнования, только пусть это все побыстрее закончится, я не буду слушать, не буду слушать, не буду...»

В этот момент Даша поняла, что держит в руках мамин телефон. Он вибрировал в руках, звук резкий, неестественно громкий разрывал барабанные перепонки и оборвал бесконечный поток непрощеных мыслей. Даша смахнула «Ответить».

– Маришка, я тебе звоню-звоню, ты что не слышишь? Почему так долго отвечаешь? Почему молчишь? Маришка, ответь! Как дела, как ты себя чувствуешь?

– Тетя Лена...

– Даша, это ты что ли? А мама где? Ты с ней в больнице? Как у вас дела? Как все прошло? Дай ей трубочку. Ну что ты молчишь, ну?

– Мама... она...

– Что? – спросила тетя Лена еще спокойно, и хотя она больше ничего ничего не сказала, уже одного этого было достаточно, чтобы стало ясно – она все поняла.

– Мама умерла. – Даша вздохнула и подняла глаза к потолку, чтобы не расплакаться прямо сейчас, но слезы все равно полились, много, как вода, которая сломала плотину и вырвалась на свободу.

– Господи.., – выдохнула тетя.

На какое-то время между ними повисла неловкая пауза, как бывает между двумя малознакомыми людьми, которые уже исчерпали общие темы для разговора и даже обсудили погоду, и теперь не знают, что сказать.

– Когда это случилось? Она мучилась? Даша, ей было

больно? Ты была с ней рядом, скажи, она долго мучилась?

– Ночью. Она умерла ночью. Так тихо, что я даже не знаю, когда. Я проснулась утром, думала, она спит. У нее такое спокойное лицо было, как будто она радовалась чему-то.

– Отмучилась, бедная. Где она, в морге? А ты сама где?

– Они забрали ее. Наверное в морге, я не знаю. Тетя, я ведь ничего не знаю, как все это делается, помоги мне пожалуйста.

– Думаешь, я знаю... Ладно, ты дома, да? Никуда не уходи, я приеду сейчас и мы с тобой все порешаем. Кто-то же должен заняться похоронами.

В телефоне что-то щелкнуло и раздались короткие гудки. Даша закрыла чехол, тихонько погладила его подушечками пальцев и прижала мамин телефон к груди. Потом она села на пол, уткнулась лбом в колени и провалилась в пустоту.

Глава 11

Когда приехала тетя Лена, Даша чувствовала себя так, будто проснулась с жестокого похмелья. Голова раскалывалась. Тетя разве что не трясла ее и не щелкала пальцами перед глазами. Нужно съездить в морг. Нужно взять справку о смерти. Нужно заехать в похоронное. Выбрать гроб, венки и памятник. Нужно заказать поминальный обед.

Даша молчала, сверлила остекленевшим взглядом точку на ковре и дышала прерывисто и шумно. И тогда эту ворчливую женщину осенила внезапная догадка. Она сходила на кухню и принесла Даше градусник. Тридцать девять и де-

ВЯТЬ.

Два дня Даша то горела в бреду, то исходила противным липким потом. Она то проваливалась в темный омут, то выныривала на поверхность, спотыкаясь взглядом о застывшее в циферблате время.

Тетя Лена превратилась из размытой картинки детства в надежную опору и все пыталась утешить ее. Слова куцые, несерьезные, цокали на языке как взрывная карамель. Она все сделала сама. Позволила ей просто лежать. Брала ключи от квартиры, приходила и уходила, варила куриный бульон и заставляла Дашу его пить, оформляла все документы, приносила какие-то чеки, квитанции, рассказывала, что выбрала и заказала, кому позвонила и сообщила.

В день, когда хоронили маму, столбик термометра опустился до минус тридцати восьми градусов. Бледный кружок солнца прожигал серое небо, будто кончик сигареты. На улицах Томска парным молоком разлился туман. Он пенился, окутывал молочным толстым слоем шерстяного пончо дома, мостовые, смазывал лица прохожих и превращал свет автомобильных фар в размытые дрожащие кляксы.

Утром Даша непослушными руками выдавила из блистеров две таблетки парацетамола и желтые кружочки валерьянки – температура хоть и была меньше, но все еще держалась.

– Что слону дробина, – сказала тетя и как заправский алкоголик опрокинула рюмку с раствором резко пахнувшей ко-

ричной жидкости.

Даша держалась, пока малознакомые люди у них дома всхлипывали, сморкались в бумажные платочки, целовали застывшее, до боли прекрасное мамино лицо. Держалась, пока шла по кроваво-красным гвоздикам на утоптанном неровными буграми снегу. Держалась в автобусе. Но когда комочки мерзлой земли с сухим стуком полетели на крышку гроба, она упала на колени, скорчилась, потянула вниз оконеченные пальцы. Реальность сразу, без подготовки обрушилась на нее, придавила, расплющила. Нечленораздельный вой рвался из горла, Даша зажималась, давилась им: умерла! Самый любимый, самый родной человек! Как жить дальше?!

Она не могла пошевелиться, ноги будто приклеились к земле. Кто-то поднял ее под руки, отвел в автобус, усадил, сунул в руки пластмассовую чашку с обжигающим чаем из термоса.

В кафе не ела. Глаза невидяще смотрели в одну точку, бесконечные речи сливались с сплошной неясный гул.

– Соболезную. – сотню раз за день услышала она и от знакомых, и от тех, кто в жизни слова не сказал.

Домой она вернулась одна, взглянула на себя в зеркало и не узнала: на мертвенно-бледном лице глаза побитой собаки. «Новейшее лекарство! Вылечим! Еще и переспала со старым пердуном! Дура! Какая же ты дура! Ненавижу!» – и кулаком со всей силы в это дурное, некрасивое отражение. Зеркало задрожало, расцвело паутиной трещин и осыпалось

остро. Тонкими струйками потекла кровь из порезанной руки. Больно. Даша опустилась бессильно на пол, уставилась пустыми глазами в пол. Маленькая раздавленная девочка в пустой квартире.

Дни потянулись неподъемной серой тушей. Даша все еще чувствовала слабость, и хотя температура больше не поднималась, она не выходила из дома. Она то замирала, то начинала суетливо прибираться, бросала на половине, гипнотизировала телефон и прислушивалась к звукам. Дом жил обычной жизнью: пиликал домофон, хлопала подъездная дверь, из соседних квартир просачивались невнятные голоса и глухие звуки, плыли запахи еды, люди уходили на работу и приходили домой, бухали на пол тяжелые сумки, трепали по головам собак, кошек и детей. И только Даша как будто не жила, а плыла в густой болотной жиже. Еда стала на вкус как картон. Да и не хотелось есть вообще. Не хотелось ни с кем общаться. Первые дни Даша еще отвечала на телефонные звонки, выслушивала бесконечный поток банальностей, но потом поняла, что от этого ей только становится хуже. И она включила на телефоне беззвучный режим, даже не считая пропущенные вызовы. Она стала вялой, заторможенной, будто не спала несколько дней, ставила на плиту кастрюльку и тут же забывала про нее и потом в квартире остро и горько пахло горелым.

Сколько она провела в добровольном заточении, выходя лишь изредка в магазин за хлебом? Неделю? Две? Она не

знала. Но она знала, что вечно это продолжаться не может. И без того скудные запасы продуктов подходили к концу, не осталось уже ни крупы, ни картошки, да и последнюю банку тушенки она доела еще вчера. Кончилось даже прошлогоднее засахаренное варенье, которое она щедро мазала на ко-со отпиленные куски батона и запивала крепким чаем. Кончались и деньги, которые она успела снять с маминой карточки, прежде, чем банк ее заблокировал. Рано или поздно ей придется вернуться на лекции, зайти в деканат, порешать вопросы с долгами. Хуже всего было то, что сама мысль о возвращении к привычному распорядку казалась неправильной, предательской, вроде как официально согласиться, что мама умерла. Пришлось признать, что без работы ей не выжить.

В одну из длинных, томительных ночей, когда ночное небо из черного стало темно-синим и в комнату скользнул первый хрупкий, зябкий проблеск декабрьского утра, Даша собрала всю свою решимость и стала приводить себя в порядок и собираться на лекции. Во дворах уже забурчали оставленные на ночь автомобили, по улицам мигали и переливались сотнями разноцветных огней новогодние гирлянды, по всему городу в спальнях зазвонили будильники. Матери, отцы зашаркали с растрепанными волосами, в ночнушках и растянутых майках – ставить вариться кофе, нарезать бутерброды и будить детей в школу.

Из зеркала в ванной, подсвеченное тусклым желтым све-

том электрической лампочки, на Дашу смотрело худое измученное существо с синими кругами под провалами глаз. Отросшие за месяц волосы темнели у корней и висели сухой соломой у посеченных концов. Даша взглянула на свои ногти: обломанные неровные края в обрамлении сухой кутикулы. Волосы на ногах торчали колючим ежиком. Она включила воду, долго и тщательно намыливала тело, волосы, сбривала отросшую щетинку, остригла ногти под корень. Потом высушила волосы и собрала их в высокий хвост. Тушь в косметичке засохла, и Даша швырнула ее в мусорное ведро.

Она оделась, вышла из дома и за двадцать минут добралась до главного корпуса. Знакомые массивные двери пропустили ее внутрь в сумрачный холл. После людных нарядных улиц в пустынном холле она почувствовала себя неудобно. И хотя все было привычно: все тот же высоченный потолок с арками и лепниной, светящееся белым над лестницей окно, беззвучные телевизоры в углах и таблоиды с надписью «Нечетная неделя», Даше показалось, что она здесь случайный зритель, непрошенный гость. Появилось странное ощущение, будто она забыла и не сделала чего-то важного. Стояла неестественная тишина, которую не заглушала всхрапывающая изредка рация охранника. Лишь оказавшись в светлом коридоре с черными и желтыми квадратиками плитки на полу, она испытала огромное облегчение.

Даша подошла к расписанию, сверилась со своим блокнотиком. Шла уже вторая пара, сегодня оставалась еще одна,

организация ЭВМ. Ее Даша не любила и не понимала. Тут она вспомнила про курсовую работу по схемотехнике. Все уже наверное написали и защитили и только одна она даже не начинала черновик. Рейзлин ее убьет. Ну не в прямом смысле, конечно, но к экзамену не допустит.

Потоковая лекция организации ЭВМ всегда проходила в десятом корпусе, и Даша направилась туда. Десять минут быстрой ходьбы и вот он, десятый корпус в Лагерном Саду. Мимо нее с гиканьем и топотом пронеслась стайка первокурсников. И пока она шла по коридорам, пока поднималась на четвертый этаж, искала глазами свою группу в потоке, и самое главное – Сашку, она слышала со всех сторон:

– Соболезную.

Она слышала это и от знакомых, и от тех, с кем за три года учебы словом не перебросилась. От этих фраз она вздрагивала, как от очередной пощечины. Студенты, которые смеялись и болтали в коридорах, в аудитории, за партами, умолкали, когда она проходила мимо, и смотрели на нее с сочувствием и недоумением.

Она не знала, что говорить в ответ. С тех пор, как умерла мама, прийти на пары было самым нормальным из всего, что Даша делала.

– Тебе сейчас хорошо бы снова втянуться в режим, – сказал ей Сашка. – Знаю, тебе так не кажется, но полегче станет, только когда ты себя чем-нибудь займешь. Так что втягивайся. До зачетной недели осталась всего ничего. – продолжил

он, когда Даша ничего не ответила.

– Ты плохо выглядишь, детка. Тяжело одной? – к ним подошел Эдик и заглянул Даше в лицо.

Она быстро покачала головой и почувствовала, как морщится ее лицо, и он сразу же взял Дашу за руку и задал еще один вопрос:

– Плохо дело. А что с учебкой у тебя? – И тогда она почувствовала, как слезы высыхают в глазах, не успев пролиться, потому что она забыла, совсем забыла и про учебу, и про зимнюю сессию; она прижала руку ко рту и с ужасом покачала головой еще раз, а он нахмурился и спросил:

– Как ты думаешь, тебя отчислят теперь? – И тут же сам себе ответил: – Впрочем, если и отчислят, нужно что-то думать. Искать работу.

– Не выдумывай, не отчислят ее. Мы же поможем догнать, да, Даш? – наигранно бодрился Сашка.

Глава 12

Прошло примерно полторы недели, и Даша незаметно для себя начала вливаться в суматошные студенческие будни. Бешеная гонка между корпусами не оставляла места тревожным мыслям и беспокойству. О странной женщине, которая мерещилась Даше, она вспоминала теперь изредка и только по вечерам, когда комнату окутывали зыбкие тени и тусклое свечение монитора не могло их разогнать полностью. Гораздо чаще Даша ловила себя на мысли, что считает про себя: в это время месяц назад мама еще была жива, в это время

пять недель назад, полтора месяца. Мысленно она перебирала все, что они делали вместе незадолго до ее смерти. Стоило вспомнить, и каждый раз Даша вздрагивала как от пощечины: она умерла. Каждое новое событие, каждый Дашин поступок все больше и больше разделял их: дни, в которых мамы больше не будет – вечно растущее между ними расстояние. С каждым новым днем все дальше и дальше.

Иногда мысли о маме вытеснялись другими, привычными – о Сашке. Она сидела за партой все так же рядом, поэтому часто подолгу смотрела на него, забывая писать. У него необычное лицо, не славянское, смуглое, с темными, почти черными глазами, большими пухлыми губами и глубокими складками вокруг рта, когда он улыбался. Иногда Сашка ловил на себе этот ее взгляд, поднимал голову, видел, что она смотрит и подмигивал. Тогда Даша невольно ощущала как он пахнет. Тонкий аромат дезодоранта дразнил, заставляя представлять обнаженной эту оливковую, словно поджаренную на горячем южном солнце кожу, с капельками влаги. Она вдыхала, вздыхала. И снова опускала глаза в тетрадь, пытаясь поспеть за лекцией.

Незаметно подкралась зачетная неделя. Прыщавый Вовка уже получил в свою зачетку три пятерки «автоматом» – больше за добросовестность, чем за знания, и ходил теперь, высоко задирая подбородок, еще три человека могли похвастать одним «автоматом». Даша не могла похвастать ничем. В тетрадях не хватало доброй половины лекций, практические за-

дачи она не могла решить, потому что пропустила целый месяц. От предстоящих зачетов ее холодом скручивал страх, а потом – вина за беспечность. Слишком многое она принимала как должное.

Павел Николаевич прохаживался вдоль доски, о чем-то сосредоточенно думал, потом остановился и, заложив руки за спину, произнес несколько злорадным тоном:

– Ну-с, товарищи, сегодня у вас последний шанс добрать баллов к зачету. Пишем коллоквиум. На сто баллов! – он многозначительно поднял палец вверх. – Тем, у кого после сегодняшней работы итогом будет больше восьмисот пятидесяти, поставлю зачет автоматом. – Студенты загудели: кто-то радовался возможности получить халявный зачет, кто-то издал страдальческий стон.

– Пожалуйста, берите билеты и бумагу. Телефоны сдаем. – С этими словами поднял со стола пустую коробку из-под обуви, куда надлежало сложить телефоны и стопку старых курсовых – на обратной, чистой стороне этих листов и следовало писать ответы на билеты – и многозначительно посмотрел на студентов.

Поднялся шум. Посмеиваясь, переговариваясь, в притворном ужасе закатывая глаза, и одновременно бледнея от настоящего страха, студенты шли между партами, несмело вытягивали билет и брели назад к своим местам. Даша медлила, вытянув руку над россыпью одинаковых белых прямоугольников бумаги. Беспомощно оглянулась назад: Сашка

уже уселся на свое место и что-то сосредоточенно разглядывал под партой. В конце концов она взяла билет из середины, с загнутым кверху уголком, прихватила лист для ответов, положила свой телефон в коробку, уже полную до краев разномастных смартфонов, и обреченно пошла к Сашке.

– Так, тишина. Сели все. Со столов все убрать! Пишем до конца пары, перерыва не будет.

Через минуту в аудитории стало тихо, только с заднего ряда время от времени доносился горячечный шепот хронического прогульщика Игоря Панова, который умолял кого-то дать ему списать.

– Панов, – произнес Павел Николаевич, когда тот в очередной раз подал голос, – еще раз тебя услышу и твоя блестящая карьера начинающего инженера может пойти на спад.

Студенты захихикали. Даша обернулась и увидела, как Панов осекся и обреченно уставился куда-то в стену, очевидно пытаясь найти там что-то такое, что поможет ему разобраться в хитросплетениях электрических схем.

Даша прочитала билет. Из четырех вопросов она знала ответ только на один, самый первый. Красивым убористым почерком она написала все, что знала. На не разлинованном листе строчки с круглыми буквами грустно сползали куда-то вниз. Стараясь изо всех сил сохранять невозмутимый вид, она толкнула Сашку в бок локтем. Сашка повернул голову и без слов все понял. Правой рукой он продолжает быстро строчить, левой протянул ей под партой стопку мелко на-

резанных тетрадных листов, исписанным мизерными буквами. Даша схватила их, как спасительную соломинку, улучила момент, когда, как ей казалось, Павел Николаевич смотрел в другую сторону и принялась искать ответ на свой вопрос. Буквы плясали и кланялись друг другу, от волнения дрожали и не слушались пальцы. Ей пришлось пролистать довольно много, прежде, чем она нашла то, что нужно.

В этот момент Павел Николаевич поднялся со своего места и подошел к первой парте, где сидел Вовка. Тот поднял на преподавателя голову и в глазах его застыл вопрос, все ли верно. Боковым зрением Даша видела, как ребята спешно прятали вытащенные шпаргалки. Павел Николаевич отошел от старосты и двинулся дальше. Даша одним лихорадочным движением засунула стопку шпаргалок за пояс джинсов, прикрыла сверху свитером. Павел Николаевич подошел к ней. Заметил ли? Даша испуганно посмотрела на преподавателя. Он слегка наклонился над столом, двумя пальцами притянул листочек, на котором она писала, пробежал глазами, кивнул.

– Орлова, что-то я вас последнее время не видел на лекциях. Вы болели?

– Болела, Павел Николаевич, – не моргнув глазом, соврала Даша.

– Справку в деканат отнесли?

– Конечно, – и снова пусть маленькая, но ложь.

Павел Николаевич снова кивнул и пошел дальше по ря-

ду. Даша замерла на некоторое время, краем глаза следя за преподавателем, который дошел до конца ряда, развернулся обратно, вернулся за кафедру и принялся что-то сосредоточенно изучать в своих бумагах, потом потихоньку вытащила шпаргалки из-под свитера и принялась лихорадочно списывать. Почерк стал торопливым, дребезжащим, казалось, будто писали два разных человека.

Пара подошла к концу. В аудитории все пришло в движение: шум отодвигаемых стульев, ввики молний, смех и слова. Даша встала и отнесла свой листочек на преподавательский стол, вытащила из коробки телефон и пошла к выходу.

Глава 13

Над укутанными морозным туманом улицами задышал ветер. Разметал щегольской мех на капюшонах, забрался под куртки, добрался до тела, пересчитал позвонки. Коснулся виска – хрупкие непрочные кости жалобно взвыли. Ресницы моментально превратились в ледяные иголки, в носу защипало.

Даша торопливо вышла из автобуса и уже через десять минут подходила к низкому в четыре этажа серому зданию кибернетического центра, где на втором этаже размещался деканат. Она подошла к крыльцу и с трудом открыла подмерзшую пластиковую дверь. Поднявшись по узкой с перилами лестнице, и пройдя немного по коридору, Даша увидела у двери в деканат троих своих однокурсников. Их восторженные возгласы прерывались громким хохотом. Даша хотела и

одновременно боялась увидеть среди них Сашку. Но Сашки не было. Зато был Эдик, стоял и громко ржал над чьей-то шуткой.

– Оу, Дашка! Приветище!

– Все сдала?

– Да ну нафиг, не все. Очень даже не все! – Даша ответила как-то преувеличенно бодро, хотя внутри у нее все сжималось от страха.

– А. Ну я тоже организацию ЭВМ завалил. Там ваще! Жесть в натуре, я вроде писал-писал, а он мне хренак – все перечеркнул и на пересдачу. Ну Васильевна разрешила прийти после каникул за допуском.

– Да блин, я к нему даже не ходила еще.

– Ну че, погнажи? Эдь, ты идешь?

– Не, пацаны, я потом, мне еще подписать надо, давайте без меня сегодня.

Ребята попрощались, похлопывая друг друга по спине, и ушли. Остался только Эдик.

– Ну че, детка, идем?

– Давай ты вперед, тебе же быстро. А потом уже я.

– Ты не сдала, да?

Даша отрицательно помотала головой.

– Ну ладно, я понимаю, этих дебилов стесняться, но не меня же! Пупсичек, я тебе буду моральной поддержкой! Давай-давай-давай!

И Эдик втолкнул Дашу в деканат и вошел следом. Это бы-

ло просторное квадратное помещение. По трем углам находились столы с компьютерами, в четвертом – дверь к декану. За одним из компьютеров сидела зам декана Вера Васильевна и, не слыша, что открылась дверь, смотрела в экран. Ее не толстое, но крупное лицо было бы добрым, если бы она улыбалась. Но она не улыбалась и вниз от углов рта тянулись две морщины и подбородок между ними был стиснут, будто кулак. Брови выщипаны в тонкие дуги, а веки под ними усталые. «Наверное, она их красит, – не к месту подумала Даша, глядя на ее идеально уложенные темные, без малейшей седины, волосы, которые чуть поблескивали в ярком свете ламп, – да, точно, красит. Как же я хочу видеть тебя как можно реже! И какая ирония, что именно от тебя сейчас все зависит!»

– Вам подписать? Давайте быстрее, не задерживайте! – недружелюбно произнесла она, не отрывая глаз от монитора.

Эдик протянул ей свою зачетку. Вера Васильевна быстро расписалась и поставила печать. Поставила энергично, с силой придавливая ее к бумаге. Затем подняла глаза на Дашу.

– Ваша зачетка?

– Понимаете, я.., – Даша запнулась. Сколько она ни готовила речь дома, такие важные и правильные слова вылетели из головы, а те что остались, казались глупыми, – я не сдала. Можно мне отсрочку?

– Фамилия? Зачетку покажите.

– Орлова, – Даша протянула раскрытую синюю книжечку.

– Оооо, – протянула зам декана, – Так у вас даже нет допуска к сессии! Вы что хотите?

– Хочу закрыть сессию после каникул.

– Вообще-то за такую академическую задолженность мы должны вас отчислить. Понимаете, если бы вы сдали хотя бы все зачеты и получили допуск, еще бы можно было о чем-то разговаривать. Но у вас... Вы чем вообще занимались весь семестр? О чем думали? Что это все так просто? Вас таких, знаете сколько? Вылетают на раз-два!

– Отчислить? – от этого слова у Даши стиснуло желудок. Она прижала ладонь ко рту и подавила всхлип. Вместо того, чтобы заплакать, она вперила в зам декана холодный жесткий взгляд и произнесла:

– Вообще-то, у меня были причины.

– Вы болели? Справка есть? Дать разрешение могу только по уважительной причине.

– У меня мама умерла. Я осталась одна без денег и мне пришлось работать. Достаточно уважительно?

Вера Васильевна замолчала и пристально посмотрела на Дашу.

– Приходите завтра, я переговорю с Юрием Семеновичем. Посмотрим, что для вас можно сделать.

– Что за шум, а драки нет? – дверь кабинета открылась и в нее с шумно, на ходу стягивая перчатки и расстегивая пальто, вошел зам декана по платникам.

– Да вот, Сергей Александрович, ситуация. Очередной

должник у нас нарисовался. Только девушка говорит, что у нее уважительная причина: мать скончалась и ей очень сложно теперь учиться.

Сергей Александрович повесил пальто в шкаф и подошел к столу, взял из рук Веры Васильевны Дашину зачетку и тихо присвистнул.

– Мда. У вас? Мама?

Даша кивнула.

– Ну так оформите ей академ и дело с концом. Пусть разберется со своими проблемами, а потом продолжит учебу.

– Ну, как скажете, – хмыкнула Вера Васильевна, пожала плечами и встала, – Присядьте пока.

Она подошла к шкафу со стеклянными дверцами и выудила оттуда толстую папку-скоросшиватель. Даша присела на краешек стула с жесткой спинкой и огляделась. Рабочие столы завалены стопками бумаг, по стенам развешано множество дипломов и плакатов. И портрет президента в рамочке.

– Заполните заявление, – и Вера Васильевна протянула Даше листок с распечатанным текстом, куда надо было вписать личные данные.

Даша взяла ручку, вытащила из сумки паспорт и стала писать.

– Ааа, жесьть какая! Тридцатник с ветром! – Эдик схватил Дашу за руку, когда они вышли на улицу, бесцеремонно потащил, не спрашивая и не заигрывая. – Пойдем в «Погре-

бок», детка. Погреем жопки. Нужно думать, что дальше делать, работу искать, все дела.

Даша не ответила. Не потому что от холодного воздуха было трудно дышать, а потому что слишком часто в последнее время реальность без подготовки обрушивала на нее лавину, придавливала, не оставляла выбора и права голоса.

«Погребок» – маленькая закусовая в подвале третьего корпуса – встретил их густыми запахами борща, рыбных пирогов и чего-то сладкого. От тепла тело налилось приятной усталостью, веки стали тяжелыми. Захотелось спать. Эдик отыскал свободный столик в темном, плохо освещенном углу, где их не толкали другие студенты, куда не долетали обрывки разговоров и откуда хорошо было видно, как открывалась и закрывалась дверь и на ее пороге появлялись в облаке пара веселые раскрасневшиеся счастливчики, пришедшие отметить допуск к экзаменам.

Даша сняла пуховик и, пока Эдик ходил к барной стойке, села за деревянный, отполированный множеством рук, стол, взгромоздила на него локти и охватила голову ладонями. Она опять сникла, ссутулилась, сжалась вся.

– Эй, детка, очнись! Страна ждет своих героев! Так, я взял нам по кофейку, тебе с сахаром?

– Что?

– Охренеть ты зависла. Кофе тебе, говорю, с сахаром?

– А. С сахаром.

Она никогда не пила кофе с сахаром, всегда только с мо-

локом, но какое это имело сейчас значение?

– Так, детка. Собирайся в кучку давай, нет времени киснуть. Итак, что мы имеем? Сессию ты завалила, академ тебе оформили, времени свободного куча, но денег нет. Мани-мани-мани...

– Я ничтожество, – буркнула Даша и вздохнула.

– Воу, воу, воу, полегче! У всех бывают сложные дни!

– Да какие дни, Эдь! Все люди, как люди, а я как хрен на блюде. Ни одного зачета не сдала, ни одного! Денег ни хрена. Образования нет, опыта тоже. Куда меня возьмут работать, м? – она сделала большой глоток из чашки, которую Эдик поставил перед ней. – Фу, кислятина.

– Слушай, ну вот не надо сцен, а? Не поможет. И вообще, с чего-то же надо начинать. Абрамович вон тоже не сразу богатым родился.

– Ну я-то не Абрамович!

– Харе препираться. – Эдик выудил из кармана смартфон. – Так-так-так, посмотрим, че тут нам рынок труда предлагает.

На минуту он затих, а Даша со странной смесью отчаяния и надежды смотрела, как его большой палец проворно скользил по экрану, на секунды замирая, а потом снова продолжал движение.

– Администратор, консультант, консультант, помощник руководителя... Здравствуйте, я представитель компании «Орифлейм»! – фальцетом пропел он и расхохотался. – Ма-

терь Божья, да что ж такое-то... Я гневаюсь!

– Я же говорила.

– Ничего ты не говорила. О! Воспитатель в детский сад! Воспитателем пойдешь?

– Эдь...

– Что? Оу, к детишкам ты не хочешь. Тааак. О, чудненько, смотри, официантка в кафе «Медея» требуется.

Даша вздохнула.

– Тут такое дело, детка. Сейчас не самое лучшее время выеживаться. Звони давай.

Он вложил телефон Даше в руку и их пальцы сплелись. Она замерла. Нет, он дотронулся совсем не так, как раньше забавы ради хватал ее за руки, сопровождая это дурацкими шуточками. Сейчас прикосновение было робкое, настоящее. Долгое мгновение они не двигались. Потом Даша отняла руку, сжала телефон и прошептала:

– Я мечтала работать в большой компании, ходить на совещания, носить узкую юбку и каблуки, а не лавировать с подносом мимо пьяных рож...

– Деточка, мне до колик хочется, чтобы твоя мечта исполнилась, правда-правда. Но если ты упала – не время себя жалеть. Нужно подняться, отряхнуться и идти дальше.

Даша усмехнулась.

– Ну да, как же. Исполнится она теперь. Я ни на что не способна.

– Послушай меня внимательно, детка. – беззаботная

улыбка слетела с лица Эдика, глаза его сделались внимательными и строгими. – Когда мы были маленькими, и ты, и я, то всегда ждали помощи от родителей. Чтобы ни случилось, они приходили и спасали нас. И это было нормально. Но только теперь ты выросла, а рефлекс остался. Ты продолжаешь ждать. Ты ждешь неизвестно чего. У моря погоды. Ты сейчас боишься – прямо как тогда в детстве, когда ты просыпалась в темной комнате и, держась за прутья кровати, звала на помощь маму. И мама приходила и брала тебя на ручки. И сейчас ты ждешь, что кто-то придет и волшебным образом все наладит, успокоит, устроит лучшим образом.

– Я? Я жду?

– Нет, блин, я! Деточка, давай я сейчас побуду немножко Морфеусом и дам тебе красную таблетку?

– А что, если я хочу синюю?

– Увы. У меня ее нет. Да если бы и была, не дал бы. А красная, она хоть и горькая, зато лучше всякого лекарства.

Даша откинулась назад на жесткую спинку лавки и, сощурив глаза, смотрела на Эдика. Не похоже это на него.

– Ну давай, философ, свою таблетку.

– Ты не ершишь. Неприятно, знаю, но поверь мне, детка, это правда. Никто тебя не спасет. Никто, понимаешь? Не придет мама, не прилетит волшебник в голубом вертолете. – Он подтянулся на локтях и наклонился к ней через стол. – У тебя есть только твоя жизнь и на этом все. Она продлится может быть долго, а может быть завтра тебе кирпич на

голову упадет. А потом в один миг все исчезнет. Пух! – он вскинул руки с растопыренными пальцами, изображая маленький взрыв, – И ты умрешь. Очень короткое и не очень веселое путешествие. Как ты проживешь эту жизнь? А вот это, детка, твоя личная головная боль. Никого, поверь мне, никого на самом деле это не волнует. Все заботятся только о своей шкуре. Можешь сокрушаться, кричать, ругаться и бить посуду. Если тебе от этого станет легче. – Он усмехнулся, но в глазах его не было веселья, – Пожалуйста! Только это ничего не изменит. Придется, детка, включаться в режим «стальные яйца».

Даша не слишком вежливо отвернулась, ослепленная мурторным, нежеланным всплеском эмоций. А ведь он, черт возьми, прав! Ей всегда казалось, что впереди еще много времени и оно само собой как-нибудь устроится. Или кто-нибудь ей посодействует, поможет. Нет. Она действительно у себя одна и никто, кроме нее самой, и не подумает о ней заботиться.

Эдик протянул руку и сжал холодные Дашины пальцы.

– Конечно это сложно сразу. Понемножку. Шажок за шажком. По-другому никак.

Даша вздрогнула и посмотрела на него. Эдик улыбался и в его взгляде было что-то такое, от чего на душе становилось тепло и хорошо, совсем как в детстве. Она улыбнулась в ответ, едва уловимо, одними глазами, потом разблокировала телефон и набрала номер. Пять невыносимо длинных гудков

прошло, прежде чем в трубке раздался веселый голос с акцентом:

– Алле! Слющаю!

– Я по объявлению, – произнесла Даша взволнованно, – вы ведь давали объявление, что вам нужна официантка?

– Да, давал. Очень шустрый, расторопный девушка нужна!

– Я хочу попробовать!

– Приезжай, красавица, на этот... Как его? На беседа приезжай, посмотрим, поговорим.

Записав протянутым Эдиком огрызком карандаша на салфетке адрес, Даша нажала отбой. Сердце быстро колотилось и она закрыла лицо руками.

– Ну вот, а ты боялась! Только юбочка помялась! – хохотнул Эдик. Даша замахнулась на него в притворном возмущении, но он перехватил ее руку и прижал к столу. – Да у меня самого жопка жим-жим сделала! Я-то на работу еще не устраивался!

– Поедешь со мной? Мне страшно.

– Нет, детка. Сама-сама. Стальные яйца, помнишь?

Даша кивнула.

– Пойдем, я тебя до остановки провожу. Давай прямо сейчас, тут кто первый встал, того и тапки. Такие дела.

Они оделись, и Даша натянула поглубже капюшон, предчувствуя колючий мороз. Автобус долго ждать не пришлось – еще не успели зануть от холода пальцы на руках и но-

гах, как тяжело пыхтя поднялся в гору старенький ПАЗик и затормозил, скользя колесами по гладко укатанной дороге. Эдик, до этого безостановочно болтавший разные несерьезные глупости, вдруг резко замолчал, притянул Дашу к себе и поцеловал в краешек рта. Потом быстро прошептал:

– Удачи.

И подтолкнул ее к автобусу.

Глава 14

Уже остались позади и ТЭМЗ, и Лагерный сад, а Даша все еще ощущала это легкое прикосновение. Людей было немного, и она села к окну, отогрела дыханием круглый пяточок на замерзшем стекле и смотрела в него на проносящиеся мимо темные дома и деревья, и пыталась представить, что ее ждет там, куда она ехала. Удастся ли ей устроиться в эту забега-ловку? А если ее не возьмут, то что будет причиной для отказа? Сколько времени она продержится в этом заведении и хватит ли ей заработанных денег? Сумеет ли она их правильно распределить деньги и рассчитаться с долгами, сумма которых угрожающе выросла в последней квитанции за ЖКУ? Как скоро ее начнут хватать за руки податые посетили и сможет ли она им противостоять? А может ничего страшного и не случится, и тогда это кафе на какое-то время станет ее островом, центром, укроет ее от невзгод, и там она сможет переждать это странное, страшное время и потом, постепенно вернуться к нормальной жизни.

Не успела она найти ответы на все эти вопросы, как авто-

бус подкатил к вокзалу, заскользил у остановки, дернулся и затих. Даша подорвалась со своего места, быстрым движением не положила, а почти кинула водителю деньги на капот и выскочила на улицу. Она, оглядываясь по сторонам, торопливо прошагала мимо желтого, с островерхими башенками, здания вокзала к приземистому двухэтажному домику, где помещалось кафе с громким названием «Медея», поднялась на крыльцо и потянула на себя тяжелую массивную дверь. Зная, чем прославилась Медея, Даше было страшно даже заглядывать в меню. Внутри оказалось просторное, вытянутое в длину, светлое помещение. По обеим сторонам, справа и слева у окон расположились столики, покрытые красными бархатными скатертями, а сверху еще нелепыми квадратиками белой клеенки. За двумя столами сидели люди с уставшими лицами и возле них громоздились дорожные сумки, видимо, они зашли сюда перекусить прямо с поезда. Через множество окон лился солнечный свет, падал на деревянный пол – узкие половицы, надраенные полиролью. Пахло котлетами и рыбой. Впереди всю стену занимала длинная металлическая стойка, с лотками с салатами, горячей едой, рядами одинаковых стаканов с мутноватой желтой жидкостью. За стойкой, не отделенная ничем, даже декоративной ширмой, видна была кухня: по периметру высокие оцинкованные столы, уставленные бесчисленным множеством предметов. Там полная женщина в белом халате месила тесто смуглыми округлыми руками. Рукава закатаны по локоть, косын-

ка на голове завязана крепким узлом над краснеющей шейей, но из-под нее все равно выбилась непослушная прядь, прилипла к блестящему от пота виску. Справа у кассового аппарата, подперев одну щеку рукой, сидела белокурая девушка, напряженное ее лицо освещалось то синим, то красноватым отблеском экрана телефона, а указательный палец лихорадочно постукивал по экрану. Своими пухлыми губами и огромными глазами навывкате она напоминала глупую рыбу. Даша помедлила секунду, а потом широкими шагами двинулась к ней.

– Здравствуйте! Я по поводу работы, по объявлению. Звонила сегодня, меня пригласили на собеседование.

Кассир оторвала взгляд от экрана, где тут же засветилась надпись «Game over» и с каким-то тупым недоверием оглядела Дашу сверху вниз.

– Таааань, – протянула она, не оборачиваясь, – проводи девушку к Антону. Толстая женщина с кухни подняла голову, кивнула – то ли поздоровалась, то ли дала понять, что услышала, вытерла мучные руки о фартук и вышла к ним.

– Пойдемте, – коротко бросила она, и, обойдя стойку с раздачей, открыла неприметную дверь с надписью «Только для персонала». Даша торопливо зашагала следом в плохо освещенный длинный коридор с крашеными стенами мимо тяжелых металлических дверей с табличками «Холодильная камера №1», «Холодильная камера №2», «Склад». В конце коридора оказалась еще одна дверь, приоткрытая, из-за ко-

торой были слышны неясные голоса. Татьяна заглянула туда и быстро загородила собой проход.

– Там посетители, придется подождать. Пойдите тут.

– Спасибо, – поблагодарила Даша женщину. Татьяна мрачно кивнула и удалилась.

Минут двадцать Даша мерила коридор шагами, заготавливала речь, настраивалась, но когда дверь отворилась и оттуда вышла заплаканная женщина в сопровождении хмурого седого мужчины, вся ее решимость испарилась. Даша заглянула в кабинет:

– Можно? – она смутилась, встретившись с внимательными черными глазами сидевшего за столом мужчины. – Здравствуйте! Это я звонила сегодня по поводу работы.

– Ах да, щюстрый девушка, как же, как же! Прахадите, прахадите! – мужчина выкатился из-за стола как колобок на коротких ножках, подкатился к Даше и, взяв ее за руки, усадил на стул, а потом вернулся на свое место. Ладони у него были потные и холодные, лицо со сталинскими усами пухлое и смуглое, черные быстрые глаза и круглая лысина на голове в обрамлении еще не седых волос. – Меня зовут Антон Леонович. А вас?

– Дарья. Даша, – она немного помедлила с ответом, сообщая, представиться ли полным именем, но все же решила обойтись без отчества. Она немного удивилась странному сочетанию имени и отчества, совершенно не подходящему мужчине, но вида не подала.

Антон Леонович принялся рассказывать Даше о своем семейном бизнесе, кафе, жене Лейле, о том, как трудно им приходится и какие нерадивые нынче работники. Даша слушала, кивала и теребила пальцами ручки от сумки. Несмотря на сильный акцент, Антон говорил много, быстро и не всегда по делу, то и дело усмехался в усы, но именно это его качество странным образом располагало к себе. Мало-помалу Дашина нервозность отступила, она даже забыла, что пришла устраиваться на работу, и вот уже она внимательно слушала, стараясь запомнить, что ей нужно сделать в ближайшие дни. Видимо, положение у Антона и впрямь было катастрофическое, раз он рискнул не медлить и велел выходить на работу прямо завтра с утра.

Даша выпорхнула на улицу с улыбкой на губах и чудесным предчувствием каких-то удивительных и приятных происшествий. Такого с ней не бывало уже несколько месяцев. Боясь спугнуть это редкое ощущение покоя и радости жизни, Даша некоторое время постояла на крыльце, припоминая подробности разговора, а затем решительным шагом направилась в здание вокзала. Там она в киоске купила новенькую, пахнущую типографской краской трудовую книжку, с некоторым трепетом полистала страницы, бережно убрала в сумку, снова вышла на улицу и направилась к остановке.

Автобус, дребезжа и неловко подпрыгивая на кочках, вез Дашу через весь город. Потянулись старые хрущевки, новые девятиэтажки, помпезные банки, красочные кафе и дорогие

бутики. Даша вышла на остановке рядом с поликлиникой, с удивлением отметив, что старое здание отремонтировали и теперь поликлиника гордо сияла стеклом и сайдингом.

Даша вошла внутрь, замерзшими пальцами неловко натянула бахилы на ботинки, покрутила головой и двинулась к высокой стойке за стеклянными окошками с надписью «Регистратура». Отстояла небольшую очередь и, почти просунув голову в маленькое окошко, сказала сидевшей за столом женщине в белом халате:

– Здравствуйте. Мне нужно медкомиссию пройти для санитарной книжки.

– Две тысячи.

– Что две тысячи? – не поняла Даша.

– Комиссия платная. Две тысячи стоит. Оплатите в кассу, чек потом покажете на работе, вам компенсируют. Приходите в любой день с санкнижкой, паспортом и фотографией три на четыре, к восьми утра, оплачиваете, потом ко мне, я вам напишу врачей и кабинеты.

– Это за один день можно успеть? И записываться не надо?

– Успеете, если народу будет не много. Без записи, по живой очереди. И натошак обязательно, надо будет сдавать кровь.

– Ага, понятно. Спасибо! А книжку эту где взять?

– А книжку купите в центре гигиены. И потом еще надо будет пройти обучение.

– Спасибо, – поблагодарила Даша еще раз и отошла от окошка.

Опять деньги. Где их взять? Те, что она успела снять с маминой карточки, прежде чем ее заблокировал банк, уже подходили к концу, хотя она тратила их очень экономно. Даша покупала только самые необходимые продукты, практически не позволяла себе мяса, а уж об одежде, косметике и средствах гигиены речи не шло. Но «мыльно-рыльное» как любила выражаться Дашина мама, уже подходило к концу и недалек был тот день, когда даже постирать станет нечем.

Даша уселась на лавочку в холле, достала телефон и нашла на карте центр гигиены. Но прежде надо сфотографироваться.

Глава 15

Время полетело быстро и незаметно. Даша приходила в кафе к десяти и практически сразу же погружалась в рабочую суету. В трудовую книжку ей сделали первую запись, где значилось «официант», но на самом деле она занималась практически всем: помогала поварам нарезать хлеб, сдвигала столы в линию для свадеб или поминок, перестилала скатерти, подменяла Полину на кассе, когда она ушла на больничный с ребенком, обслуживала клиентов за столиками, на торжествах разносила горячее, убирала мусор со столов, ловко уворачиваясь от назойливых поглаживаний разгоряченных захмелевших гостей, а после оставалась, чтобы приве-

сти зал в порядок и перемыть вручную горы посуды. Посудомоечных автоматов в «Медее» числилось аж два, но по факту в чистой мойке один из них стоял сломанный уже полгода, и похоже, что Антон и не собирался вызывать техников. Поэтому Даша сперва натягивала высокие до локтей резиновые перчатки и загружала машину в грязной мойке жирными кастрюлями, сковородами и противнями, потом вооружалась губкой и принималась отмыывать до блеска фужеры на тонких ножках, менажницы, салатники и бесконечные одинаковые белые тарелки. Заканчивала работу она к часу ночи, примерно через час после того, как расходились последние «ну давай на посошок» гости со свадеб, а потом Антон на своем минивэне развозил по домам весь небольшой персонал «Медей». О том, что существуют нормы рабочего времени и доплаты за переработки Даша не знала, и ей и в голову не приходило спросить. Антон в специальном журнале каждый день рисовал цифры отработанных часов, а Даша радовалась, что ей не придется проводить дома мучительные минуты в одиночестве, а можно сразу упасть на кровать без сил и ни о чем не думать до следующего рабочего утра.

С поварами и другим персоналом Даша поддерживала приятельские отношения и не более того. Она ни с кем не пыталась сблизиться и никого не подпускала к себе в душу, не рассказывала подробностей личной жизни и не участвовала в бессмысленной трескотне на бытовые темы, которые из раза в раз заканчивались обсуждением мужиков или зна-

КОМЫХ.

Так один день сменял другой и первая неделя пролетела незаметно. За утром наступал день, потом и шумный вечер. Открывалась и закрывалась дверь, и в кафе залетали снежинки, клубился морозный пар, лился пронзительный солнечный свет – свет надежды, окаймленный сверкающими искрами снега. За скрипучей дверью с колокольчиком жизнь продолжала кипеть и эта суэта дарила надежду и радость как никогда прежде.

Однажды дверь открылась и в кафе вошла Любава. Даша, которая в это время вытирала тряпкой клеенку на столе, даже не сразу ее заметила.

– Дашка!

Любава выглядела возбужденной, подбежала к Даше и бесцеремонно заключила ее в объятия.

– Ты почему не звонишь, не пишешь? Абонент не доступен, как ни наберу! Мне окольными путями пришлось выяснять, где ты теперь обретаешься целыми днями!

– Так нам нельзя на работе телефоном пользоваться! Да и что звонить-то? У меня ничего не происходит, каждый день одно и то же.

– Ну ничего себе! Пропала и я знать не знаю, где и ты и с кем! Давай что ли сядем, поговорим!

Даша оглянулась назад, на кухню за стойкой раздачи и сказала:

– Люб, мне нельзя. Антон увидит, оштрафует. Давай луч-

ше я к тебе в выходной заеду, а?

– Эх ты..., – Любава укоризненно покачала головой, – ладно, короче. Я же пришла-то. У меня предки решили свалить на новый год к бабушке. Старушка разнылась, что ее все позабыли-позабросили, она совсем одна и у нее давление. Ну, знаешь, как они манипулируют. Еще и меня хотели утащить, еле отбрехала! Короче, они поедут к бабушке, где тихо и по-семейному посидят. Иииии...

– И?

– И вся квартира на новый год в нашем распоряжении! Ты не представляешь, чего мне стоило их уломать, но, в общем, они разрешили собраться нам со всеми и хорошенько отметить! Я уже всех позвала: Сашку, Димедрола с Юлькой. Девочки еще с моей группы будут: Жанна, Олеся и Катя.

На этих словах Любава схватила Дашу за плечи и немного потрясла. Глаза ее сверкали из-под длинных ресниц.

– Ну?

– Что ну, блин?! Приходи, говорю, тридцать первого новый год отмечать! Или тебе уже есть с кем справлять?

– Да нет, я вообще одна дома хотела...

– Дура что ли? Че как бабка старая? Давай к нам, весело будет!

– Ну ладно, – улыбнулась Даша, – приду. А что надо купить?

– Да давай мы с собой спишемся попозже и решим. Только ты телефон включи, будь добренькой!

– Спасибо, Люб! – Даша обняла подругу в внезапном порыве нахлынувших чувств. – Что бы я без тебя делала? – Тут она оглянулась на двух угрюмых парней, занявших крайний от входа столик и выжидающе глядящих на них. – Извини, мне работать надо, а то взбучку получу.

– Давай, работяга! – и Любава упорхнула так же быстро, как и появилась, только уже в дверях оглянуться и погрозила пальцем, – Я жду звонка!

Дом показался внезапно – только что его не было, а в следующее мгновение он вдруг вынырнул из-за других, как близнецы похожих домов, – основательный, трехэтажный, покрытый грязно-желтой старой краской, весь в паутине витиеватых трещин. И хотя Даша сотни раз ходила этим маршрутом, она чуть не проскочила мимо, погруженная в свои мысли.

Она не ожидала, что это будет так трудно – отстоять свой законный выходной в новогоднюю ночь. Антон топал ногами, воздевал короткие пухлые руки к небу и кричал: «Самый жирный ночь в году! Самый жирный! И как мы без тебя должны справляться, а?!», но Даша была непреклонна. В конце-концов ее выручила Татьяна. Она отчаянно нуждалась в деньгах и согласилась выйти обслужить гостей за двойную оплату. Но даже при этом она не собиралась убирать разгром после празднования, и Даша клятвенно всех заверила, что придет утром первого числа наводить порядок и мыть посу-

ду.

Опустив тяжелый пакет на бетонное крыльцо, Даша с облегчением растерла побелевшие пальцы, расправила плечи и позвонила в домофон, и внезапно легко взбежала на третий этаж. Чтобы раздеться, ей пришлось протискиваться между горой курток, чрезмерно навешанных в прихожей, и кучей сумок с едой на полу. Она бухнула свой пакет рядом, а тяжелая металлическая дверь с громким стуком закрылась за ней.

Все уже были в сборе. Люба возилась на кухне, а Сашка переносил компьютер в большую комнату. «Делаю нам музыку!», – крикнул он Даше вместо приветствия. Свет в прихожей не горел, поэтому Даша стояла и ждала, пока ее ослепленные искрящимся снегом глаза привыкнут к полумраку, и только потом увидела все сразу – старый советский раскладной стол, расправивший крылья в ожидании пиршества, высокую, в потолок, идеально ровную, искусственную елку с красными и золотыми шарами. Разномастные стулья вокруг стола. Сверкающий дождик в дверных проемах. Снующих по квартире девчонок.

– Ну вот, – сказал Сашка, поднимаясь на ноги и включая компьютер, – теперь у нас будет нормальная музыка, а не хор голодных кошек по голубому огоньку, – и оглянулся на Дашу.

На лице у него была совершенно неожиданная, торжествующая, гордая улыбка. Даша смотрела, как он улыбается и

неожиданно вспомнила тот день, когда впервые увидела его. Тогда, первого сентября, Сашка умудрился опоздать на самую первую лекцию в их новой студенческой жизни, и, вихрем влетев в аудиторию, сначала шлепнулся на скамейку рядом с Дашей и только потом спросил: «Можно?» и улыбнулся. И на лице у него было торжествующее и гордое выражение. Такое же, как сейчас. И поэтому Даша сделала шаг ему навстречу и заставила себя улыбнуться. Она еще не знала, что сегодняшняя ночь разобьет ее мирок на множество мелких осколков.

А потом они носили пакеты из прихожей в кухню, раскладывая продукты по столу и холодильнику, чистили и резали заранее отваренные овощи, включали духовку, «Люб, я не знаю, как ей пользоваться», – кричала растерянная Катя, нарезали хлеб, колбасу, сыр и фрукты, носили тарелки на укрытый кипенно-белой скатертью стол и нитки дождика плясали в воздухе, тревожимые снующими туда-сюда девочками, впуская и выпуская их из комнаты. Сашка наконец-то включил музыку, а потом почти все ушли курить на балкон, и они остались одни – Даша и Любава, и сразу словно стало пусто и тихо, хотя в соседней комнате гремел «Skillet». Было заметно, что Любава собирается с духом, чтобы что-то сказать, что должно быть очень важно, и Даша настороженно смотрела ей в глаза. Она смотрела, не могла солгать этим глазам, молчала, тонула. Но потом захлопала балконная дверь, впуская ребят одного за другим, а вместе с ними

терпкий табачный аромат, и Любава так ничего и не успела сказать. Вместо этого она вытащила из холодильника бутылку шампанского и пузатые пластиковые полторашки с пивом и понесла к столу.

Они слушали музыку и хохотали, пили пиво, раскладывали салаты по тонким изящным тарелкам, телевизор в углу беззвучно пестрел яркими картинками, и лишь когда на экране появился президент, убавили громкость и включили звук.

– Так, слушаем все! Отэц родной нам будет бухтеть, какой тяжелый был год! – сказал Сашка, откупоривая пробку у бутылки шампанского и протягивая ее вперед требовательным движением. Пробка не выстрелила, а лишь негромко хлопнула, выпуская белый дымок. Все подставили бокалы, один за другим, под тугую пенную струю, льющуюся из горлышка. Разливал он с размахом, расплескивая капли на скатерть.

– Денег нет, но вы держитесь! – хохотнул Димидрол, вторя речам президента.

– Ну! С новым годом! – произнесла Люба и оглядела гостей. В этот момент комната наполнилась чарующими, волшебными звуками курантов, от которых у Даши всегда замирало сердце. Когда часы пробили последний, двенадцатый раз, она закричала вместе со всеми «С новым годом!», заглянула внутрь своего бокала, потом зажмурилась и выпила его залпом. Подняв глаза на Любу, она увидела, что та до сих пор даже не пригубила.

– А ты что же не пьешь? – спросила Даша и едва выдержала внезапно серьезный пристальный взгляд.

– Не люблю шампанское. Даже запах не переношу, – скривилась Люба и отставила бокал.

В ушах у Даши моментально зашумело, щеки сделались красными и она не рискнула больше пить. Три часа пролетели незаметно. Звук на телевизоре снова выключили. Оказалось, что девчонки приготовили «культурную программу», как они выразились, сплошь состоящую из пошловатых, но смешных конкурсов, и Даше пришлось танцевать с шариком между ног, потом с тем же шариком между двумя партнерами, попадать карандашом, висящем между ног на ниточке, в бутылку. Насмеявшись, все устали, уселись за стол, снова разлили пива.

– Ой! Окорочка же! – внезапно воскликнула Люба, подскочила и убежала на кухню, Олеся встала и пошла следом. Где-то в коридоре хлопнула дверь. Юлька и Димедрол, обнимаясь и уже слегка пошатываясь, ввалились в комнату и плюхнулись на стулья. Жанна с Катей принялись обсуждать предстоящую поездку за границу. И только Сашка не принимал участия в разговорах. А потом его нога прикоснулось к Дашиному бедру. Глаза его не отрывались от телефона, палец скользил по экрану, а колено льнуло к Даше. Помертвев, она оцепенела. За столом четверо ребят весело смеялись, громко разговаривали, перебивая друг друга, бубнил телевизор. Поначалу она решила, что это случайность, что

Сашка принимает ее ногу за ножку стола, ждала, что он вот-вот заметит, отодвинется и пробормочет «Извини», но его колено по прежнему прижималось к Даше.

Заслоненный столом, Сашка опустил руку и мягко, опасно погладил ее колено – так гладят собаку, которая может взбеситься и укусить. Она не кусалась. Не шевелилась. Даже не дышала. Он продолжать читать что-то в смартфоне, поглаживая ногу свободной рукой, и ее разум ускользнул. Он парил под потолком, и она видела себя сверху: сутулые плечи, отрешенный взгляд, давно не крашенные волосы.

А потом в комнату вошли Любава и Олеся, неся на вытянутых руках тарелки с дымящимися картошкой и окорочками. Сашка отодвинулся. Кожа на колене – там, откуда он убрал свою руку, – похолодела, в комнате все пришло в движение и еще больший шум: девочки поднялись, чтобы помочь втиснуть тарелки на и без того заставленный стол, Димедрол уже приготовился накладывать. И никто не знал, что случилось прямо перед ними.

– О, горячее подоспело! – воскликнул Сашка и поднялся.

Люба ушла спать первая. Она за всю ночь так и не выпила ни грамма и со стороны казалось, что ей в тягость все это веселье, только она тщательно это скрывает. Спустя еще час Димидрол завалился прямо на диване, как был, в джинсах и футболке, по-детски подложив под щеку обе ладони. Рядом с ним, кое-как уместившись с краю, на автопилоте пристроилась Юлька и внезапно зычно и громко захрапела.

Олеся с Катей были не такие пьяные и предложили убраться за собой. Даша встала у раковины и привычными, быстрыми движениями соскребала объедки в ведро, мыла посуду, которую девочки приносили из комнаты, а Сашка убирал по местам стулья. Когда с уборкой было покончено, девчонки хихикая, удалились в пустую родительскую спальню

Даша упустила момент, когда Сашка скрылся в комнате Любавы и дверь за ним закрылась. Она подумала, что это даже хорошо, что она так устала: мысли текли медленно и лениво, и то, что любимый ушел спать с лучшей подругой, вдруг перестало ее беспокоить, и несмотря на странное его поведение сегодня вечером, она вдруг отчетливо поняла: ей нужно оставить этот любовный треугольник.

Даша взяла свою сумку и потихоньку прошла в ванную. Даже когда мама была жива, они не запирали двери на защелки, а уж одна Даша и вовсе не имела такой привычки, поэтому дверь просто прикрыла. Там она с облегчением стянула надоевшие за день джинсы, тесную рубашку и бюстгальтер, натянула просторную домашнюю футболку и долго и тщательно мылом и холодной водой смывала макияж. А когда она подняла глаза, то увидела в зеркале Сашку.

Даша вздрогнула и резко обернулась. Кровь хлестнула ей в лицо. От страха она не могла ничего сказать и только глубоко дышала.

– Извини, не хотел пугать.

Он подошел, положил ладони на талию. Его глаза – мед-

ленный, нежный, теплый, все обволакивающий яд.

– Сашка, ты что, дурак? Ты что?!

– Я ведь вижу, как ты на меня смотришь. Думаешь, не понимаю?

Даша хотела что-то сказать и не могла. Не могла солгать этим глазам. Она молчала, тонула...

– Но... Любава?

– Не увидит. Спит она. Крепким сном беспробудным спит.

– Но как же так... это не правильно...

– Тссс, – приложил палец к ее губам, заставляя молчать, – К черту все! Думаю, тебе понравится, что сейчас будет, – шепнул ей в самое ухо Сашка. Он медленно, медленно, все глубже вонзая в сердце острую, сладкую иглу – прижался плечом, рукою, весь. Она отодвинулась и уперлась спиной в стиральную машинку – больше путей к отступлению не было. Даша не двигалась. Сашка поднял руку и накрыл шею ладонью. Спустился ниже к предплечью, к рукам, к линиям жизни, рассматривая их, проводя подушечками пальцев. Дашка обжигалась об эти прикосновения, страшась мысли, что все это ненастоящее. Что все пройдет, развеется как горький дым, станет чужим. Хотя оно и было чужим...

Она подняла руку и пробежала подушечками пальцев по его лицу. Ее коробило, просто разрывало на части. Она вторглась на территорию, которая ей не принадлежит. Она отнимала у подруги самое ценное, хотя та об этом даже не

подозревала. Она крала. Через мучительное мгновение нерешительности они переступили границу. Рубеж дозволенного, после которого назад никак. Только с поднятым белым флагом в душе.

Дашка целовала его так, будто хотела выпить до дна. Она обнимала его, словно собиралась запечатлеть в памяти каждый сантиметр кожи, каждый атом заполучить в единоличное пользование. Он, плененный этой неожиданной близостью, шел навстречу, трогая губами каждый сантиметр ее кожи.

Звякнула пряжка его ремня, потом его руки оказались под футболкой.

– Подожди, подожди, – зашептала Даша. Слышно было как за стенкой соседи фальшиво орут «Ой, мороз, мороз», – Нас услышат, обязательно услышат.

– Плевать, малыш, я хочу тебя, – и он закрыл Даше рот рукой.

Рассудок отключился. И больше ни одного слова. Только дыхание, и то, что даже вспоминать больно. Закрутило – не выплывешь...

А потом все закончилось. Он оторвался от нее, на цыпочках перелез в ванную, зашумел водой.

Дашка села прямо на пол, не зная, что дальше сказать. Что делать? Как жить теперь? Как дышать, если без него даже дышать невозможно? И как смотреть в глаза подруге? Подруге ли?

Время тянулось бесконечно. Наконец Сашка вылез из ванной и наспех вытерся и натянул джинсы. Какой-то злой, виноватый. Тихо, с кривой ухмылкой произнес:

– Ну-с, падший ангел. Мы ведь теперь погибли. Нет, не боишься? Хотя все еще можно исправить. Оставить все как было. Я думаю, что это было ошибкой. Тебе стоит сейчас пойти домой... Уходи, ну!

Медленно, словно в немом кино, Дашка поднялась с пола.

– Хорошо. Я уйду. Я больше не буду вам мешать, – хрипло прошептала она. Так же медленно оделась, покидала в сумку вещи. На работу. Ей надо на работу. Забыться там, отвлечься. Глядишь, и боль отступит.

Уже в пороге, одетая, она обернулась на Сашку и прошептала:

– Саш, а ты знаешь, что такое смерть?

Сашка молча подошел к ней и вскинул удивленно брови. Даша обожглась об этот странный взгляд, но все же сказала:

– Смерть, Саша, это когда я смотрю вокруг и не вижу тебя. Вот такая она, смерть. Страшная. Без твоих глаз.

И она не стала слушать, ответит ли пораженный Сашка что-нибудь, повернулась и вышла. Она медленно шла по высоким ступенькам вниз. Третий этаж, без лифта. То, что вчера осталось незамеченным, сегодня бросалось в глаза, кричало, просило о помощи, как и ее раненое сердце: облупившаяся краска крутых, натертых до бурого блеска множеством рук перил, грязные надписи на стенах в кружевах трещинок,

жестяная банка из-под кофе на подоконнике, а в ней месиво из бычков и пепла.

Даша покидала дом, где восемь человек, тех, кого она считала друзьями и просто приятелями, остались спать, чтобы потом продолжить жить своей жизнью. Их ждали каникулы, любящие родные, встречи с друзьями и потом снова пары, домашки, коллоквиумы. Они остались прежними, но Даша изменилась. Она теперь не была человеком. Она стала беспредельна. Пока они, обычные и приземленные, спали после литров выпивки, она парила, оставляя позади удушливо-тяжелый шлейф предательства. Она больше не была собой, она была никем. Абсолютной пустотой.

Она вышла из подъезда и зашагала по усыпанным обрывками золотой бумаги и конфетти тропинкам. Кое-где еще горланила песни изрядно напившаяся молодежь, время от времени слышались выстрелы дешевых фейерверков, а потом небо над крышами озарялось яркими цветными вспышками. Даша шла домой, где ее никто не ждал.

На одном из поворотов парковых дорожек в тонкой, не по погоде, и грязной одежде стояла уже знакомая Даше старуха. На ее безобразном лице застыла кривая ухмылка и она махнула, подзывая, Даше рукой, похожей на птичью лапку.

У Даши потемнело в глазах, она огляделась по сторонам и не заметила и тени страха или удивления на лицах гуляющих людей. «Значит, они не видят ее, а я схожу с ума», – в который раз подумала Даша.

Она не помнила, как добралась до дома, как переходила с шага на бег, как колело в боку и сбивалось дыхание, как заходила в подъезд и поднималась на третий этаж. В себя она пришла уже дома, сидя в большом плюшевом кресле. Ее еще трясло, но мысли становились уже более отчетливыми. С трудом убедив себя, что ей показалось, разделась, закуталась в одею и уснула.

Глава 16

Впервые за долгое время Даша проснулась от того, что выспалась. Она лежала на спине и смотрела, как в незашторенном окне машет голыми ветвями старая береза.

Нащупала телефон под подушкой. Шесть! Шесть пропущенных вызовов! Пять от Антона и один от Любовы. И ни одного от Сашки. Сердце противно ухнуло куда-то вниз, в желудок, вязким киселем стекая по ребрам.

Люба узнала? Или не узнала? Сашка сказал? Или сама догадалась?

Эти мысли пронеслись в ее голове буквально за одну секунду, прежде, чем телефон в руках завибрировал и на экране засветилась фотография улыбающейся Любы. Даша колебалась недолго: буквально пару секунд и смахнула “Ответить”. Поднесла телефон к уху, боясь вымолвить хоть слово. Лучше прежде послушать, что скажет Люба.

– Даша! Алло, Даш, ты меня слышишь?

– Слышу...

– Ты что, спишь что ли? Что с твоим голосом?

– Ничего. Спала.

– Слушай, ты куда делась ночью? Я просыпаюсь, а тебя нет. Убежала, даже ничего не сказала мне!

– Люб, мне на работу надо. Дневную смену поставили сегодня. Антон придурок решил, что нам просто необходимо работать первого числа, хорошо хоть с обеда.

– Бедняга... что ж ты не говорила, что тебе на работу? Могла бы не сидеть с нами всю ночь, а лечь пораньше... Ладно, послушай, ты во сколько вернешься? Я приеду вечером? Мне тебе надо кое-что рассказать!

– Конечно... приезжай. Ты одна будешь?

– Одна, одна. Ладно, вечером буду, жди. Я позвоню еще.

Даша отшвырнула телефон в сторону и откинулась на подушку. Что же, по крайней мере, ей стало ясно, что Люба похоже ничего не знает. Или знает, но старательно держится. Какой разговор ждет ее сегодня? К чему готовиться?

Теперь, после того, что случилось новогодней ночью, из Дашиного чувства вины между ними вырос невидимый кордон. Даша старательно отгораживалась им от подруги, которую сама же и предала и растоптала.

С этими невеселыми мыслями она поплелась на кухню, поставила турку на плиту. Кофе, соль, корица. Этот рецепт она подсмотрела у Любы давным-давно и с тех пор пила кофе только так.

Пока электроплита медленно нагревалась, она плеснула в лицо холодной водой в бесплодной попытке смыть следы

похмелья. Выпитое шампанское маленькими молоточками противно тукало в висках.

Трясушимися руками она снова взяла сотовый и принялась набирать номер Антона, тыча в кнопки так быстро, что ошиблась и пришлось набирать заново.

– Антон Леонович, это Даша.

– Даша, да тебя как до смольнава, ни дазваниться! Пачиму трубку ни бирешь, да? – прозвенел на том конце слегка недовольный голос начальника. Даша даже невольно улыбнулась, представив, как смешно морщит лоб этот толстый армянин на коротких ножках.

– С новым годом, Антон Леонович! Рано же еще!

– С новим годом, Дашенька! Я хотель убидиться, что ты придешь на работу! А то вдруг ты очень харашо праздновала, да?

– Нет-нет. Что вы! Обязательно приду, к двум часам, как обещала! – сказала она.

– Давай, Дашенька, ни опаздывай! Работать абизательно сиводня, народ придет похмилиться, да?

– Да-да, до свидания.

Даша нажала отбой, посмотрела на часы – начало двенадцатого. Вроде бы и тут все хорошо, но на душе было так беспокойно, словно что-то нехорошее должно случиться. От тишины в квартире ей стало жутко. Огляделась во круг – неужели снова сейчас увидит в каком-нибудь углу эту странную старую женщину в лохмотьях – бесплотный при-

зрак или плод ее воображения? Ей кажется или действительно, каждый раз, когда она появлялась, происходило что-то плохое? Вся мебель в квартире будто вытянулась, привсталала на цыпочки в тревожном ожидании. Она слышала как стучит ее сердце, слышала, как где-то в трубах гудела вода, сквозняк исподтишка шевелил кухонные занавески, но не было слышно привычных соседских выкриков, хлопанья подъездной двери, тьяканья мелкой собаки из квартиры напротив. Спали все. Наверное просто потому, что она бестолково стояла посреди кухни, ей казалось – нужно действовать. Нужно заглушить расползающийся могильный холод в груди.

Она налила кофе в большую кружку с отбитым краешком и стершимся от временем рисунком коровы – уже и забыла, кто дарил ей ее на новый год много лет назад, открыла холодильник, в некотором замешательстве оглядела пустые полки и хлопнула дверцей. На работе поест. В шкафу нашла мешочек с квадратными печеньками «к кофе» – мамины любимые, она по привычке продолжала их покупать, сама не осознавая почему. Хотела высыпать печенье на тарелку, но отчего-то вдруг передумала, так и понесла в спальню прямо в пакете. Включила компьютер, открыла «Вконтакте» и выкрутила на полную громкость колонки – пусть «Scorpions» плачут так, как плачет ее сердце. Бездумно, совершенно не читая, прокручивала ленту, качала и баюкала свою душевную боль.

Она представляла, как вечером придет Любава, как

сбрызнет ее смехом, как будут лучиться ее счастливые в неведении глаза, как она будет беспечно болтать о всякой ерунде. Что же она хочет сообщить ей, очень важное, и непременно счастливое, раз позвонила утром первого января? Даша представила, как снова натянет свою маску, как будет улыбаться в ответ, как будет говорить что угодно, лишь бы Люба ей поверила. Сейчас, в эту минуту она поняла, что не позволит Любе узнать о том, случилось прошлой ночью между ней и Сашкой. Она представила, как будет врать, и ложь, вырываясь, обожжет ей горло, а может это будут слезы, с которыми она столько боролась. Плачь, Даша. Сейчас, пока никто не видит, можно.

Вспомнила Сашкины слегка прохладные руки на своих бедрах, вспомнила как прижималась губами к его шее в том месте, где заканчивался ворот футболки, как пульсировала на шее теплая жилка, как изо всех сил вдохнула и закрыла глаза, и как показалось ей, что это именно то место, где так хорошо и спокойно, где она и должна быть, и то, каким мимолетным было это ощущение. Вспомнила, какими холодными и колючими стали Сашкины глаза после и ей захотелось кричать. Она скорчилась на стуле, кулаком зажимала рот, а из горла рвался вой. Жуткий, нечеловеческий. «Дура! Какая же ты дура! Воспользовался! Он просто воспользовался тобой! Не любит он тебя, не любит! Женится на Любаве, а ты так и останешься ни с чем...»

Она безмолвно кричала всем существом, всем телом, каж-

дой клеточкой. Нет, Даша, не твой он! Не твой!

Сколько она так просидела, взобравшись с ногами на стул и уткнув подбородок в колени, обхватив руками теплую щербатую кружку? Полчаса, час? Какая-то ее часть занемела от отчаяния, словно она лабораторная крыса, которая во время эксперимента потеряла всякую надежду и улеглась на пол умирать от голода. Другая часть лихорадочно гоняла мысли по кругу.

Перед ней теперь стояли две проблемы. И если с Сашкой все было слишком очевидно, то на другой вопрос у нее ответа не было. Может ей пора к психиатру? Почему последние месяцы она так часто видит ее? Почему слышит за собой ее плоские, будто хлюпающие по лужам шаги? Впереди, сбоку, сзади, серо-коричневая двухмерная тень: через нее все проходят, на нее наступают, ее никто не видит, но она все так же неизменно здесь, рядом, привязанная незримой пуповиной.

Мама учила быть сильной, смелой. Несгибаемой. Учила стойко держать удары судьбы. «Где же ты сейчас, мамочка? Зачем умерла так рано, зачем бросила меня одну? Как мне тебя не хватает... Я скучаю, мама... Ты бы обняла, успокоила, выслушала недосказанные слова, вытерла слезы. Ты бы сказала, что все беды от мужиков. Сказала бы, что я сама могу справиться со всем...» Так почему же она ничего не делает, а просто молча ждет, пока остальные все решат за нее? С каких пор она сделалась такой пассивной? Откуда взялась в ней эта коровья терпеливая покорность?

Нет, нужно разобраться с этой тенью, раз и навсегда. Может и не стоит ее бояться, пойти навстречу, может она зовет зачем-то?

Даша вытерла ладошкой слезы, отнесла кружку на кухню и еще раз умылась. Замазала пудрой опухший нос, синяки под глазами, накрасила ресницы тушью. Натянула дежурные джинсы, кинула в сумку телефон, помедлив секунду – батарейка садилась, но если не пользоваться днем, то до вечера протянет, выключила компьютер. Оделась и, с трудом узнав себя в уставшей, с жесткими глазами женщине в зеркале, сказала своему отражению: «Я больше не разрешу себе плакать.»

Свежий морозный воздух воздух бодрил не хуже кофе. Тихий, заснеженный, залитый полуденным солнцем город постепенно просыпался. Кое-где зевали, прикрыв варежкой рот, заспанные собачники. По обеим от дороги сторонам стелились широкие улицы, пустые и грязные. Они были усыпаны бесчисленными новогодними блестками, конфетти, фальшивыми деньгами из хлопушек.

Даша не спешила. Она медленно брела к кафе, осторожно ступая по тонкой корочке льда на асфальте. Гололед.

Официанткой в кафе у Антона она проработала всего неделю, не успев еще покрыться пленкой от липких взглядов, не разучившись краснеть от сальных фамильярных нежностей, но уже невзлюбила неудобные форменные юбочки, хохот, густые кухонные ароматы. Хотя сам Антон и жена его,

Лейла, ей очень нравились: непьющие, работающие, с добрыми лучистыми глазами.

Даша зябко поежилась, когда ветер швырнул ей в лицо пригоршню сухого колючего снега. Густые снежные облака закрыли солнце, вмиг стало темно и неуютно. Ветер погнал поземку и конфетти, крутил, сек по щекам. Дышать трудно. Стало как-то очень тихо. Даже редкие машины – и те словно перестали шуршать шинами. Появилось ощущение, будто время замедлилось и реальность вытягивается причудливыми формами. Казалось, воздух корчился от напряжения. Появилось ощущение чего-то отвратительно сладкого во рту и Даша даже не могла проглотить слюну. Так не раз уже бывало, перед тем, как она видела ее.

Даша остановилась на мгновение, чтобы оглядеться – и правда: по другую сторону улицы стояла безобразная старуха, сморщенная, как печеное яблоко. Далеко, так, что даже трудно разобрать, во что одета. Какие-то лохмотья. Они будто жили своей жизнью, парили в воздухе, не подчиняясь порывам злого ветра. Глаза впелись прямо в сердце. Цепко, глубоко. Губы ее шевелились, она как будто что-то говорила, и Даша поняла, что слова предназначены именно ей, хотя их нельзя было расслышать.

Липкий противный страх овладел Дашей и все, что она могла сделать – не закричать да повыше подтянуть сползающую с плеча сумку. Она замерла на миг, а потом, подчиняясь, шагнула навстречу. В этот раз ее тянуло, влекло неудер-

жимой силой, словно океанская волна затягивает на глубину маленького слабого человечка. Она видела только старуху, а весь остальной мир схлопнулся до размеров пульсирующей точки на краю сознания.

Шаг. Еще один один. Еще несколько осторожных шагов навстречу. Она шла, не думая, зачем, знала только, что ей надо туда, через дорогу, к ней. Почему-то в эту минуту ей было очень важно добраться наконец до старухи, перестать прятаться, может быть потрогать руками, поговорить, наконец, спросить, почему она ее преследует.

Даша не слышала пронзительного визга тормозов, не видела, как машину продолжает тащить по скользкой дороге, даже почти не почувствовала удара. Она нелепо вскинула руки вверх, потом ее развернуло и она отлетела вперед в сторону, прочертив головой красную полосу на грязно-серой корочке льда. Ее распахнутые глаза продолжали смотреть в ту сторону, где от призрачной старухи не осталось и следа. Словно ее и не было.

Боли тоже не было, словно она от удара выскочила из груди как упругий футбольный мяч и укатилась далеко-далеко.

– Твою мать, корова колобковая, куда прешь, придурочная?! – звонкий отчаянный выкрик водителя, безусого молодого парнишки, что выскочил из машины и уже подбежал к лежащей разломанной куклой посреди дороги Даше, взлетел в воздух, и растаял в густой, словно кисель тишине.

Чуть скосив взгляд, она попыталась повернуть голову, но

не смогла разглядеть ничего, кроме маленькой снежинки. Она немного покружилась в воздухе у нее перед глазами, приземлилась на щеку и растаяла. Из-под головы медленно расплзлась в стороны темная глянцевая лужица. Она уже не слышала воя сирены скорой помощи, не слышала встревоженных голосов вокруг себя, не видела их обладателей, только почувствовала, как ее переложили на носилки, которые слегка покачивались под торопливыми шагами невидимых людей, почувствовала толчок, когда их задвинули в машину и вместе с хлопком закрытых дверей прикрыла глаза, перед которыми плясали черные круги и какая-то неведомая бездна стала затягивать ее сознание, и она туда падала, падала, падала...

Глава 17

Непонятно, сколько прошло времени, когда темнота сменилась розовым свечением. Казалось, светилось все вокруг: стены, потолок, даже сам воздух напоминал розовую вату. Откуда-то издалека доносились незнакомые голоса, мелькали руки, с огромной высоты на Дашу смотрели чужие лица. Сфокусировать взгляд не получалось. После бесплодных попыток осознать себя, Даша снова провалилась в небытие.

Когда она очнулась снова, то увидела рядом с собой фигуру в голубом. Дашины глаза встретились с карими глазами медсестры, и в них она увидела сострадание.

– Давай, Даша, просыпайся, сколько можно спать! – ска-

зала она и, увидев, как Дашу скручивает спазм, быстро подставила таз, в который ее вырвало. Потом обтерла ей лицо влажной марлей и поправила одеяло. Рядом с кроватью на кронштейне вверх дном висели стеклянные бутылки с прозрачной жидкостью. От одной из них тянулась тонкая пластиковая трубочка к руке, где из-под пластыря торчала игла. Медсестра сняла почти пустую бутылочку, откупорила жестянку с новой и проткнула тугую резиновую пробку иглой.

– Я умру? – услышала Даша свой хриплый слабый голос.

– Нет, девочка, ты нас конечно напугала, но теперь уже все страшное позади. Ты обязательно поправишься. Отдыхай, поправляйся, набирайся сил.

Не ответив, Даша снова закрыла глаза и перед ней тотчас же возник образ мамы в ее последний день в онкодиспансере. Тогда Даша сидела у ее постели. А к ней никто не придет посидеть и подержать за руку. Не в силах смириться с горькой правдой, чувствуя себя одинокой и никому не нужной, она наглухо запечатала эту картинку в коробку воспоминаний, которую больше никогда не открывала.

Но она ошиблась.

Тетя Лена приходила к ней каждый день и подолгу сидела на постели, поглаживая обессиленную руку. Даша выглядела как доходяга: осунулась, похудела, кожа покрылась багровыми синяками. Немытые волосы свисали тонкими сосульками. Через неделю ей разрешили вставать. Она шаркала резиновыми тапочкам по коридору и гремела капельницей на

стыках плитки как Кентервильское привидение ядром.

Тетя Лена носила в больницу куриный бульон, печенье, фрукты и соки в тетрапаках и с каждым днем боль понемногу отступала, возвращался аппетит и Даша чувствовала себя немного лучше.

А через пару дней дверь палаты открылась и вошла санитарка, которая обычно носила передачи больным. Она остановилась в дверях, широко расставив толстые ноги, подняла кверху объемный пакет-майку, прочитала надпись на приколотовой к нему степлером бумажке.

– Орлова?

– Я.., – удивленно ответила со своего места Даша, не ожидая передачи ни от кого.

– Это тоже тебе, – произнесла санитарка, бухая пакет на пол рядом с тумбочкой, и протянула в другой руке маленький букетик из трех розовых розочек. – Так, а как же нам его...

Женщина оглядела палату.

– У кого-нибудь есть пустая бутылка?

– Вот, возьмите, – ответила Дашина соседка, протягивая пустую полторашку из-под минеральной воды, – хорошо не выбросила!

– Подожди, девонька, сейчас сделаем! – улыбнулась санитарка и лицо ее потеплело и стало по-матерински добрым. Она положила розы на тумбочку, взяла у женщины бутылку и вышла в коридор. Спустя пару минут вернулась, торже-

ствующе неся в руках обрезанную наполовину бутылку. Подошла к раковине, наполнила ее водой и погрузила розы в импровизированную вазу.

– Ну вот, гляди, красота какая! Поклонники! Эх, молодежь...

– Спасибо! – улыбнулась в ответ Даша, потянулась к пакету, надеясь хотя бы по почерку на бумаге определить, от кого пакет. Но фамилия была распечатана на принтере. Даша заглянула внутрь и увидела мешочки с мандаринами, яблоками, гранатами, упаковки сока, снежка и печенья.

Сначала Даша подумала, что это от Любавы, но подруга передавала ей наборы поскромнее и без цветов, да к тому же каждый день писала ей, спрашивала, что принести, рассказывала новости и всячески старалась подбодрить. Тогда Даша разрешила себе думать, что это Сашка позаботился о ней. Таких передачи было еще три, и каждый раз она недоумевала.

Даша провела в больнице уже две недели. Четырнадцать дней пелены боли от сломанных ребер, тошноты от сотрясения мозга, ничегонеделания, разглядывания потолочной плитки, бессчётных уколов и манипуляций, сна и желания, чтобы время шло быстрее.

В один из дней тетя аккуратно присела на краешек кровати, отчего та длинно и жалобно заскрипела.

– Я чувствую себя Алисой, падающей в кроличью нору, – сказала Даша, – со мной что-то происходит, но я не понимаю,

что.

– Я думаю, ты что-то поняла. – Сказала тетя, помолчав. – Ты не можешь выразить это, но ощущаешь. Ты всю жизнь ощущала, что наш мир не в порядке, странная мысль, но её не отогнать. Она – как заноза в мозгу. Она сводит с ума. Не даёт покоя. Понимаешь, о чём я говорю?

– О той женщине? Ты тоже ее видишь? Тетя, умоляю, скажи, что я не схожу с ума!

– Ты действительно хочешь узнать, что это?

– Я думала, что у меня галлюцинации от переживаний. Думала, мне пора к психиатру...

– Нет, Даша, не пора. Это проклятие нашего рода. Оно повсюду. Оно окружает нас. Даже сейчас оно с нами рядом. Ты ощущаешь ее, когда работаешь, учишься, встречаешься с друзьями. Проклятие, которое мы несем всю жизнь, чтобы искупить ошибку, – тетя Лена взяла Дашу за руку и лицо у нее было скорее печальное, чем встревоженное.

– Какую?

– Огромную, чудовищную ошибку твоей бабушки. Из-за этого ты только жертва, Даша. Как и я, как и твои мать и отец, и твой брат, Царствие им небесное, ты с рождения в цепях. С рождения под прицелом, и спуск курка не почувешь и не осознаешь. Этакая темница для разума. Увы, я не знаю, как от него избавиться... Но ты можешь попробовать сделать это сама. Но потом пути назад не будет, – тетя вдруг замолчала, словно слишком перед ней раскрылась.

Еще через неделю Дашу выписали. Теперь ее спина была неестественно прямая от стягивающего корсета, а на кухонном столе поселились упаковки ноотропных препаратов.

Даша ходила по квартире медленно, словно в немом кино. Чтобы хоть как-то переключиться с невеселых мыслей, она перестирывала одежду, которую в больницу приносила ей тетя, вытирала пыль с открытых полок. Подошла к подоконнику и осторожно потрогала пальцем засохший за три недели цветок. От прикосновения листок с сухим шорохом отломился и упал. Цветы умирают молча. Что же, наверное так даже лучше, все равно у нее не будет времени на уход за ними. Взяла горшок в руки и без сожаления вытряхнула цветок вместе с землей в мусорное ведро.

От неестественно громкой, пронзительной трели домофона она вздрогнула. Кто? Она никого не ждала сегодня. Она сняла трубку и услышала до боли знакомые голоса и смех:

– Открывай, медведь пришел! Это мы, болезная! – сказала на том конце Люба, подражая голосу Винни Пуха.

Через какое-то время дверь распахнулась и на пороге освещенного коридора стояли Любава и Сашка с немислимым количеством сумок в руках, шурясь в полумрак коридора. От них пахло морозной свежестью и еще чем-то сладким. Сашка сделал было движение навстречу, но они как-то неловко застыли в шаге друг от друга. И тогда Даша встала между ними и обняла их обоих.

– Как хорошо, что вы здесь. Мне было так одиноко, – ска-

зала она, уткнувшись в воротник Сашкиной куртки.

– Мы тебе продуктов купили. На первое время. Не стоит тебе сейчас по магазинам шараться и тяжести таскать.

Люба поставила покупки на пол и взяла ее за плечи и внимательно посмотрела в лицо.

– Дааа, подруга... тебе в кино можно сниматься.

– В фильме ужасов без грима, – засмеялась Даша.

Они понесли покупки на кухню – большие пластиковые пакеты, белые и хрустящие, словно накануне домашнего праздника. Сашка внес картонную коробку и там что-то звякнуло.

– Вы с ума сошли, ребят. Зачем столько?

– Тебе есть надо хорошо, восстанавливать силы. Что стоишь, даже чаю не предложишь?

Даша спохватилась, щелкнула кнопкой электрического чайника, и та отпрыгнула вверх – пусто. Тогда она налила воды и принялась шарить по шкафам в поисках чая. Но в шкафах были только пыль и крошки – после смерти мамы она провела месяц, свернувшись калачиком на диване, не готовила, не убиралась, не ходила в магазин, питалась остатками продуктов, которые сохранились еще с тех, хороших времен. А потом у нее не было ни времени, ни желания заниматься наведением порядка и закупками.

Люба и Сашка принялись выгружать провизию на стол, а Любава при этом оживленно, с горящими глазами говорила без остановки:

– Смотри. Тут картошка, я купила мытую, в вашей «Пятерочке» вся какая-то гнилая, крупы всякой полно, тебе обязательно надо каши есть, на молоке, вот молока пару литров взяли, чай вот с травами, ты же любишь такой, да? На вот курицу убери в холодильник, а мяса не было, я завтра докуплю, прямо с утра съезжу и докуплю, зато хлеб свежий, хрустящий, горячий еще!

Даша насыпала в заварник чай, залила булькающей водой, и по кухне разлился густой аромат чабреца и мяты. Разложила по тарелкам из хрустящего кортекса пирожные, политые густым шоколадным сиропом и протянула один Сашке, который немедленно схватил его, как будто все это время неотрывно следил за Дашей.

Их взгляды встретились. В его глазах она прочитала затаенную тревогу и смятение.

– Ну, – сказала Любава, когда все наконец разобрали и Даша принесла из спальни третий стул, чтобы они смогли усесться вокруг крошечного стола, упираясь друг в друга коленками, – теперь тост, – и притворно-торжественно подняла вверх кружку с чаем. – Я тебе еще в новый год рассказать хотела, но ты загремела в больницу, слава Богу, жива осталась, так что я решила отложить до лучших времен.

– И вот лучшие времена настали, – подал голос Сашка, не обращаясь ни к кому конкретно.

– Ты представляешь, Даша! – Любава сделала паузу и, притворно хлопая ресницами, взглянула на Сашу, – Саш,

скажи ты!

Он неопределенно мотнул головой, ковырнул ложечкой пирожное и опустил взгляд в тарелку:

– Не.

– Короче, Дашка! Мы поженимся! Ты наверное и сама догадывалась, что рано или поздно это случится, – она глупо хихикнула и ткнула Сашку локтем в бок, – Только блин.., – тут у Любавы рот скривился от досады, – оказывается в ЗАГСе очередь как перед концом света и нас записали аж на апрель... Но самое главное.., – тут она перевела дух, словно собираясь с силами, а потом выпалила, – у нас будет ребенок! Я беременна, прикинь!

Кровь хлестнула Даше в лицо. Что внутри нее обрушилось. Грудь теснило, душило, не было сил дышать.

Даша стиснула зубы, посмотрела в потолок, говоря себе: «Если они увидят твои слезы, то все поймут, им будет больно, и ты станешь для них проблемой.» Поэтому она не заплакала, а проглотила комок, хотя горло не желало смыкаться, посмотрела на друзей, когда-то самых близких, и улыбнулась:

– Круто! – Даша наклонилась вперед, насколько позволял корсет, поставила локти на стол. Надо развить тему, чтобы Люба ей поверила.

– Поздравляю, ребят! Я так рада.

Еще, еще. Ложь должна быть убедительной.

– Вам приходилось выкраивать время между учебой, что-

бы побыть вместе хоть час, а теперь сможете наслаждаться друг другом постоянно.

– Значит, ты не обижаешься на меня? Говорят, когда кто-то из подруг выходит замуж, то общения становится меньше, – спросила Люба, водя пальцем по столу, повторяя рисунок на клеенке.

– Обижаюсь ли я на лучшую подругу? Переживаю ли я, что мы станем реже видеться? – Даша покачала головой. – Нет. Я не обижаюсь. И совсем не переживаю. К тому же, мне теперь придется больше работать, когда закончится больничный, чтобы хоть как-то сводить концы с концами.

Ложь, вырываясь, обожигала ей горло. Она представила, как Люба стоит в зефирно-белом платье и слегка краснеет, надевая Сашке кольцо на палец, и ей захотелось кричать, а не улыбаться, как она это делала.

– Тогда я могу тебя попросить... – Люба покусывала губы и умолкла на пару секунд, прежде чем закончить фразу, – быть свидетельницей на нашей свадьбе? Ну пожалуйста!

Помогать Любаве облачиться в снежно-белое облако платья? Отдуться с выкупом и выполнением дурацких заданий? Подписать в ЗАГСе собственноручно приговор своей мечте? Ее захлестнуло удушливое чувство вины.

Она улыбнулась.

– Конечно, – ответила Даша.

Глава 18

Посреди ночи она проснулась. За окном было темно, где-

то вдалеке лаяла собака – это был успокаивающий звук, голос мирной жизни. Спать больше не хотелось совершенно и Даша встала, сунула ноги в розовые тапки с заячьими ушами – подарок мамы – и включила компьютер. Впилась глазами в экран – он был спасением в этом мире, удерживал, не давал сойти с ума.

Яндекс вывалил на нее огромное количество ссылок с историями, рецептами, статьями и мнениями. Свечи, зеркала, катания яиц, молитвы – каких только способов не предлагал интернет в борьбе с родовыми проклятиями. Тут же со всех сторон гадалки, экстрасенсы, магическая помощь. Даже по скайпу.

Даша на секунду отвела глаза от экрана. Снаружи по-прежнему была ночь, в черном окошке – квадратный кусок расшитого звездами неба, тихо и холодно. Очень холодно. Нужно встать со стула и натянуть колючий свитер с высоким горлом, но ноги не слушались. Небо вдруг сдвинулось с места, звезды сместились, оставляя хвостатые следы, черный квадрат окна надвинулся, увеличился в размерах, маленькая уютная комната вдруг исчезла и вокруг не осталось ничего. Даша закрыла глаза, но движение продолжалось, и темнота, и холод, не оставляющий надежды.

Огромным усилием она заставила себя вновь открыть глаза и посмотреть в россыпь букв на слепящем экране. «Стекает желчь, стекает тьма. Туда, откуда не вернется. То место – ему тюрьма. Никому на пути пусть беда не попадет». То

там, то тут встречались статьи, где было написано, что снять проклятье можно тем же способом, каким его и наложили. Или что оно потеряет свою силу, когда жертва закончит свой земной путь. Еще один способ гласил, что нужно сжечь дотла останки вместе с костями, принадлежащими человеку, чья извращенная адом душа превратилась в демона.

Она читала, читала, до рези в глазах, до первого солнечного луча, тугого и ровного, разогнавшего ночной морок. Но тогда почему же ей так беспокойно? Как будто она упустила что-то, не заметила что-то важное. Но чем дальше она мысленно углублялась в прошлое, тем больше воспомина-ния, истории, знаки складывались в узор.

Даша вдруг осознала, как же ей надоело просыпаться в холодной пустой постели, ничего не зная, ждать, когда ей снова померещится страшная спутница, чувствовать себя лишним, бесполезным балластом. И не ощущать ничего, кроме невыносимого одиночества.

– Что ж, ставки сделаны, – прошептала она, закрывая ладошками лицо. – Посмотрим, что скажет бабушка.

Жарко.

Зимняя ночь приняла в свои объятия и скрыла от глаз все то, что хочется скрыть. Недосказанные слова, невыплаканные слезы.

Электричка, покачивая, уносила её прочь от кареглазого счастья. Под перестук колес проносились мимо темные си-

луэты деревьев, огни и фонари бросали неровные отблески сквозь окно.

Душно.

Футболка в мокрых пятнах. Ни надежды, ни радости, ни света. Слез – и тех уже нет... И только одно слово: "Почему? Почему?" Да потому что так надо. Теперь она знала, что так было решено еще до ее рождения.

Горько.

Даша села, обняла руками колени, уткнулась лбом. "Тук-тук", – стучат колеса на стыках. "Тук-тук", – стучит сердце в такт. Болит. Пощады просит.

Тоскливо.

Еще недавно все было так просто и понятно. А теперь...

Она взяла телефон, пролистала свои недавние фотки. "Тогда еще ничего не было. Была мама. Были мечты, каникулы, речка... Было волшебное лето. Жара, оставляющая только самую суть, философские дебаты, маевки, костры и песни под гитару. Были друзьями Сашок и Любава. Был долговязый Эдик, что ухлестывал за ней с первого курса, были лекции, смех, прогулки... Как же хорошо было... Почему вся жизнь рухнула в один миг? Почему?" И вот эти воспоминания, острые, резали и кололи как заточенные финские ножи.

Придорожные фонари тянулись один за одним. Медленно, как в немом кино, возникали они из тумана, проплывали светящейся полосой мимо, и так же медленно таяли позади. Дорожное полотно с тонкими тускло поблескивающими

ниточками рельсов разматывалось под колесами и растворялось в темноте январской ночи.

Когда поезд подкатил к станции, Даша уже стояла в прокуренном тамбуре. Успеть бы – стоянка две минуты. Морозные елки на маленьком дверном окошке вспыхивали желтым. Все стекло затянуло узорами, так что сквозь него ничего не было видно. Поезд дернулся пару раз и затих. Проводница открыла дверь и спустила лесенку, выпуская Дашу в неуютную стылую темноту.

Здесь даже не вокзал – пустынная платформа. Но дорогу Даша прекрасно помнила – каждое лето она проводила здесь. Переход через замерзший ручей, а там за узкой полоской леса нахохлилась приземистыми домиками деревня. Прямо по центральной улице через пустые углы дворов и замершие до весны сады – бабушкин давно некрашенный дом.

Круглолицая луна танцевала в облаках, пока Даша шагала по узкой натопанной тропке. От быстрой ходьбы дыхание сбивалось, неровными толчками выпуская облачка пара, а хрустящий снег забивался в ботинки.

У покосившейся двери – старушка, в выцветшем трикотажном халате, с накинутой на плечи толстой мохнатой шалью, и трогательных валенках, вся сморщенная – и особенно рот: одни складки, сборки. Губы уже ушли внутрь, рот как-то зарос – и было совсем невероятно, чтобы она заговорила. И все же – заговорила.

– Я ждала тебя.

Даша порывисто обняла бабушку, вдохнула терпкий запах детства и счастья. Пахло печным дымом, хлебом, квашеной капустой и снегом. Бабушка похлопала Дашу рукой по спине, протянула ей старый лысый веник, чтобы стряхнуть налипший снег с ботинок, потом развернулась и зашла в дом.

Такой любимый и родной. В сенях желтый свет электрической лампочки. Под столом два желтых глаза – кошка. В кухне тикали советские еще голубые ходики с кукушкой и трещала печь, и три одинаковых кольца рыжели в темноте – под ними пламя вперемешку с углем, дровами, золой. По стенам луковые косы. У печи ведро и оттуда торчала ледяная глыба, посверкивая черными острыми краями.

Даша шагнула внутрь и ее обдало теплом. Протянула к печи озябшие ладошки и стояла так, не раздеваясь и с закрытыми глазами, несколько минут. Из ее жизни на какое-то время исчезнут давка в автобусах по утрам, суматошные дежурства у Антона, кофе с пенкой и капроновые колготки. А вместо этого будут дни, сотканые из одних запахов, наполненные уютным треском дров в печи и скрипом снега, окутанные морозным паром, и сердце у Даши замерло от остро-сладкого чувства счастья.

Она проведет здесь неделю или две, пока не заживут окончательно сломанные ребра, не перестанет кружиться голова. Она будет выходить по утрам на крыльцо, смотреть как занимается заря, а потом совать ноги в огромные смешные валенки, бежать по белоснежному ковру мимо маленьких око-

шек, украшенных замысловатыми узорами, мимо забора в причудливых снежных шапках, мимо елок, будто обсыпанных сахарной пудрой, в хлев; будет набирать полную охапку душистого колючего сена и целовать в пушистую морду старую бабушкину корову, будет ставить низенькую скамеечку, гладить набухшее теплое вымя и слушать, как упругие струи парного молока ударяются о стенки ведра – сначала звонко и весело, а потом тихо, будто шепотом – шурх, шурх, шурх.

А по вечерам бабушка будет гладить ее по волосам. Она будет улыбаться внучке глазами и милым, заросшим, с лучами-морщинками ртом. Бабушка заварит душистый мятный чай, достанет банку темного, почти черного смородинового варенья, напечет стопку толстых сладких блинов, положит сверху кусочек масла, и он покатится, поплывет и будет таять, таять... И Дашина решимость задать бабушке самые сложные вопросы будет таять, как этот кусочек масла.

Глава 19

Уже подходила к концу вторая неделя и надо было возвращаться в город, когда Даша решила наконец. Не спросить, нет, спросить язык не поворачивался, а сначала попытаться самой найти хоть что-то.

Бабушкину историю она знала лишь отрывочно. Несмотря на то, что проводила здесь каждое лето и частенько и зимние каникулы, ей мало что рассказывали. Знала только что у бабушки была какая-то сложная история в прошлом, вероятно еще до ее, Дашиного, рождения, о которой ни она,

ни мама не распространялась. Ей всегда казалось, что мама одновременно гордилась матерью и стыдилась ее, они редко созванивались, а виделись еще реже – бабушка даже не бывала у них в гостях, не приехала на похороны мамы, сказала, что нет денег. Но Даша понимала, что причина на самом деле была в другом. Теперь ее мучил вопрос, что же тогда случилось. Почему бабушка Вера Васильевна бросила вдруг карьеру судьи, отдала дочери свою двухкомнатную квартирку в Томске и уехала насовсем в глухую деревню, где и жила с тех пор безвылазно в старом доме с туалетом на улице, доила свою корову и почти ни с кем не общалась. Мало-помалу, деревня оказала на нее свое влияние и Вера Васильевна из интеллигентной образованной женщины превратилась милую, с чудными местечковыми словечками, старушку.

Даша надеялась найти хоть что-то. И она была почти уверена, что это что-то здесь, в маленькой угловой спальне, которой никто не пользовался. Сама бабушка всегда спала на диване в большой комнате, примыкавшей к кухне, куда выходил теплый печной бок. Все время ей говорила, что старые кости любят тепло. Но теперь вдруг Даша осознала, что дело не в этом.

Она отодвинула цветастую занавеску, заменяющую дверь и заглянула внутрь. Сердце заколотилось где-то в горле, словно она вор. Отпрянула назад. Удушливая волна залила лицо краской. Боевой настрой ее таял, как зефир в горячем какао.

Но что-то держало, звало ее внутрь этой странной комнаты. Она, подчиняясь, шагнула, зашла в маленькую спальню. Нашарила высоко справа круглый карболитовый выключатель, щелкнула кнопкой. В углу кровать со стопкой подушек. Надо же, они они убраны белоснежной тюлевой накидкой. Рядом комод, высокий, деревянный. На нем салфетка такая же белая, кружевная. У подслеповатого окна письменный стол. Ни пылинки. Ни одного случайного предмета. Ни одной детали, говорящей о том, что каморка обитаема.

Даша обвела комнатушку взглядом. Что? Где? В комод, может? Потянула верхний ящик на себя – не идет. Старый комод, без роликов. Дернула посильнее. Со скрипом ящик подался навстречу.

Сверху лежала старая газета, советских еще времен. Бережно дотронулась пальцами. Сухая она, шершавая. А под ней папка, толстая, на тряпичных завязках.

На папке надпись: “Уголовное дело №113/12”. Измятые пожелтевшие листки торчали наружу оборванными краями. Даша едва дыша взяла в руки папку, потянула веревочки. Чистосердечное признание, черно-белые фотографии, рапорты, протоколы, отпечатанные на печатной машинке, судебное решение. Осколки исковерканных судеб.

Даша вчитывалась в имена, фамилии, даты. Семидесятые годы. И ни одного знакомого имени. И только на судебном решении под круглой закорючкой подписи фамилия: Невская Вера Васильевна. Вот оно. Бабушка. Почему ты хра-

нишь эту папку, бабушка? Почему среди сотни твоих дел – это лежит не в архиве?

Даша воровато оглянулась на пеструю занавеску, стыдливо прикрывающую проем без двери и села на пол. Постель, идеально гладкую, мять не хотелось.

Ей вдруг стало не по себе. Будто она как непослушный ребенок подглядывает в замочную скважину. Будто сейчас ее застукают и накажут.

Страницы дела словно театральные занавес открывали ей другой, чуждый мир. Мысли роились в голове, перебивая одна другую, но ответов все не было. Это был целый морок невыразимого: она не понимала, как найденная папка связана со словами тети Лены о какой-то ошибке, почему тетя говорила об этом так, будто доверяла ей нечто, что скрывала всю свою жизнь, правда ли что над их маленькой семьей много лет назад нависла угроза, и почему ее преследуют неудачи одна за другой.

– Страшно, правда?

Бабушка неслышно подошла к ней сзади.

Даша вздрогнула. И обернувшись, взглянула ей в лицо, прошептала:

– Зачем это здесь?

Бабушка села на кровать, смяла безупречную гладь покрывала, зажала руки между колен и, наклонив голову, как человек, который о чем-то скорбит или молится, произнесла:

– Зачем... видно пришла пора рассказать тебе...

Ты ведь знаешь, что я не всегда жила в этой глуши и ходила за коровами. Когда-то, много лет назад, я знала другую жизнь. Счастливую, в достатке и уважении. Я же была народным судьей, мы с твоим дедом как сыр в масле катались! Хорошее время было... Пока не грянул гром.

В те времена интернетов этих ваших не было и такое не показывали по телевизору, да и в газетах не писали. Но случись что – слухи расходились словно круги по воде.

Пришла беда – отворяй ворота. На весь город гремело тогда – пропала девочка. Десяти лет всего, ушла в школу и не вернулась в обед. Не пришла и вечером, и наутро. А уж когда милицию с собаками на уши подняли, то нашли ее за гаражами, завернутой в одеяло. Уж не знаю, как оперативники сработали, а только убийцу нашли очень быстро. Да он не просто ее убил, а сотворил с ней кое-что куда хуже... Город гудел как улей. Люди были злы и напуганы. Страшно стало детей отпускать. А моим девчонкам как раз тогда столько же исполнилось.

И вот его поймали. Следствие было, чистосердечное из него даже выбили – вот оно все тут. Даже адвокат в суде и тот молчал. А народные заседатели разве что не порвали его там же. Заседание открытым было, чтоб не повадно, значит. Народу набилось тьма. И среди всех – жена евошняя. Я тогда думала, бомжиха какая-то, удивлялась еще, почему ее в КПЗ не забрали. Грязная, вонючая. И вот как вынесли мы ему смертный приговор, дак она соскочила, стала визжать,

руками размахивать, ко мне прыгнула. Я и глазом не успела моргнуть, как она бумаги на столе подожгла, и как только пропустили ее со спичками? Ну ее скрутили, увели конечно, да только у меня ее крик до сих пор в ушах звенит. Прокляла она меня и весь мой род...

– Но почему? Ты ведь сделала все по закону?

Даша поднялась с пола, села рядом с Ниной Васильевной, взяла ее за руки.

– Закон... – она сморщилась. – Каждый из нас – сам себе прокурор. Я себе приговор подписала.

– Я не понимаю, бабушка...

– А через месяц повторилось все. Еще одну маленькую девочку нашли убитой. Тот же почерк, те же следы. Тогда-то я и поняла, что ошиблась. Чудовищно ошиблась. И стоило это жизни невинному человеку. Его жена была права, и месть ее жестока.

Все пошло наперекосяк сначала у меня. Буквально через две недели твой дед разбился в машине насмерть. А потом, когда Леночка с Маринкой подросли – и у них тоже. Каким богам я только ни молилась, что я только ни делала! Все бесполезно. Все... И в церковь ходила, и к бабкам, и экстрасенсу даже. Она мне тогда сказала, что проклятие это на мужиках завязано, на нашей к ним слабости. И что если с ними отношений не иметь, то и в жизни все будет сносно.

Вот и стала я девок учить хвостом не вертеть да на парней не заглядываться. Леночка-то умница у меня, послушалась,

в девках ходит до сих пор, зато работа на зависть и живет себе припеваючи. А Маринка... Эх... Вскружил ей голову отец твой, алкаш покойный, и на себя несчастье навлек, и ее измучил... А когда Маринка поняла наконец что к чему, стала тебя учить уму-разуму. Добра она тебе желала, а ты туда же... Уже я вижу успела беды натворить с мужиками, раз пришла искать правды?

– Успела... Но я люблю его, – сказала Даша и слезы высохли, не успев пролиться, – любила, – произнесла она твердо. После той новогодней ночи, когда она, ошеломленная переменой в Сашкиных глазах, времени, проведенного в больнице, когда он отписался одной-единственной дежурной фразой, она поняла, что вместо души у нее – выжженная пустыня и там не осталось больше чувств к этому человеку. – На чужом несчастье счастья не построишь, правда ведь?

– Правда.

– Но что же делать? Что же мне теперь, всю жизнь, как тетя Лена, одной жить? Не сметь даже взглянуть в их сторону? Отвергать все ухаживания? Завести кошку и в сорок лет состариться?! – уже почти кричала Даша.

– Нет, дочка, конечно же нет! Мы что-нибудь придумаем!

– Что?! Что мы придумаем? Ты же сама сказала, что ничего, ровным счётом ничего не помогает! Все эти способы, они не работают!

Бабушка молча погладила Дашу сухой морщинистой рукой по щеке, а потом ее рука безвольно упала на папку, ко-

торую все еще держала в руках Даша. И тут же, как будто ей нужна была только эта небольшая подсказка, прочитала все знаки, которые до этого тревожили Дашу, и пазл наконец сложился.

– А эта бомжиха... ну, то есть, жена его... Что с ней потом стало? Ты вообще знаешь, как ее зовут?

– Чапчавадзе Тамара Петровна. Я это имя на всю на всю жись запомнила... Да ты и сама посмотреть можешь, в деле все написано. Я когда поняла, что это из-за нее все так получилось, хотела найти ее, прощения просить да в ножки кланяться. А только поздно уж было... Померла она через неделю примерно опосля расстрела... Я на кладбище потом ходила, на могилку еешнюю, и молилась, и плакала. Да только видать крепко она на меня разозлилась, ой крепко.

– Ты знаешь, где она похоронена?!

– Знаю конечно, говорю ж, ходила тудыть как к себе до-мой.

– Где? Расскажи, бабушка!

Бабушка наклонила голову вбок и испытующую посмотрела на Дашу.

– Расскажу, если ты пообещаешь не рисковать жизнью. Я не дура. Вижу ведь, что ты что-то задумала.

– Не стану я рисковать!

Бабушка пристально посмотрела на нее.

– Обещай.

– Ладно. – сказала Даша. – Обещаю.

Бабушка глубоко вздохнула.

– Чапчавадзе Тамара Петровна похоронена на Бактинском кладбище двадцать восьмого апреля семьдесят четвертого года. Его тогда открыли недавно. Так вот могилка почти в первой линии, там как заходишь сначала почетные места, а вот по левой стороне сразу за ними и есть она.

– Я знаю, что делать, бабушка. Ты не пробовала еще один, последний способ снять проклятье.

– Это какой же? – бабушка странно прищурилась, словно опасаясь за Дашин рассудок.

Вместо ответа Даша поднялась, завязала веревочки на папке с делом и убрала назад в ящик.

– Мне нужна лопата и керосин. А еще термос с горячим чаем и пирожки. Сделаешь пирожков?

– Это еще зачем? Что ты такое удумала? Ты мне обещала, помнишь? – бабушка поджала губы, словно пытаешься успокоиться.

– Бабуль, я все потом расскажу, – и Даша коротко и тихо рассмеялась, окрыленная внезапной догадкой. – Испеки пирожков. С капустой!

И она звонко чмокнула бабушку в краешек рта, откуда веером разбегались морщины и побежала за своим телефоном, который не доставала уже целую неделю.

Глава 20

Даша включила мобильный интернет, чтобы удостовериться в своей догадке, а заодно и посмотреть на карте схему

проезда к кладбищу. И сразу же телефон брякнул новым сообщением в чат. Сашка?! Сердце дрогнуло и забилося быстрее. Но нет, это Эдик.

[15:36, 23.01.2020] «Привет, ты как?»

Всего три слова, три простых, обычных слова выдали его с головой. Даша уже хотела было ответить что-нибудь краткое, не дающее повода к дальнейшему диалогу, но вдруг подумала, что Эдик – как раз то, что ей нужно.

[13:36, 30.01.2020] «Привет, большой Эд. Мне нужна твоя помощь. Могу я на тебя рассчитывать?»

[13:37, 30.01.2020] «Детка, что за вопрос?! Конечно!»

[13:37, 30.01.2020] «Как насчет ночного приключения? Можешь со мной съездить в одно место?»

[13:37, 30.01.2020] «С тобой – хоть на Луну!»

[13:38, 30.01.2020] «Точно? А предки одолжат тебе свою тачку? А то я у бабули в деревне, отсюда без колес не выбраться, а мне нужно на кладбище попасть»

[13:38, 30.01.2020] «Детка, харе так шутить! Ночью? Чо ты забыла на кладбище ночью?»

[13:39, 30.01.2020] «Не задавай лишних вопросов, просто скажи: ты в деле или нет?» – Даша внутренне похолодела от своей наглости и на секунду задержала палец, прежде чем нажала кнопку «Отправить». Эдик был не из тех, кто ведется на «слабо», но попробовать стоило.

[13:40, 30.01.2020] «Ой-ой-ой, полегче, дружочек! Если ты думаешь, что поехать ночью зимой в долбаный мороз на

долбаное кладбище искать приключений на свой зад – это капец как круто, то я, разумеется, в деле! Я тебя знаю, если тебе приспичило, ты и без меня найдешь способ туда свалить. Не могу ж я тебя бросить, чо как маленькая в самом деле! Так что давай, собирайся, вещички там какие сложи, а я после пар поговорю с батей.»

Даша взглянула на часы: оказалось, шла третья пара.

[13:41, 30.01.2020] «Отлично! Тогда приезжай за мной в Межениновку как можно скорее, как освободишься.»

[13:41, 30.01.2020] «Заметано, детка! Чмоки!»

Даша отложила телефон, натянула бабушкину телогрейку и по хрустящему снегу пробежала в сарай. Там она вытащила из кучи сваленных в угол пыльных инструментов две лопаты, потом в ящике нашла пару крепких новеньких верхнонок – толстых рабочих рукавиц. Пошла к выходу, но у самой двери остановилась и, помедлив секунду, развернулась и нашла в куче еще и лом. Он оказался холодным и тяжелым, и Даша медленно выволокла инструменты на улицу и поставила их у входа. В доме на печке она нашла еще одну пару верхнонок, только эти были старыми, грязными и прожженными в нескольких местах.

Через два часа Эдик позвонил. За это время бабушка накормила Дашу густой молочной кашей, а когда пришла пора идти, Даша подошла к ней, обхватила за шею и прижалась щекой к неизменной пуховой шали.

– Не бойся, бабушка. Все будет хорошо. Я бы с удоволь-

ствием никуда не поехала и осталась у тебя еще. Здесь так хорошо и спокойно. Но ты сама знаешь, надо. – сказала она в плечо, не поднимая глаз.

– Дашенька.., – начала бабушка, но она перебила ее.

– Я знаю. Я буду осторожна.

Они постояли так немного, больше не говоря ни слова, – издалека, словно с другой планеты, доносились звуки соседских голосов, хлопали двери, истошно кукарекал петух в хлеву, а Даша обнимала бабушку обеими руками и думала о том, что сейчас придется ехать в неизвестность, где будет клубиться тьма и проклятый призрак возможно станет преследовать ее, сопротивляться и не давать дышать. Но в то же время Даша понимала, что пока решимость не покинула ее, нужно действовать. Бабушка слегка шевельнулась, будто пытаясь высвободиться, и на мгновение Даша сжала ее еще крепче, но в ту же секунду, опустила руки, взяла свою дорожную сумку, куда предварительно сложила огромный термос с горячим чаем и целый, укутанный старым вафельным полотенцем, пакет свежих, сочащихся мясным соком пирожков, и вышла во двор.

На улице скрипели калитки, заливались радостным лаем пустобрехи, где-то тархтел мотор, у колодца толстая баба наливала воду в большой бидон на санках. Солнце, клонящееся к закату, вызолотило окна домой, осветило дворы и дорогу.

Ноги проваливались в рыхлый снег, идти по нечищенной

тропинке было тяжело. У калитки тарахтел старый «Вольво».

Эдик вышел из машины и, не говоря ни слова, сгреб Дашу в охапку, отчего только переставшие болеть ребра снова жалобно занули, зарылся лицом в воротник и стоял так, не говоря ни слова, несколько секунд, потом помог уложить в багажник лопаты и лом, аккуратно пристроил там же пузатую сумку и сел за руль.

По дороге он непривычно молчал. Трасса была пустой, только изредка навстречу попадались машины, некоторые из них уже зажгли фары, потому что солнце, прокатившись по небосводу, касалось краем высоких прямых сосен, тянувшихся по обеим сторонам дороги, и кроны тонули в его ярком свечении, таяли как масло на сковороде. Даша смотрела на Эдиков профиль, напряженно поджатые губы, и не решалась протянуть руку и прикоснуться к нему, чтобы не разрушить этот импульс, который заставил его поехать за ней, хоть это и казалось полнейшим безумством. Она просто смотрела на него и думала, что никогда больше ни о чем не попросит, лишь бы он сейчас помог ей осуществить задуманное.

Ехали непривычно долго – почти час. Они миновали россыпь дачных поселков, пустых и темных в это время года, и въехали на освещенный участок дороги, потом мимо потянулось торчащие из снега кресты и памятки с криво нахлобученными белыми шапкам – кладбище.

– Эдик, это оно? Мы приехали?

– Нет, детка, это Южное. – Даша снова про себя отметила, что Эдик непривычно немногословен.

– Далеко еще?

– Да нет, минут десять примерно. Это если повезет и пробок не будет.

– Нам надо купить керосина. Тут есть заправка?

Эдик удивленно вскинул брови и повернулся к ней.

– Мать честная! Ты же... Ты... Зачем? – сорвался Эдик на фальцет.

– Если я тебе расскажу, то ты решишь, что я спятила.

– Ну, тебе придется рассказать, детка. Так или иначе, но я узнаю. И вообще, как ты себе это представляешь, чтобы я помог, не зная, что делать.

– Ну, просто ты скажешь, что это бред...

– Обещаю поверить в любой, даже самый сказочный бред из твоих сладких уст!

Даша кивнула, помолчала немного, потом начала краткий рассказ. Ей так больно было это из себя выдавливать, что у нее исказилось лицо.

– Ну, если в двух словах, то на нашей семье уже три поколения лежит проклятье. Такое, с которым невозможно нормально жить. Навлекла его моя любимая бабуля. Она же и перепробовала все известные ей способы, чтобы его снять, но, как видишь, ничего не помогло. Все способы, кроме одного. Который я и хочу сегодня испробовать.

Теперь, когда Даша рассказала Эдику малую часть того, во

что превратилась ее жизнь, она ужаснулась, как до смешного глупо и нелепо все это выглядит, как куцо и вздорно звучат слова, шелкают на языке как взрывная карамель.

– А керосин-то зачем? И лопаты?

– На Бактинском кладбище похоронена женщина, из-за которой мы страдаем. Я думаю, что ее душа превратилась в демона и преследует меня. Нужно найти ее могилу, выкопать кости и сжечь их.

– Охренеть! У тебя что, крыша поехала?!

– Ага, твою догнать пытается! – съязвила Даша.

– Черт, Дашка, у меня сейчас жопка жим-жим сделала! – ахнул Эдик, повернувшись всем корпусом к Даше. От этого движения он крутанул руль и машина вильнула, едва не вылетев на встречу.

– Эдь, тебе не обязательно идти туда со мной и копать, если боишься. Просто довези меня до ворот, а дальше я сама справлюсь.

– Детка, ты вот это сейчас серьезно?! Думаешь, я привезу тебя на кладбище и брошу, а сам буду поджидать за забором, поджав хвост, как шелудивый пес?

– Нуууу... Не знаю...

Эдик вполголоса выругался и замолчал.

Мимо промелькнула и тут же скрылась за деревьями лыжная база «Политехник», навстречу все чаще попадались рекламные щиты, фонари, склонившие свои желтые головы, парковки и магазины, приветливо мерцающие в сгустивших-

ся сумерках. Несмотря на кажущуюся мирную обстановку, Дашу переполняла тревога – такая, что впору съежиться. Она облизала пересохшие губы и оглянулась.

Неожиданно автомобиль оказался в городе и впереди красным замаячила заправка. Эдик свернул к ней, притормозил у крайней колонки и вышел из машины. Он шел медленно, Даша смотрела ему в спину, а потом выскочила из машины. По звуку сзади она поняла, что дверь не захлопнулась, но не стала возвращаться и почти побежала за ним, и когда она догнала его, он уже взялся за ручку стеклянной двери магазинчика.

– Канистра у тебя есть? Если негде взять керосина, давай купим бензин! Думаю, одной канистры должно хватить.

Эдик хмуро кивнул и ничего не ответил, отсчитал купюры и расплатился за бензин. И пока он возвращался к машине, открывал багажник, доставал пустую канистру, отвинчивал крышечку и наполнял ее доверху, Даша смотрела на него и думала, что этот нескладный шумный парень, который всегда раздражал ее своими шутками, про которого она совсем забыла с тех пор, как попала под машину, и ни разу не позвонила ему даже просто спросить как он, – бросил все дела, выклячил у отца машину и деньги, и готов был ехать за Дашей хоть на край света, выполнять все ее немислимые капризы и оберегать от всего, что могло бы ей угрожать.

– Батя всегда с собой возит. На всякий случай, – кивнул он на канистру, – вот случай и представился.

Даша мелко и часто закивала, боясь сказать лишнее слово, а Эдик вставил пистолет в бензобак. Когда с заправкой было покончено, они сели в машину, хлопнув дверями и молча поехали. Вероятно, дурацкий Дашин вопрос испортил им обоим настроение.

Город встретил их пробками на площади, машины двигались медленно, дергаными движениями, и Даша успевала разглядеть сквозь окна хмурые уставшие лица. Это рваное движение укачало, странный, полный открытий и переживаний день навалился на нее, красные и оранжевые габариты десятков гудящих автомобилей расплылись перед глазами и она даже не заметила, как город закончился не сразу, съезды еще были обозначены названиями улиц, а потом трасса потемнела и по обеим сторонам дороги стали попадаться неосвещенные дачные домики, и провалилась в сон. Она неудобно повисла на врезавшемся в в куртку ремне безопасности, свесив голову вниз и почти касаясь лбом передней панели.

Глава 21

Вера Васильевна сквозь окно проводила взглядом черный «Вольво», медленно сдающий задом и оставляющий глубокие колеи в рыхлом, нечищеном неделю снегу. Она подняла правую руку и медленным, будто вымученным движением, перекрестила удаляющуюся машину. О чем она думала, стоя у окна и теребя сухими сморщенными руками пуговку своей вязаной разноцветной кофты? Пришло ли ей в голову, что

если бы она в свое время решилась на такое же безумство, то смогла бы спасти и мужа, и старшую дочь? Боялась ли она совершить другой отчаянный поступок, ведь ей кто-то однажды сказал, что искупить проклятье можно собственной смертью? Или ей казалось всю жизнь, что она не имеет на это права, особенно после гибели мужа? «Не смей умирать, не смей замыкаться в себе», – твердила она как молитву каждое утро, – «Ты обязана жить ради них». Долго, слишком долго она закрывала глаза на то, что реяло над нею и ее семьей, на то, что ломало судьбы ее дочерям, делала вид, что проклятия не существует, играла в игру под названием «нормальная жизнь». Но сейчас ее гнев, унижение и боль захлестнули с новой силой, прорвали плотину, тщательно выстраиваемую годами, и вырвались наружу. Даша, Дашенька... Она все пыталась представить себе, что чувствует эта девочка, решившая голыми руками бороться за свое счастье. Как же ты справишься, милая? Откуда в тебе столько отваги?

Вера Васильевна прижала рукой внезапно заколовшее сердце, сощурила сухие глаза и упрямо поджала губы. Потом повернулась и пошла в сени, накинула на голову шерстяной платок, застегнула рабочую куртку, ноги сунула в валенки в черных, заляпанных грязью галошах, выволокла на улицу и поставила на санки сорокалитровую флягу с чуть плескавшейся на дне водой. Она покатила их в сторону колодца, тяжело ступая по снегу.

У колодца все та же толстая баба по прозвищу Моркови-

на тяжело прокручивала ручку барабана, ухватила ведро за дужку и плюхнула его на обледенелый сруб колодца. Рядом стояла ее хромая соседка Галка Рупьдвадцать и они оживленно что-то обсуждали. То ли Морковина пришла за водой уже второй раз, то ли так зацепилась языком с Галкой, что никак не могла уйти, было неясно. Вера Васильевна тяжело вздохнула, понимая, что расспросов не избежать, но вода была нужна срочно, поэтому она помедлила секунду и двинулась к женщинам.

– Васильна, а Васильна. Здорово, – добродушно протянула Морковина, расплываясь круглым одутловатым лицом в улыбке.

– И вам не хворать, – как-то неестественно и торопливо ответила Вера Васильевна, хотя ей хотелось молча отвернуться, как будто от одной только доброй воли этой коренастой женщины с помятым лицом зависело ее право находиться здесь.

– А кто это приезжал-то? Дашкин хахаль чтоль?

– А тебе то что за дело? – досадливо отмахнулась Вера Васильевна, втягивая санки на обледенелый, посыпанный песком бетонный пригорок вокруг колодезного сруба.

– Значит, хахаль. – сказала Галка Рупьдвадцать, сощуриив один глаз. – Вот жеж молодежь шустряя-то, а! Мы такими не были!

– Да уж чья бы корова мычала, а твоя бы помолчала!

Ведро звонко плюхнулось в воду, зачерпнуло краем воду

и дернуло цепь. Вера Васильевна двумя руками крутила ручку барабана, потом вытащила ведро на свет. Тонкая дужка больно врезалась в пальцы, вода выплескивалась мимо фляги. Галка Рупьдвадцать открыла было рот, чтобы что-то сказать, но, по-видимому передумала и закрыла.

– Все-то у тебя не по-людски, Васильна! Дичишься что твой сыч, того и гляди – помрешь, а мы и знать не будем, – крикнула Морковина и зашагала прочь.

Вера Васильевна зло сверкнула глазами из-под седых бровей, молча набрала еще три ведра воды, с лязгом закрыла флягу и покатила ее к дому.

Дома, в перетопленной душной кухне, Вера Васильевна раздраженно гремела посудой, ставила нагреваться в ведре воду на печку, заливала миски с присохшим тестом. Ноздри у нее были раздуты, и дышала она тяжело, напоминая в эту минуту остановленный на полном ходу поезд. Мысли уже ускакали прочь от назойливых любопытных соседок туда, где ее единственная внучка собиралась исправлять ее ошибку. Она вспоминала все подробности той весны, непостижимое в своей простоте и очевидности дело, жуткие фотографии с места преступления, суд, безобразную, вызывавшую тогда только брезгливость и визжащую проклятия женщину, и несчастья, обрушившиеся на ее маленькую семью после. И как только это горькое воспоминание оформилось и набрало вес, Вера Васильевна ощутила покалывание в затылке, как всегда бывало, когда у нее поднималось давление. Она загна-

ла это ощущение поглубже внутрь, стараясь не обращать на него внимания, взяла подойник и направилась в хлев. Там, в тусклом свете желтой лампочки, одиноко свисавшей с потолка на длинном проводе, пахло навозом и сеном, шумно вздыхала и переминалась с ноги на ногу корова. Она увидела хозяйку и просунула мокрый розовый нос сквозь щель в деревянной загородке.

– Сейчас, сейчас, моя хорошая.

Вера Васильевна отворила калитку и вошла внутрь, и, придвигая скамеечку поближе, тяжело уселась на нее. Зарылась нетвердой ладонью в густую, теплую шерсть на круглом боку, похлопала, потом намочила чистую тряпицу в принесенной с собой миске и обтерла огромное тугое вымя.

– Потерпи, Апрельенька, потерпи. Не буду сегодня за тобой убирать, сил моих нет. Старая стала, беспомощная, того и гляди Богу душу отдам.

С этими словами Вера Васильевна потянула и сжала розовые соски, и в ведро звонко ударили белые струи, молоко шипело и пенилось на дне. Вера Васильевна болтала всякую ерунду, Апрельку успокаивал этот монотонный монолог, и она расслабленно жевала сено. Когда ведро до краев наполнилось, бабушка поднялась, качнувшись, словно подброшенная пружиной, и подняла ослабевшими руками тяжелое ведро, врезавшееся до белых полос в костяшки пальцев, затем вышла за дверь, впустив в хлев струю морозного колкого воздуха. На улице уже стемнело совсем и всего в одном

шаге не было видно ничего.

Дома она достала из буфета чистые трехлитровые банки и, накрывая каждую по очереди сложенной в несколько слоев марлей, разлила в них молоко из ведра, закрыла тугими полиэтиленовыми крышками и убрала в приземистый пузатый холодильник. Сегодня все у нее получалось медленно, будто через силу. Боль в голове пульсировала, набирала силу, простирая свои щупальца с затылка на виски, в глазах плясали черные и радужные пятна.

Несмотря на боль, посуду, которая все стояла после готовки и обеда с Дашей, нужно было помыть еще сегодня, это был обязательный ежедневный ритуал, отказаться от которого даже на день было непозволительной роскошью. Склонившись, Вера Васильевна пыталась оттереть в тазу закопченные на огне кастрюли нагретой на печи водой, пальцы ее при этом покрывались жирной несмываемой копотью, которая буквально впитывалась под кожу, окружая ногти темной каймой. Каждый раз после этого она смазывала свои сухие, с обломанными ногтями, руки растопленным сливочным маслом, но кожа все равно оставалась страшной и старческой.

К этому времени дрова в печи прогорели и Вера Васильевна, с трудом уже переставляя ноги, вышла на улицу, набрала в поленнице полную охапку холодных, тонко пахнущих березовых поленьев, вернулась в кухню. Она свалила дрова на оцинкованный пол напротив печки и принялась искать верхонки. Но их не было нигде. «Как сквозь землю прова-

лились», – пробормотала она. Тогда она стянула пониже рукав кофты, прикрыла им пальцы и повернула ручку дверцы. Даже через вязаное полотно горячий металл обжег пальцы, Вера Васильевна охнула, отдернула руку и прижала пальцы ко рту.

«Как же так вышло», – в тысячный раз думала она, подставляя пальцы под тонкую струйку ледяной воды из ручкомойника, «как же так получилось? Чем Даша заслужила эту ежедневную пытку, почему за ее грехи должны расплачиваться дети и внуки, каждый день, каждую минуту? Как будто мало для Даши было похоронить мать, потерять учебу, едва выжить под колесами автомобиля, потерять даже надежду на достойную человеческую жизнь? Ладно бы я смогла это все принять как должное, но девочка? Моя хорошая, маленькая девочка, неужели и она вынуждена обречь себя на одинокую, полностью лишенную мужского внимания жизнь? Нет, она не такая, моя девочка, иначе бы не поехала сейчас туда».

Вера Васильевна неловко и неаккуратно затолкала несколько поленьев в печь и кочергой разворошила угли. Маленькие огонечки вспыхнули ярче, увеличились в размере, осмелели и стали лизать еще холодные желтые бока березовых дров. То ли поленья были больше, чем надо, то ли так неаккуратно сложены, но только печная дверца больше не закрывалась на задвижку, и Вера Васильевна мысленно махнула на нее рукой, оставив большой, сантиметра в два,

ззор, через который в кухню просачивался душный белесый дымок.

Вера Васильевна поднялась и достала из кухонного шкафчика ручной тонометр, она давно уже привыкла держать его под рукой. Стянула один рукав, приладила манжету и стала качать резиновую грушу. В районе цифры сто восемьдесят стрелка заплясала, а в ушах застучали ритмичные сердечные удары. Дальше слушать Вера Васильевна не стала, сняла манжету и пошарила в кружке, где хранила самые нужные лекарства. Последняя таблетка каптоприла в блистере. Она осторожно выдавила белый кружочек на ладонь, но пальцы не слушались ее, и поэтому то, что случилось в следующую секунду оказалось неожиданностью для нее самой, она успела только почувствовать, как таблетка касается ладони, а потом выскользывает и укатывается на пол к самой печке. От досады Вера Васильевна почувствовала, как злость, не контролируемая, разрушительная злость на собственное бессилие и старость, захлестнула ее до самых глаз. Она нагнулась, чтобы поднять таблетку, но в глазах потемнело и пол, покачнувшись, ушел из-под ног. Падая, она зацепилась рукой за табуретку, но та не выдержав веса, свалилась и задела приоткрытую печную дверцу, распахнув ее полностью. Словно со стороны она наблюдала за тем, как взметнулся внутри из потревоженных поленьев фонтан искр, угольки медленно описали в воздухе дуги и шлепнулись на черные, изъеденные временем доски далеко за пределами металлической обшивки.

– Помогите, – услышала она собственный шепот, искаженный, свистящий, – Помогите!

Пол вокруг выпавших угольков почернел и задымился, а потом оттуда родились крошечные, верткие огоньки. Они росли, набирали силу, отвоевывали себе все новое и новое пространство, становились размером с мышку, с белку, с зайца...

Вера Васильевна лежала и не никак не могла подняться; чудовищной силы боль словно пригвоздила ее к полу; она кажется даже кричала, негромко, но отдельно: «Помогите!» и эти отрывистые выкрики, едва сорвавшись с губ, седлали волны обжигающего воздуха, уносились к потолку, но так и остались никем не услышанными. Она лежала и кричала, чувствуя, как вместе с криком распрямляется у нее какая-то заржавевшая, закисшая пружина и освободительные, жаркие слезы катятся вниз по щекам, затекая в уши. Последнее, что она увидела, было измученное, старое лицо обиженной ею женщины, той самой, которая пришла к ней в зал заседаний, но в этот раз она не плакала, а хохотала, мерзко и ехидно, как гиена.

Глава 22

Глаза ее открылись ровно за минуту до того, как Эдик остановил машину и сказал: «Приехали». Она проснулась резко, без перехода, просто открыла глаза и увидела перед собой высокие решетчатые ворота кладбища с изображением летящего ангела. За ними чуть покачивался фонарь, но

его света хватало лишь осветить небольшой кружок снега напротив административного здания.

Даша посмотрела на Эдика, а он на нее. Эдик заглушил двигатель и они, не стовариваясь, одновременно открыли дверцы и вышли из машины. Где-то недалеко залаяла собака, и из темноты в освещенном пятачке появился вдруг сторож – мужчина средних лет, в очках и толстой засаленной телогрейке, с криво нахлобученной ушанкой и оттопыривающимся карманом. В руках он держал ружье и шурился на непрошенных гостей. Он сделал еще один шаг вперед, махнул ружьем куда-то в сторону и неприветливо сказал:

– Закрыто. Завтра приезжайте!

– Закрыто... – неуверенно повторила Даша, – а разве не в любое время приходиться можно?

– Посещения с девяти до пяти, а сейчас закрыто, – сторож кивнул в сторону таблички с графиком работы, – уезжайте, ну!

Даша разочарованно помедлила, а потом они вернулись к машине. Лишь когда Эдик завел мотор, развернулся и медленно отъехал, сторож махнул рукой и скрылся в темноте.

– Давай попробуем вокруг объехать. Вроде должен быть еще один вход?

– Вроде говорил Мавроди. Вряд ли он тут есть. Скорее всего забор по периметру. Ну давай попробуем.

Эдик вырулил на дорогу и поехал прочь от неверного качающегося света фонаря. Справа забор, уходящий далеко

вперед и теряющийся в обступившей их темноте, слева потянулись темные сонные домики, ждущие весны и своих хозяев. Сугробы вокруг низких строений доставали порой почти до подоконников. Какое-то время они медленно ехали по пустой дороге. Машина двигалась как-то странно, и присмотревшись, Даша увидела, что дорога завалена снегом, только узкая полоса, давно оставленная грейдером. По ней они и ехали, раскачиваясь из стороны в сторону. Дорога оборвалась через несколько метров. Видимо, снег зимой здесь чистили последний раз месяц назад – не для кого. Эдик остановился и сказал:

– Все, детка. Дальше ехать нельзя. Увязем в снегу и никто нас не вытащит, так и помрем тут ледяными истуканчиками.

Эдик заглушил мотор и завозился на сиденье, застегивая куртку. Они оставили машину прямо посреди дороги, потому что обочины здесь никакой не было.

Он вытащил из багажника тяжелую канистру с бензином, лопаты, лом. Даша прихватила сумку и верхонки, и они пошли к забору, утопая по колено в снегу. Здесь заканчивалась высоченная решетка и дальше кладбище было обнесено простой сеткой высотой в человеческий рост. Никто из них не говорил ни слова, но они подумали об одном и том же: Эдик воткнул лопаты в снег, поднял канистру над головой и сбросил ее по другую сторону забора. Она упала почти беззвучно, пронзив снег до самой земли, и оставила после себя

зияющую черную дыру. Таким же образом Эдик перекинул все остальное.

– Ну, – сказал Эдик бодро, – теперь твоя очередь, детка.

Даша подошла к забору совсем близко, зацепилась руками за его верх и, упершись ногами в сетку, попробовала подтянуться. Но ноги соскальзывали по замерзшему металлу, руки дрожали и у нее ничего не получалось. После нескольких попыток она уперлась лбом в сетку и тяжело задышала.

– Блин... так вот зачем нужны нормативы по физ-ре!

– Аха, чтобы зимой кладбища грабить, – рассмеялся Эдик, – иди-ка сюда детка, иначе ты упадешь прямо на лопату.

Он отвел ее на несколько шагов вправо, и Даша снова схватилась руками за верхнюю перекладину. На этот раз Эдик не очень-то вежливо уперся руками ей в ноги, поддерживал и не давал соскользнуть вниз. В конце концов он толкнул ее вверх под зад и Даша взгромоздилась на забор. Она распласталась на животе по перекладине, крепко сцепившись в нее руками, и застыла.

– Ой, мамочки... Эдь, мне страшно. Ааа, как слезать-то?

– Ну, пупсичек, если тебе уже страшно, то я не знаю, что ты будешь делать дальше! Просто прыгай и все.

Даша не спрыгнула, а неуклюжим кулем свалилась вниз. От удара воздух вышибло из легких и она несколько секунд не могла пошевелиться. Сугроб хоть и смягчил падение, но все равно в голове загудело, словно мозг резко потяжелел, и

она не сразу заметила, как щиплет кожу снег, насыпавшийся за воротник. Пока Даша вставала и отряхивалась от колючих снежинок, Эдик одним прыжком перемахнул через сетку и приземлился на ноги.

– Ого, как ты можешь! – изумилась Даша.

– Паркур, детка. Видела в Лагерном саду площадку? Я там все лето прыгаю.

– Круто, ничего не скажешь!

– Детка, похвала твоя как бальзам на раненое сердце! – патетично воскликнул Эдик, закатил глаза и, положив одну руку на грудь, замер, а потом расхохотался. – Ну что, погна-ли? Давай веди, Сусанин!

С этими словами он выудил из снега инструменты и, высоко задирая ноги пошел по сугробу прямо.

Взошла луна. Ее серебряный свет пролился на темнеющие деревья, точащие из снега ветки, памятники и кресты. Было холодно, деревья стояли черными, молчаливыми силуэтами, тишина казалась враждебной.

– детка, куда идти-то? – почему-то шепотом спросил Эдик.

Даша знала не больше него, но махнула рукой вперед. Они медленно брели в сторону расчищенных дорожек, напряженно оглядываясь и прислушиваясь. Полчаса прошли в напряженном молчании. Они все шли и шли, ноги гудели от напряжения, цеплялись за невидимые ветки, в ботинки забился снег, таял там и ледяным кольцом сжимал щиколотки. Ино-

гда они врезались в низкие, скрывшиеся в сугробе оградки, запинались и падали, вставали и перелезали через них. Дышать стало тяжело, в боку закололо.

Наконец впереди показалась широкая ровная полоса – это между секторами накануне прошел грейдер и расчистил снег.

– Чудненько! – с облегчением выдохнул Эдик, – Хоть нормальная дорога, а то я заманался сайгаком прыгать.

– Нам нужно найти могилу Чапчавадзе Тамары Петровны. Она похоронена двадцать восьмого апреля семьдесят четвертого года, могила почти в первой линии, по левой стороне от почетных мест. Так бабушка сказала. Мы же слева зашли, да? Значит, это ближе к нам. Пошли в сторону главных ворот.

– Океееей, – протянул Эдик, – главное теперь тихо, чтобы сторож не спалил.

Еще через полчаса они добрались до центральной дороги и почетных захоронений. Им пришлось взять влево и немного вернуться обратно, чтобы начать поиски.

Они разделились. Им пришлось подходить к каждой могилке, искать надписи на памятниках. Часто они оказывались под снегом, тогда ребята перелезали через оградку, варежкой смахивали занос и светили фонариком, вчитываясь в гравированные буквы. Эдик светил большим мощном фонарем, а вот Даша про эту важную вещь совсем не подумала. Хорошо хоть в телефоне был маленький.

– Нашел! – вдруг почти прокричал Эдик и тут же осекся и продолжил шепотом, – иди смотри!

Даша поковыляла к нему. Эдик махнул фонарем на гравировку с вензелями на высоком памятнике. Все совпадало. С фотографии на ребят смотрела красивая молодая женщина с раскосыми, по лисьи узкими глазами, и длинной черной косой.

– Подожди..., – прошептала Даша, – она же... Сколько ей было лет? – Даша провела пальцем по цифрам, высчитывая в уме, – двадцать шесть? Эдь, я не ошиблась?

Он покачал головой, а Даша продолжила:

– Но почему старуха? Мне везде мерещится жуткая уродливая старуха, да и бабушка ее так описывала... ну, как божиху какую-то... А тут красавица... Фигня какая-то.

– Блин, Дашка, я в этих ваших проклятьях ни черта не шарю! Но все совпадает, и имя, и даты, и место. Но если хочешь, давай поищем другую Тамару Петровну.

Даша не ответила, только молча смотрела на фотографию. Все точеное лицо этой женщины, ее глаза, губы, что-то напоминало ей, что-то тревожное, неприятное, она чувствовала, что вот-вот вспомнит. Но это-то все ускользало от нее, мысли сделались медленными, тягучими, время словно замерло, собралось в складки, как сложенный из бумаги журавлик.

– Детка? – Эдик тронул Дашу за плечо.

Она вздрогнула, словно не ожидала услышать человеческий голос, словно она была одна в этой гнетущей тишине.

Повернув голову, она взглянула на Эдика – все еще держа ее за плечо, он смотрел прямо и лицо у него было встревоженное и озабоченное.

– Это она, – уверенно произнесла Даша, – дальше идти куда не надо. Давай отдохнем, чайком согреемся и за работу.

– Чудненько! – тут же повеселел Эдик, повернулся к сумке, расстегнул ее, – Давай! Мечи свою скатерть самобранку!

Даша стянула варежки, выудила из сумки термос и пакет с пирожками. Укутанные в несколько слоев вафельного полотенца, они еще были чуть теплыми. Эдик тут же запустил руку в пакет, схватил один и откусил сразу половину.

– Оооэ у эя ауа, – промычал он с набитым ртом, пока Даша наливала в кружечку от термоса обжигающий крепкий чай, дула на него и пила маленькими глоточками.

– А?

– Молодец, говорю, у тебя бабушка! – наконец дожевал Эдик. – Вкусно! Самое то, чтобы подзарядиться, сникерсы нервно курят в сторонке.

Даша налила еще чая, протянула кружку Эдику и тоже взяла пирожок.

Поев, Даша вытащила телефон, посмотрела на часы.

– Так, ну что. Восьмой час уже. Давай начинать.

Даша убрала сумку, надела поверх варежек старую пару верхонков, а новую дала Эдику, и они быстро, в пять минут, расчистили ограду от снега. К огромному их облегчению,

гранитной плиты на могиле было. Вместо нее лишь невысокий бордюр с торчащими сухими стеблями многолетних цветов посередине. Даша попробовала копнуть сухую мерзлую землю. Лопата стукнулась об нее и соскользнула.

– Хреново, – задумчиво выдал Эдик, – интересно, глубоко ли промерзла?

Он взял лом и принялся долбить эту твердую, окаменелую землю. Острие с сухим стуком выбивало комочки, они отскакивали, разлетались в стороны. Лом у них был только один, поэтому Даша взяла лопату и стала повторять за Эдиком, вонзая лезвие вглубь сантиметров на пять. На большее не хватало сил.

Минут через двадцать они разрыхлили весь цветник. От работы стало жарко, заломила спина. Даша выпрямилась, потирая рукой ноющую поясницу и внезапно в глазах у нее потемнело. Цвета вокруг побледнели, зашумело в ушах. Из Даши словно высосали весь воздух. Она бы долго стояла в одной позе, невидяще глядя в одну точку, если бы Эдик не потряс ее за плечи.

– Эй, детка? Все нормально?

Даша словно очнулась и попыталась как ни в чем не бывало улыбнуться, хотя горло ее сжималось и не давало дышать.

– Она хочет, чтобы мы ушли отсюда. Чтобы перестали тревожить ее покой.

– Что? Кто она?

– Она, – Даша кивнула на фотографию, – демон.

Эдик беспокойно повертел головой, потом пожал плечами.

– Я ничего не заметил.

– Правда? Тогда следи за мной, не давай мне выпасть из реальности.

И они принялись выгребать разрыхленные комочки земли вместе с корнями и стеблями на сторону. Большие корневища уходили глубже в мерзлоту и их приходилось перерубать лопатой. Эдик оглядел результат проделанной работы и невесело присвистнул.

– Чудненько, – сказал он скорее насмешливо, чем радостно. Десять сантиметров. Как раз к утру управимся, да, детка? Как там, от работы дохнут кони?

– Ну а я бессмертный пони, – ответила Даша и снова принялась долбить лопатой землю.

Еще через несколько минут ее лопата со звоном стукнулась обо что-то металлическое.

– Блииин, – протянула она, – неужели плита? Нам ее не вытащить самим...

Эдик обстучал землю рядом вокруг. Кое-где лом ударялся в твердую преграду, но в основном уходил в землю без особых препятствий. Они принялись долбить с еще большим остервенением и через несколько минут поняли, что это не плита, а всего лишь поперечная балка, которая держала на себе гранитный бордюр цветника и не давала ему осесть вглубь. Таких балок оказалось три.

– Фигово, – произнес Эдик, – Они будут нам знатно мешать. Теперь придется проявлять чудеса изворотливости.

– И ничего не фигово. Прикинь, если бы тут целая плита лежала? Мы бы руками ее ни за что не вытащили, пришлось бы возвращаться и придумывать какую-нибудь легенду, чтобы пригнать сюда технику и провести эксгумацию по всем правилам. И то не факт, что удалось бы выбить разрешение. Потому что я ей никто и звать меня никак. Так что, продолжаем, большой Эд!

– Слушаюсь и повинуюсь! – съязвил Эдик, и тут же сменил тон с насмешливого на озабоченный, – Ты как? Отдохнуть еще не хочешь?

– Нет, я хочу успеть до утра, пока нас тут не застукали, а у нас как-то очень медленно все получается.

Даша оказалась права: следующие два часа они работали напряженно и молча, сил на разговоры не оставалось. Ее даже бросило в жар, футболка стала влажной и прилипла к спине, волосы под шапкой тоже слиплись в тонкие пряди. Но останавливаться пока не хотелось, они все откладывали и откладывали этот момент до тех пор, пока сделать это стало совсем уже необходимо.

– Хорошо бы попить чайку, а? – сказал Эдик, вылезая из ямы, глубина которой доходила им уже почти до бедер, и с болезненной гримасой пытался распрямить ноющую спину. – Девочки направо, мальчики налево, – хохотнул он и направился в темноту.

С такой же гримасой вылезла и Даша, но боль в спине была такой сильной, будто кто-то загнал под кожу раскаленный кусок железа и поворачивал из стороны в сторону. На четвереньках она доползла до сумки и достала термос и перекус.

Внезапно поднялся ветер, швырнул Даше в лицо горсть сухого, как песок, снега. Даша отставила термос в сторону и потерла слезящиеся глаза руками, а когда отняла от лица руки, мир показался ей мутным, словно в чужих очках. В этот момент она и увидела демона. Она стояла у ствола березы, протянув обе руки к Даше, в той же самой одежде, в которой всегда показывалась Даше, а ветер обвевал ей вокруг ног плащ и трепал длинные седые волосы. От нее шел отвратительный запах, а на губах застыла кривая ухмылка. «Уходи!» – хотела сказать Даша, но у нее сдавило горло. Она перемигнула от набежавших слез и услышала хруст веток за спиной. Обернувшись, она увидела Эдика, выходящего из-за деревьев. Он хотел было что-то сказать, но вдруг осекся и замолчал. На него было больно смотреть: лицо стало смертельно бледным, в глазах застыл ужас, он весь дрожал.

– Эдик! Эдь, что с тобой? Ты тоже ее видишь? – Даша все так же на четвереньках подползла к Эдику, уцепилась рукой за куртку, кое-как встала и тряхнула его за плечи. Эдик, стряхивая наваждение, повертел головой.

Ветер стих так же внезапно, как и начался. Даша оглянулась на березу – никого. Эдик молчал, непонимающе глядя на Дашу, потом осел на грязный, перемешанный с комьями

земли, снег. Даша вернулась к сумке, налила чая из термоса и вложила кружку ему в руки. Он отпил глоток, клацнув зубами об край, видно было, что он что-то хотел сказать, но не мог собраться с мыслями. Даша обняла его.

Через несколько минут пришедший в себя, но все еще бледный Эдик залпом допил остатки чая и наконец произнес:

– Понимаешь, я впервые такое вижу. Я ведь сначала тебе не верил, ну, думаю, кто я такой, чтобы вестись на рассказы о всяких проклятьях и духах там... А тут вот оно, совсем близко. И это ни фига не то же самое, что ужастики смотреть.

– Значит так. Раньше эту бабулю видела только я, да еще мама, и тетя с бабушкой. Больше никто. Но теперь, раз ее видишь и ты, значит, она каким-то образом стала материализовываться. А вдруг мы, копая могилу, открыли какой-нибудь портал в ад?

– Как-то все это дико звучит и неправдоподобно...

– А видение твое – правдоподобное?

– И как нам теперь быть? – помолчав, спросил Эдик.

– Копать дальше. Отступать нельзя. Даже если она будет пытаться нам помешать.

Они помолчали, обдумывая ситуацию. Потом Эдик разлил остатки чая, достал последние пирожки и сказал:

– Плохо, что у нас нет горячительного. Или успокоительного, как посмотреть. Давай все-таки подкрепимся и продолжим.

Через десять минут они, поев и убрав все в сумку, продолжили копать. Временами им стало казаться, будто за деревьями плясали неясные тени, огромные, нечеловеческие. Липкий, противный страх овладел ими. Они старались не смотреть по сторонам, только вниз, только на лопаты. Толком не отдохнувшие руки снова заныли, не слушались, усталость змеей скрутилась где-то не то в позвоночнике, не то в затылке. Даша поднимала лопату вверх кое-как, так, что с нее сыпалась вниз добрая половина набранной земли. Комья летели на лицо, на одежду. У Эдика новая мембранная куртка была сплошь покрыта серо-коричневыми росчерками грязи, Дашин пуховик выглядел не лучше.

Так они копали еще несколько часов. И когда Дашины плечи отяжелели настолько, что их невозможно стало разогнуть, лопаты их наконец стукнулись обо что-то более твердое, чем мерзлая земля. Этот звук подстегнул Дашу, как хорошая моченая плетка, и она принялась копать с еще большим остервенением. Лопата то проваливалась вглубь, то застревала, и через несколько минут Даша с Эдиком вытащили на поверхность с десяток трухлявых дощечек – все, что осталось от гроба. Еще несколько движений лопатой и в лунном свете забелели высушенные временем кости. Даша смотрела на ужасную находку, пока к горлу не подкатила тошнота. Сжав зубы, она поковыряла землю вокруг, чтобы все косточки оказались на поверхности.

– Тащи бензин, – прошептала она.

Эдик молча кивнул, уперся ногами в стены ямы и, уцепившись руками за поперечные балки, с трудом вылез.

– Твою мать! – вдруг послышался его вскрик с поверхности. Даша подняла голову кверху и увидела темнеющий на фоне лунного диска силуэт старухи. Она тряслась мелкой дрожью, тянула руки и что-то завывала. Даша не понимала, слышит ли она это на самом деле или ей чудится, слов было не разобрать. От ужаса у нее защемило в животе и она крикнула:

– Эдик! Эдик, вытащи меня отсюда!

Долгие секунды спустя Эдик, лежа на животе, свесил руки в яму. Даша ухватилась за них и, упираясь ногами в вертикальные осыпающиеся стены, выползла, пробороздив животом по снегу, изъеденному и совсем черному.

– Где бензин? – просипела она.

Эдик протянул ей тяжелую канистру, она как была на четвереньках, пригибая голову, отвинтила крышечку и принялась выплескивать жидкость в яму, стараясь не обращать внимания на беснующуюся вокруг старуху, и остановилась, только убедившись в том, что внутри не осталось ни капли.

– Ты молодец, – прошептал Эдик, положив ей руку на плечо, – все нормально, отпусти, давай я заберу, – но пальцы у Даши были совсем белые и никак не хотели разжиматься. Тогда Эдик снова сказал:

– Тш-шш, детка, все хорошо, – а Даша дернула головой, взглянула на него, на канистру, и резко, одним движением,

отбросила ее в сторону. Казалось, она должна была сейчас заплакать, но не заплакала, а только дрожала, сильно, всем телом, пока Эдик, сидевший рядом, обнимал ее и покачивал, как младенца.

– Надо поджечь, – наконец произнесла она.

Эдик вытащил из кармана спичечный коробок и они замерли, переглянулись, и Даша, выхватив, коробочку, нетвердыми трясущимися руками со второго раза высекла огонек. Искра неохотно лизнула спичечную головку, та сморщилась, кивнула, скрутилась жгутиком и вот уже вся спичка горела ярко, подбираясь к Дашиным пальцам. За секунду до того, как огонек коснулся кожи, Даша разжала пальцы и спичка полетела вниз. По пути она чуть не погасла, но, коснувшись бензиновой пленки на стылой земле, вспыхнула с новой силой. В одну секунду ревущее пламя охватило всю яму, заплясало, забесновалось внутри, высовывая жадные жаркие языки наружу.

Вскрикнув всего однажды, Даша тут же замолчала, и сразу стало очень тихо, даже не потому, что никто из них не решался произнести ни слова, и не потому что они сидели не шевельнувшись, словно существовал какой-то заранее написанный сценарий, который нельзя было нарушить, испортить каким-нибудь несвоевременным словом или жестом, а потому что время словно бы замедлилось, сложилось складками, словно гофрированная бумага, и все вокруг будто перестало существовать. Остались только Даша с Эдиком, ко-

торые будто плыли в тягучей, застоявшейся воде и дышали этой самою водою, да танцующие языки пламени и старуха, беззвучно хрипящая обожженным горлом.

Загорелись в яме хрупкие косточки, вспыхнули, затрещали. Огонь с алчностью хищного зверя пожирал сухую плоть, а ветер донес до ноздрей тошнотворный, удушливый запах. Дернулся призрак, завывла старуха утробно, заколотилась яростно, бешено, да где ей с жарким пламенем сладить. Взмыла она вверх, закружила вокруг могилы, поднимая вихрем землю с черным снегом, осыпала комьями Дашу и Эдика. Долго металась она, пока не рыкнула в последний раз, кожа ее вздулась огромными пузырями, лопнула, обнажив мерзкую плоть, а потом подернулась черной дымкой и развеялась по ветру, как будто ее и не было.

Глава 23

Тишину, нарушаемую лишь гудением пламени в яме, разрезал еще один звук: собачий лай, перемежаемый с подвываниями. По этому звуку нельзя было определить, насколько далеко находится собака, но было ясно, что совсем скоро сторож выйдет из своей теплушки, чтобы посмотреть, что ее так встревожило. И в самом деле, не прошло и минуты, как до их слуха донесся грубый мужской голос, разразившийся потоком отборного мата. Потом на несколько секунд все стихло. Даша и Эдик переглянулись. А потом снова коротко взлаяла собака, и на этот раз стало понятно, что сторож спу-

стил ее с цепи и она бежит к ним.

– Бежим, быстро! – выдохнул Эдик, и они лихорадочно, торопливо выбрались за ограду, увязая ногами в рассыпанных комьях земли, ставших влажными и липкими от тепла пламени. Даша оглянулась на разбросанные вещи, но Эдик лишь сильнее дернул ее за руку.

– Хрен с ними, бежим! Нет времени собирать!

Они побежали по своим же следам, но не смотря на это двигаться было тяжело, в ушах стучало и очень скоро у Даши закололо в боку. Голос сторожа становился ближе. Теперь уже можно было различить отдельные выкрики:

– Стойте, ублюдки чертовы! Вы что же делаете, твари поганые! Сатанисты! Насмотрятся фильмов, а потом могилы роют! – и выругался: зло, витиевато и длинно, – Стойте, кому говорю, стрелять буду!

И в ту же секунду воздух разорвал громкий треск и коротким эхом прокатился по деревьям.

– Ложись! – успел крикнуть Эдик и утянул Дашу за собой в снег. Она упала.

– Что это? Он что, реально стреляет? – Даша слышала выстрелы только в кино и сейчас с трудом соотнесла услышанное со своими скудными познаниями.

– Предупредительный в воздух. Чертов психопат!

Даша подняла голову и оглянулась. Пар, поднявшийся над огнем, еще не успел покинуть это страшное место, она так и застыл на полпути к небу рваным кружевом. Огонь в мо-

гиле почти погас, весь бензин выгорел и только на дне продолжали гореть кости, слабым заревом освещая темные силуэты большой собаки и сторожа с поднятым вверх ружьем. Он постоял так еще пару секунд, затем опустил винтовку и двинулся к ним. Пес затрусил рядом.

– Он идет сюда! – взвизгнула Даша и, неловко опираясь руками на снег, поднялась на ноги и снова пустилась бежать. Эдик бросился за ней.

– Эдь! Он! Нас! Застрелит!? – выкрикивая по отдельности каждое слово, потому что дыхание сбивалось и нормально говорить было трудно, спросила Даша.

– Не. Ты че. Его ж посадят! – так же, задыхаясь ответил Эдик.

– Твою мать, собака!

Пес плавными длинными прыжками двигался впереди сторожа. Глубокий снег мешал и ему, опускаясь, он проваливался почти по самую шею, но тут же поднимал корпус, скидывал передние лапы и пер вперед как ледокол по океану.

Адреналин подстегнул их, придавая силы, усталость слетела, как будто ее и не было. Деревья громоздились вокруг, мешали; снег искрился, мелькал в глазах радужными пятнами. Дальше, дальше. Быстрее, еще быстрее. Даша бежала стремительно, ногами взметая облачка снега, изо рта – молочно-белый пар. Впереди темной полосой замаячил забор. Еще пара минут и Даша ухватилась руками за перекладину

сетки и, быстро перебирая ногами, забралась наверх, перекадилась и упала по другую сторону. Эдик перепрыгнул следом. От удара на миг потемнело в глазах, но Даша собрала последние остатки сил и поднялась на четвереньки. В эту секунду их догнала собака. Она ударила сетку передними лапами, вытянулась во весь свой немаленький рост, но перепрыгнуть не смогла. В бессильной злобе она залаяла, захрипела, оскалив длинные клыки, и продолжала прыгать у забора.

Эдик стоял в странной, напряженной позе, когда Даша подошла к нему, обхватила за локоть двумя руками и потянула в сторону машины.

– Нам жуть как повезло сейчас, детка. Будь это обученный служебный пес, перемахнул бы через забор как нефиг делать! Поехали отсюда к чертовой матери!

Даша ничего не ответила, лишь отвернулась, стараясь не слушать доносившуюся еще издали ругань сторожа. Снег, возраст, а возможно и алкоголь помешали ему двигаться с той же прытью, что и Даше с Эдиком.

Дорога была скверная. Глядя на Эдилов профиль, сосредоточенный на зеркале заднего вида, пока машина, раскачиваясь и рывками виляя задом, но настырно сдавала назад, с хрустом перемалывая остекленевшие от мороза следы их собственных колес на снегу, до тех пор, пока не выехала на широкое расчищенное место, где можно было развернуться, Даша думала. Она думала о стороже: кем был этот человек и что он делает сейчас, вызовет ли он милицию или дождетя

утра. Думала о том, возможно ли по следам и оставленным вещам определить, кто именно разбойничал на кладбище. И наконец она думала, получилось ли у них задуманное, ее единственная цель, ставшая в последнее время наваждением, как бы она ни была сформулирована, заключалась сейчас в одном: избавиться от проклятья. Получилось ли у нее? У них.

Она повернулась и снова посмотрела на своего спутника. Его напряженные руки крепко удерживали руль, он не вступал в разговор, не отводил глаз от дороги, а его лицо не выражало ровным счетом ничего. И тут Даша поняла, что он устал, чертовски устал от приключений этой безумной ночи. Тепло от печки обволакивало, качало на волнах и если Даша могла позволить себе расслабиться и задремать, то ему приходилось изо всех сил держать веки открытыми.

– Может остановимся, отдохнешь чуть-чуть? – спросила она, тронув его за рукав. Не глядя на Дашу, он протянул руку и положил ей на колено.

– Не сейчас, детка. Мы даже до города еще не доехали. Здесь нас моментально вычислят, – он на секунду повернул к ней лицо и глаза его потеплели, – Я в норме! А ты давай, поспи, если хочешь!

И его рука, лежавшая на Дашином колене, пару раз похлопала ее, а потом вернулась обратно на руль.

На въезде в город темнота постепенно сменилась серой, неудобной хмарью. Один за другим гасли придорожные фо-

нари, лишая путников зыбких островков теплого желтого света. Город проехали быстро – на этот раз пробки уже сососались и по улицам сновали лишь деловитые ПАЗики, степенные троллейбусы и дребезжащие трамваи да те немногие счастливики, что начинают рабочий день позже восьми.

Въезжая через два часа в Межениновку, они не знали еще, что она им приготовила. Даша ожидала увидеть, как вынырнет из-за голых садовых деревьев бабушкин некрашенный дом, как белый дым тонкой струйкой будет подниматься из печной трубы вверх, как бабушка всплеснет руками, увидев Эдика, засуетится, накрывая на стол, как они скинут наконец грязную одежду, будут сидеть в жарко натопленной кухне, пить чай и захлеб рассказывать про свое ночное приключение. И как потом Даша будет учить Эдика, насквозь городского жителя, топить баню, поджигая смолистые пахнущие поленья, как они вдвоем натаскают ведрами воды из колодца, и когда она согреется в котле, они пойдут мыться по очереди. Может быть по очереди, а может быть и вместе, и разогретый пар будет щекотать ноздри, обещая смыть усталость и ужас минувшей ночи.

Совсем рядом, за узкой полоской леса, темнеющей на фоне неба, поднимался черный, густой столб дыма.

– Господи.., – прошептала Даша. Внезапная догадка тонкой раскаленной иглой пронзила ей сердце. – Эдик, быстрее! Что-то случилось!

Солнце уже поднялось высоко. Деревня сразу за переле-

ском. Деревья стояли молча и в тишине. Только большая птица, потревоженная шумом мотора, сорвалась с ветки и, тяжело хлопая крыльями, улетела.

Еще на краю деревни она поняла, что горит бабушкин дом... Эдик едва успел затормозить, как Даша выскочила из машины и, не закрыв за собой дверь, кинулась в разномастную гудящую толпу.

Дикий, нечеловеческий крик вырвался у Даши из груди. Сердце рвалось, словно лопались невидимые нити – «Бабушка! Где бабушка?! Вы видели Веру Васильевну? Где она? Она вышла из дома?!» – подбегала она к каждой тетке, хватала за одежду, заглядывала в глаза в тщетной надежде. И голос ее звучал тонко, жалобно, по-детски. Женщины прятали глаза, вздыхали, качали головами: «Нет ее, деточка... уж как звали мы ее, звали... да войти никто не решился внутрь, дом нешто керосином облили, полыхнуло – не подступисси... как жила не по-человечески, так и померла не по-людски...»

Вокруг столпилась толпа. Мужчины, женщины, дети постарше выстроились длинной колонной и передавали по цепочке ведра с водой. Во дворе пожарные поливали дом в несколько стволов, но пламя взвилось уже выше садовых деревьев, небо огнем окутало, черный дым разъедал глаза. От дома остался уже только черный, с провалившимися стропилами и слепыми окнами без стекол, полопавшихся от жара, скелет, он потрескивал, сыпал искрами, чадил невыносимой тошнотворной вонью. В стороне жалобно мычала корова. От

хлева тоже не осталось ничего, кроме теплого еще пепелища.

Притихли все. Молчат.

Пожарные залили последние тлеющие угольки и уехали. Люди постояли еще немного, посудачили и разошлись.

А Даша обняла печальную коровью морду, прижалась к теплой шерсти мокрой щекой. Ей нужна была пауза, чтобы собраться с силами, осмыслить, придумать, как жить дальше. Слишком много потерь, слишком много боли. Но иногда подлинное мужество не в борьбе, а чтобы встретить неминуемое лицом к лицу. Встретить, прочувствовать и жить дальше, потому что в одну реку дважды не войти. Как прежде уже не будет. Но будет по-другому.

Она внезапно почувствовала, что заполнившая мир боль не ушла, но дала ей вдохнуть. И плита, лежавшая на ее плечах, треснула, раскрошилась и сгинула прочь.

Она всё ещё плакала, но впереди стал виден зыбкий, пред-
рассветный, ломкий луч света, который сильнее самой чёр-
ной ночи. Эдик подошел близко-близко, обнял одной рукой
за плечи. Притянул к себе. Даша сквозь слезы заглянула в его
распахнутые настежь глаза и только сейчас заметила, како-
го красивого они цвета: орехово-карие, с золотыми прожил-
ками и темной каймой вокруг. А потом мысленно толкнула
себя и шагнула туда, в ореховую глубь. Она летела легко и
свободно, растворяясь в бесконечности, и крепкие руки не
давали ей упасть, нет-нет, только вверх или вниз.

Сашка пропал. Не звонил, не писал, не приходил. И Даша в какой-то момент осознала, что это даже и к лучшему. Она вернулась на работу и «Медея» стала местом, где она забывалась в круговороте рутины и пряталась от невзгод.

Город раскрывался, избавлялся от серого унылого снега, превращал тротуары в заливы ледяной воды, и люди как цирковые акробаты прыгали по мягким, последним тающим островкам. Жгучие морозы отступили и в воздухе появился тонкий пьянящий аромат весны, и Даша сменила толстый пуховик на тонкое изящное пальто, подставляла теплому южному ветру волосы, и ветер трепал их, запутывал и приносил с собой отзвуки бурлящей жизни, трамвайные звонки, птичий гомон и детские голоса.

И где-то по городу Даша ходила с Эдиком. Он держал ее за руку, а она вглядывалась в лица прохожих, читала вывески домов. Они пили терпкий кофе в кофейнях, покупали билеты на последний ряд в кинотеатре, и много, до ужаса много смеялись. Эдик говорил практически без перерыва, и порой Даше хотелось, чтобы он заткнулся наконец и дал ей мирно прогуляться, но когда он все-таки замолкал, Даша жаждала, чтобы он заговорил вновь.

Между ними еще ничего не было, только иногда Эдик крепко обнимал Дашу, и она не думала о том, что их связывает, ей было просто хорошо возле него, в кольце его рук. Иногда Эдик сам задавал ей вопрос, что будет дальше, но она только улыбалась и беспечно пожимала плечами в ответ.

Ей хотелось думать, что дальше будет все, как должно быть.

И она поверила, что однажды в ее жизни будет новое, неизвестное. Будет белка из парка, новый сорт чая, белая юбка в горох и горчичный соус к мясу. Новые книги, люди, университет, диплом, желтое такси, чья-то громкая речь и любимый город – все они удивительным образом впереди в ее жизни.

Эпилог

Весна обрушилась на широкие, сплетенные в тугий венок и разбегающиеся в стороны, улицы. Обрушилась вопреки снегу, шквальному ветру и сорокаградусному морозу, который не стер, как ни старался, с лица земли живое, а сотворил.

Даша отвернулась от окна, за которым тяжелое серое небо стало голубым и легкомысленно высоким, а снег, покоряясь первым солнечным лучам, превращался в холодные капли, которые ползли по крышам, соединялись в тонкие струйки, росли, ширились, и шумным потоком устремлялись по водостоку вниз.

– Блин, я не могу дышать! И кто только придумал эти дурацкие корсеты! Ослабь пожалуйста, не то я как английская леди хлопнусь в обморок! – Любава подошла к Даше, повернулась спиной и убрала со спины зефирное-белое облако фаты и прическу с жесткими, залитыми целым пузырьком лака, локонами.

Даша развязала тугий узел и стала расслабила тугую шнуровку платья, оставив внизу гораздо больше свободы.

– Так?

– Ну вот, теперь есть место даже для еды, – засмеялась Люба, положив руки на свой слегка выступающий, округлившийся живот. – А то я сегодня даже поесть нормально не успела!

– Потерпи, скоро весь стол будет в твоём распоряжении! – засмеялась Даша, – Только гостям оставь хоть немного!

– Чтоб ты понимала! Тебе ведь еще не хотелось сожрать тазик соленой селедки и отполировать его килограммом черешни!

– Едут! – воскликнула Стелла Альбертовна, врываясь в комнату, – Все по местам!

Любава подхватила широкие юбки и торопливо пошла в гостиную, где на стоявшие в ряд три стула уже усаживались спиной к двери ее брат Ленька и полноватая Марина, Любина двоюродная сестра. Одеты они были весьма странно: в такие же белые платья, как у Любавы, но явно не по размеру, с не сходящейся шнуровкой на спине, на ногах белые колготки и туфли на шпильках, Леньке явно доставляющие немало страданий, на головах на честном слове держались сооружения из снятых с окон занавесок. В довершении образа у Леньки в лифе покоились два красных воздушных шарика, а на голове красовался нелепый розовый парик. Люба усе-лась между ними, тщательно расправила складки на платье и укрыла лицо фатой.

Даша подбежала к окну в гостиной, выходящему во двор,

и увидела внизу у подъезда вереницу украшенных машин, нарядную толпу, а в центре Сашку и Эдика. Они стояли лицом друг к другу, сжав руки за спиной и вцепившись зубами в одно яблоко на двоих. Ей не было слышно, что кричали гости, но она видела, как они разразились аплодисментами, когда Сашка все-таки откусил изрядный кусок от яблока и двинулся к двери. Эдик шагнул за ним.

Даша поправила алую синтетическую ленту с надписью «Почетный свидетель» и заняла свой пост у входа. Сегодня она от души поиздевается над ним!

Спустя долгих десять минут ключ в замочной скважине повернулся, дверь открылась и на пороге возник взъерошенный, забрызганный водой Сашка и двинулся напрямик в комнату. Даша решительно преградила дорогу. Волнение и страх внезапно обрушились на нее и она сорвавшимся голосом пропищала дурацкий заученный стишок:

– Вот и все, открыт проход,

Заходи, честной народ!

Здесь сидит твоя невеста,

Тихо в комнату ступай

И Любаву угадай!

И пока Эдик щедрой рукой выгребал из мешка остатки конфет и пихал их в руки родителям, Даше, подругам, Сашка под всеобщее улюлюканье поднял со стула свою Любаву и нежно поцеловал.

На улице у подъезда он поднял невесту на руки, чтобы она

не промочила ноги в ледяных лужах и отнес в машину.

Суматошный день пролетел в свадебных судорогах. Гре- мел маршем Мендельсона, гудел роем пустяковых, но в то же время таких важных традиций: замочек на мосту повесить, семь мостов проехать, у каждого памятника сфотографиро- ваться, шампанское об стеллу разбить. Теперь, когда беспо- койный день сменился нежной, манкой, с лукавым прищур- ром ночью, когда горячее было съедено, горячительное вы- пито, а торт продан за баснословную сумму, по залу разно- силась тягучие и сладостные звуки музыки для захмелевших гостей. Упоительно. Все казалось Даше воздушным и неве- сомым, она плыла где-то в закоулках звучных сонат. Никогда раньше музыка не вызывала в ней таких эмоций: упоение, смешанное с поразительным, безграничным спокойствием.

Почему она раньше такого не чувствовала? Удивительно.

Эдик молча улыбался рядом. Он неуклюже, но очень неж- но вел ее в медленном, баюкающем танце. Руки скользили по спине, по волосам, а глаза были совсем близко. Ей казалось, еще чуть-чуть и она провалится в них, в ореховую глубину. Она знала, чувствовала: сейчас что-то произойдет.

Даша медленно вдохнула. Кажется, придется учиться это- му заново. Вдох-выдох, вдох-выдох. Господи, как же это де- лается?

Эдик резко притянул ее к себе, обнял так, словно хотел втянуть в себя, чтобы навсегда вместе, чтобы всегда – с со-

бой.

Даша поняла, что она жива, она живет, она дышит, она вытягивает раскрытую ладонь к свету.

КОНЕЦ

Контакты автора:

E-mail: valleygirl@yandex.ru

Instagram: <https://www.instagram.com/cvetnie.ladoshki/>